НЕФЕРТИТИ и ЭХНАТОН

Кристиан Жак

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга известного французского египтолога Кристиана Жака – первое на русском языке подробное описание одного из самых загадочных периодов истории Древнего Египта. В ней доступно рассказывается о жизни и деятельности «солнечной четы» – фараона Эхнатона и его супруги Нефертити. С периодом правления Эхнатона, жившего более трех тысяч лет назад, связано немало загадок. Исследователи до их пор не могут прийти к единому мнению по вопросам о том, каковы были предпосылки «религиозной реформы» Эхнатона, почему он решил построить для себя новую столицу, как объяснить, что изображения фараона резко отличаются от изображений его предшественников и преемников… Кристиан Жак предлагает читателям свою версию тех давних событий.

- Кристиан Жак
  - Кристиан Жак, или Что такое «историческая правда»?
  - Кристиан Жак
    - Введение
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
    - Глава VII
    - Глава VIII
    - Глава IX
    - Глава X
    - Глава XI
    - Глава XII
    - Глава XIII
    - Глава XIV
    - Глава XV
    - Глава XVI
    - Глава XVII
    - Глава XVIII
    - Глава XIX
    - Глава XX
    - Глава XXI
    - Глава XXII
    - Глава XXIII

        - Глава XXIV
        - Глава XXV
        - Глава XXVI
        - Глава XXVII
        - Глава XXVIII
        - Глава XXIX
        - Глава XXX
        - Заключение
    - ХРОНОЛОГИЯ
    - БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33

- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77

- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121

- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124

Кристиан Жак
Нефертити и Эхнатон: солнечная чета

Кристиан Жак, или Что такое «историческая правда»?

История – это исток современности, а может быть, и в буквальном смысле ее живая часть (так, по крайней мере, полагал любимый мною Фолкнер). Мы обрекли бы себя на материальную и духовную нищету, если бы стали это отрицать. К сожалению, именно в нашей стране отношение к истории, если можно так выразиться, – не совсем адекватное. Ее столько раз переписывали в угоду господствующей идеологии, что мнения профессионалов-историков у многих (особенно молодых) людей вызывают огульное недоверие. С другой стороны, слишком легко принимаются на веру вовсе бездоказательные концепции самого нелепого свойства, если только они удовлетворяют смутную тягу читателей к поверхностному мистицизму, паранормальным явлениям и прочему в таком роде.

Тот и другой подходы – следствие непонимания специфики исторических исследований, критериев, позволяющих оценивать их «правдивость».

Отвергать что-либо «огульно» вообще никогда не следует. Конечно, историки – люди, они могут ошибаться, испытывать на себе идеологическое давление и даже сознательно лгать ради идеи, а то и просто ради карьеры. Однако «корпорация» историков (или, уже, египтологов) – корпорация международная. Можно написать недобросовестную работу – но коллеги разнесут ее в пух и прах, и ты навсегда утратишь их уважение. Другое дело, что долгое время нас отделял от Запада «железный занавес» и мнением зарубежных коллег можно было просто пренебречь. Но, между прочим, как раз египтологи советской России ложью себя не запятнали. Великий русский египтолог Ю. Я. Перепелкин, всю жизнь занимавшийся эпохой Амарны, написал статью о Древнем Египте для многотомной «Всемирной истории». По мнению редактора, статью непременно надо было поправить, потому что Юрий Яковлевич ничего не говорил о преобладании в Египте рабского труда, то есть не подтверждал общепринятую тогда марксистскую концепцию развития Древнего Востока, но – он отказался это сделать. Статья все-таки вышла, подписанная так: *«По материалам* Ю. Я. Перепелкина». Позже, в брежневский застойный период, начинали свою профессиональную деятельность два ученика Ю. Я. Перепелкина, египтологи высочайшего класса – Олег Дмитриевич Берлев и (ныне покойный) Евгений Степанович Богословский. В их работах также

не было ни следа приспособленчества к политической конъюнктуре, и работы эти пользуются заслуженной известностью в России и за рубежом. У всех упомянутых историков есть одна общая черта, свойственная настоящим профессионалам: они тщательно изучают весь комплекс доступных материалов, прежде чем решаются сделать те или иные выводы, а не подкрепляют предвзятые идеи надерганными из текстов цитатами.

Как-то в журнале по медиевистике мне попалась публикация, которой было предпослано следующее сообщение. В годы Второй мировой войны один французский историк (имени его я, к сожалению, не помню), желая помочь незнакомому молодому человеку, участнику Сопротивления, который скрывался от немцев, объявил его своим аспирантом. Юноша был очень далек от медиевистики, латыни не знал. Казалось бы, чего проще? Он должен был *делать вид,* что пишет диссертацию у знаменитого профессора, писать какую-нибудь ерунду. Но, с точки зрения профессионала, *стыдно* допустить, чтобы твой аспирант защитил недоброкачественную работу. Поэтому мнимому ученику предложили такую тему, которая была ему по силам, – он должен был изучать фасоны стрижки бороды по миниатюрам в рукописных книгах. Молодой человек диссертацию написал, в руки к немцам не попал, а работа его, как это ни удивительно, оказалась и интересной, и перспективной. Прически тоже многое говорят о людях и их менталитете, как теперь принято выражаться…

Знаем ли мы «историческую правду» о Древнем Египте? И да, и нет. Несколько лет назад английский египтолог Джеффри Мартин рассказывал в Москве о своих сенсационных раскопках гробницы генерала (будущего фараона) Хоремхеба,[1] о котором вы будете читать в этой книге. Мартин показал слайд: песчаные дюны под голубым небом. И сказал: «Это мемфисский некрополь времени Нового царства. Каждая дюна – еще не раскопанная гробница. Здесь хватит работы для многих поколений археологов».

Я читаю иероглифические тексты и прекрасно понимаю, каким великим открытием была расшифровка иероглифов, предложенная Ж.-Ф. Шампольоном, как хороша грамматика древнеегипетского языка, написанная в 1923 году сэром Аланом Гардинером (получившим именно за эту работу титул лорда). И вместе с тем знаю, что египетские тексты, которые писались без пробелов между словами и знаков препинания, можно интерпретировать – в определенных пределах – по-разному; что смысл многих слов (особенно тех, что обозначают мировоззренческие понятия) известен нам *приблизительно;* что

принципы построения египетского текста только в самое последнее время начали изучаться всерьез.

С каждым новым открытием (даже если потом оно оказывается ложным) мы все более приближаемся к истине, освобождаемся от прежних ошибок и после первых, «детских» вопросов («В каком году была битва при Кадеше?», «Был ли Эхнатон[2] психически больным человеком?»), начинаем задавать себе вопросы более серьезные: «Что такое цивилизация?», «Как она устроена?», «Какие возможности заложены в человеческом языке?», «Что собой представляли египетские религия, искусство, система ценностей и повлияли ли они на христианскую культуру Запада?». И, по всей видимости, процесс этот будет бесконечным.

Кристиан Жак – египтолог, автор многих книг, популяризующих достижения египтологической науки (из них на русском языке была опубликована работа «Египет великих фараонов»,[3] удостоенная премии Французской академии), и исторических романов («Шампольон-египтянин», «Царица-Солнце», «Дело Тутанхамона[4]», недавно переведенный на русский язык «Рамсес» и др.). Книга, которую вы сейчас открыли, – *первое* на русском языке доступное для неспециалистов комплексное описание одного из самых интересных и «темных» периодов в истории Древнего Египта. Автор не пытается делать вид, что способен точно реконструировать ход тогдашних событий, – и это очень хорошо. Он обращает внимание на лакуны в наших знаниях, излагает разные, порой противоположные точки зрения на ту или иную проблему. Правда, версии, возникавшие в разное время, на протяжении XIX–XX веков, зачастую пересказываются вперемешку, и читателю будет непросто оценить их относительную значимость, а также составить представление о приоритетных на сегодняшний день проблемах и направлениях в изучении Амарны. И все же он получит надежные сведения и о биографии «солнечной четы», и о жизни ее столицы Ахетатона,[5] и о запутанной ситуации в азиатских владениях Египта, и об амарнском искусстве. В книге содержатся отрывки из подлинных египетских документов, полные переводы двух самых знаменитых религиозных памятников того времени – так называемых «малого» и «большого» гимнов Атону, а на рисунках в тексте и в фототетрадях – редкие репродукции статуй и гробничных росписей.

Разумеется, Кристиан Жак имеет собственную концепцию «амарнской авантюры», но и она – увы! – не окончательна и не бесспорна.

Образ Эхнатона, который рисует автор, окрашен его любовью

к этому персонажу. Кристиан Жак настаивает на том, что фараон не был деспотом, никого не преследовал, никому не запрещал верить в традиционных богов. Однако он не приводит противоречащих этому высказываний из надписей, которые хорошо ему известны и которые он сам упоминает в тексте книги. В гробнице Туту, например, можно прочитать такие слова: *Всякий ненавистный (попадет) на плаху… он подпадает мечу, огонь пожирает [его] плоть… Обращает он (Эхнатон) мощь свою против тех, кто игнорирует учение его, милости свои – к тем, кто знает его.* В письме Абимилки, царя Тира (из амарнского архива), содержатся эпитеты фараона, которые, возможно, являются дословным переводом из египетского источника: *…дающий жизнь посредством своего дыхания, сокращающий ее своею властью.* В тексте бухенской стелы о нубийском походе сообщается, что фараон велел предать пленников мучительной казни – посадить на кол. При жизни Эхнатона были изуродованы гробницы его собственных, попавших в немилость чиновников – например, Саха и Пареннефера. Жак пренебрегает мнением известного египтолога Д. Редфорда, который писал, что фараон заставлял своих подданных стоять во время долгих церемоний под открытым небом, на жаре. По его мнению, вельможи в случае крайней нужды могли укрыться под балдахинами. Но стоящими под балдахином мы видим только царя и Нефертити. А как быть с изображениями из гробницы начальника полиции Маху, где один из самых влиятельных вельмож государства – визирь – *бежит* по дороге *перед скачущими лошадьми* фараона?

Что касается того, что подданным Эхнатона ничто не мешало верить в прежних богов, то не могу не процитировать двух гимнов Амону, в которых Я. Ассман видит прямой намек на события эпохи Амарны.[6] Первый из них был записан в период расцвета атонизма жрецом Амона – в потаенном месте, в гробнице более старой эпохи:

Мое сердце тоскует по (возможности) видеть тебя, о владыка персеевых деревьев, когда шею твою украшают венками из цветов! Ты даруешь насыщение без вкушения пищи, опьянение без пития. Мое сердце стремится увидеть тебя, о радость моего сердца, Амун, борец за сироту! Ты – отец того, кто лишился матери, супруг вдовы.

О, сколь сладостно произносить твое имя: оно – как вкус жизни, как одежда для нагого, как аромат цветущей ветви во время летней жары (…), как глоток воздуха для того, кто побывал в темнице. Обратись к нам вновь, о владыка полноты времени! Ты был здесь, когда еще ничего не возникло, и ты будешь здесь, когда «им» (по интерпретации Ассмана – приверженцам

Эхнатона) *придет конец…*

Следует обратить внимание на то, что, называя Амона «отцом» сироты, автор гимна присваивает ему прерогативу амарнского царя, который считался «отцом и матерью» всех людей; называя же Амона «владыкой полноты времени», присваивает ему качество Атона. То есть речь здесь идет не просто о почитании Амона *наряду* с Атоном, а именно о *противопоставлении* культа Амона культу Атона и царя. Противопоставление двух вероисповеданий подразумевается и во втором гимне, возможно написанном вскоре после смерти Эхнатона:

> *… Солнце того, кто не ведает тебя, зашло, о Амун;*
> *но знающий тебя говорит:*
> *Оно взошло на переднем дворе (храма)!*
> *Тот, кто нападает на тебя, пребывает во тьме,*
> *даже если вся земля лежит в лучах солнца.*
> *Тот же, кто поместил тебя в свое сердце, – смотри, его солнце взошло!*[7]

Сохранилась, наконец, и надпись фараона Эйе,[8] в которой он прямо заявляет: *Я удалил зло. Каждый теперь может молиться своему богу* (пещерный храм в эс-Саламуни).

Наименее удачно, на мой взгляд, в книге описана именно религиозная реформа Эхнатона. Прочитав работу Кристиана Жака, читатель *в принципе* не может узнать правду об атонизме – потому, что автор почти ничего не сообщает о египетской религии более ранних периодов.

Суть дела заключается в том, что по верованиям египтян Бог-Творец постоянно принимает (на время или практически навсегда) самые разнообразные формы, каждая из которых может вести самостоятельное существование (как ведут самостоятельное существование дети, родившиеся от одной матери и одного отца). Богов может быть очень много, но в центре теологических споров эпохи Нового царства стояла проблема понимания сути *главного божества* и его взаимоотношений с людьми. Новое царство – время формирования и распространения религии «личного благочестия» (ее первые истоки относятся к Среднему царству): люди научились обращаться к Богу сами, без посредничества фараона и жрецов. Очень часто в качестве такого «личного» бога фигурировал Амон-Ра – «тот, кто слышит мольбу пребывающего в нужде», «отец и мать для того, кто помещает его в свое сердце». Но ведь сплоченность египетского государства всегда основывалась на личности фараона, которого в начале истории

считали зримым воплощением бога Хора, а позже (с V династии) – сыном солнечного бога Ра, «младшим богом», то есть существом, соединяющим в себе человеческую и божескую природу. Столкнувшись с феноменом «личного благочестия», фараоны начали убеждать своих подданных (в официальных надписях) в том, что никто, кроме них, не может постичь истинную волю Бога и обеспечить благоденствие подданных. «На него смотрят, как на Ра», – говорит о себе царь Яхмос. Тутмос I называет себя «защитником Египта», его дочь Хатшепсут провозглашает себя «пастырем Египта». Но даже этого ей кажется мало, и она выражается о себе (в третьем лице) так:

Образ ее божествен,
Характер ее божествен,
Делает она вещь всякую, как Бог,
Просветленность ее, как у Бога

(«Легенда о юности Хатшепсут»).

И, тем не менее, находилось все больше людей, которые предпочитали обращаться со своими житейскими просьбами не к Хатшепсут, или к Тутмосу III, или к другому царствующему фараону, а непосредственно к Амону-Ра…

Эхнатон, как справедливо пишет Кристиан Жак, попытался вернуться к религии V династии. Это значит, что на «личное благочестие» был наложен *полный запрет.* Атон отличается от Амона не просто тем, что представляет собой иную форму воплощения главного божества. Атон – бог, который создает живых существ и обеспечивает элементарные условия их существования: чередование дня и ночи, плодородие земли, нильское половодье. Но обратиться к нему с просьбой нельзя. «Отцом и матерью» живущих, их защитником и благодетелем (в социальном смысле) может быть только сын и соправитель Бога, Эхнатон. *«Солнцепоклонничество и царепоклонничество, переходящее одно в другое, пронизывающее одно другое, неотделимое одно от другого, – не это ли сама душа, само существо фараоновской солнечной веры Аменхотепа IV»,* – писал один из лучших знатоков эпохи Амарны Ю.Я. Перепелкин.[9]

Уже отец Эхнатона, Аменхотеп III,[10] искал пути укрепления пошатнувшегося авторитета фараона. Он построил особый храмовый комплекс, Луксор,[11] где ежегодно (а не после тридцати лет царствования, как его предшественники) совершал обряд магического возрождения.[12] Он повелел создать множество своих статуй в образах богов и называл себя «сияющим

Атоном»… В самое последнее время возникла интересная, подкрепленная иконографическим материалом гипотеза. Ее автор, У. Р. Джонсон, предполагает, что совместное правление Аменхотепа III и Эхнатона длилось очень долго, до 12-го года правления второго из упомянутых царей, и что под именем Атона почитался не кто иной, как старший фараон, в то время как его младший соправитель был воплощением бога светоносного воздуха Шу.[13]

Мысль Кристиана Жака о том, что Эхнатон задумывал свою реформу как программу на срок одного – его собственного – царствования, кажется мне абсолютно ничем не подкрепленной. Речь шла об очень серьезных, глобальных вещах – понимании природы Бога. Египетские же фараоны вообще всегда планировали свои деяния (будь то постройки, надписи, изображения) «на срок вечности».

Эхнатону не удалось повернуть историю вспять. После отказа от атонизма начинается лавинообразное распространение «личного благочестия» (и почитания Амона) в самых широких слоях населения. Отношение к Амону в послеамарнский период хорошо выражено в следующем гимне:

> *Каждый говорит: «Мы принадлежим тебе!»– сильные и слабые вместе,*
> *богатые и бедные, как одни уста,*
> *все одновременно…*
> *Каждый обращается к тебе, чтобы высказать свою мольбу,*
> *твои уши открыты, дабы ты мог услышать их и исполнить их желания.*[14]

А что же фараоны? Отвергнув радикализм Эхнатона, они все же пытались сохранить ту часть его учения, которая фактически ставила фараона на место «личного бога» человека. Отчасти им это удавалось. Крупные вельможи, которых цари осыпали благодеяниями, выражались о своих повелителях так:

> *Свет, благодаря видению которого живут;*
> *Жизненная сила* (или: пропитание – ка*) каждого;*
> *Мой бог, создавший меня и постоянно созидающий меня*
>
> *(наместник Нубии Инени о Сети I).*
>
> *Он – Хнум* (то есть Творец) *людей,*

Укрепляющий сироту, направляющий беспомощного…
Нил человечества,
Свет для того, кто помещает его в свое сердце

(везир Пасер о Сети I или Рамсесе II).

Но так продолжалось только до тех пор, пока фараоны обладали реальной властью (до конца XIX династии). В Поздний период (в правление ливийских династий: середина 10-го – 1-я половина 8 в. до н. э.) наследник престола царевич Осоркон (9 в. до н. э.) еще называет себя: *«любящая сердцем мать* (!), *дающая хлеб голодному и одевающая нагого, приходящая на зов страждущего…».* Но царские эпитеты подобного рода уже не стесняются присваивать себе и просто крупные вельможи (Шепенупет II, например, говорит о себе: *«Образ бога Ра, добрый пастырь народа»),* и уже все знают, что боги «главнее» царя (один сановник, например, вскользь упоминает: *«Я вышел оправданным из дома царя по приказу богов»).*

Неубедительным мне представляется и то, как оценивает Кристиан Жак отношение к Эхнатону его ближайших преемников. Выше я уже приводила слова Эйе о том, что он «удалил зло» (сделанное его знаменитым предшественником). По мнению французского исследователя, в так называемой «Реставрационной надписи» Тутанхамона не содержится прямого осуждения Эхнатона. На самом деле трудно, пожалуй, выразить неприязнь к создателю атонизма более откровенно, чем это сделал Тутанхамон. Он прямо обвиняет Эхнатона в том, что тот навлек на Египет гнев богов и, соответственно, неприятности во внешнеполитической сфере – подобные обвинения встречаются в египетских официальных текстах исключительно редко (по отношению, например, к иноземным завоевателям Египта гиксосам). Процитируем строфу надписи, где содержится это обвинение, целиком:

Пребывала земля (в состоянии) прохождения болезни:
Боги отвернулись от земли этой.
Если посылали войско в Джахи (Сирию),
Чтобы расширить границы Египта,
Не случалось успеха их никакого.
Если обращались с мольбой к Богу,
Чтобы посоветоваться с ним о чем-то,
Не приходил он [вовсе].
Если просили богиню какую-либо
О том же самом,

Не приходила она вовсе.
Сердца их (последователей Эхнатона?) *ослабли на плоти их,*
Погубили они сделанное (ранее).

Жак видит в описании запустения храмов (в той же надписи) литературную условность. Скорее всего, в буквальном смысле храмы действительно не были разрушены. Но ведь Тутанхамон детально описывает то, что он сделал для храмов, что обязан был сделать Эхнатон (как любой фараон) и чем он явно пренебрег: Тутанхамон заказывает новые статуи Амона и других богов, обеспечивает жертвоприношения, назначает жрецов, умножает подати в пользу храмов, передает им дворцовую челядь (каждый фараон должен был, согласно египетской традиции, умножать сделанное его предшественниками). Все это молодой царь свершает для того,

Чтобы умиротворить богов,
Чтобы сделать то, чего хотят их ка,
Чтобы они защищали Землю Любимую (Египет).

Есть документ, который подтверждает правдивость царя.[15] Он датируется 22 днем 3 месяца Половодья 8 года Тутанхамона. В нем сообщается: *В день этот повелело Его Величество… начальнику сокровищницы Майе обложить податью землю до края ее, и назначить жертвоприношения богам всем Земли Любимой (Египта), начиная от Элефантины и кончая Сема-неб-Бехдет (Дельтой).*

А как относился к атонизму Хоремхеб?

Он тоже подчеркивает свою роль в восстановлении прежней веры:

Обновил он храмы богов
От болот Дельты до Нубии

(«Коронационная надпись»).

Но еще важнее, пожалуй, свидетельства иного рода. В той же «Коронационной надписи» Хоремхеб рассказывает о своей карьере при царях-солнцепоклонниках. Он гордится этой карьерой, то есть, как будто бы не осуждает своих прежних владык. Однако, по словам Хоремхеба, он был возведен на престол волею Амона и,

что очень важно, бога своего родного города – Хора, владыки Хут-Нисут. Описание взаимоотношений Хоремхеба с Хором города Хут-Нисут однозначно показывает, что сам Хоремхеб был (или стал) приверженцем религии «личного благочестия» – религии, противоположной по своей сути атонизму!

И еще одно обстоятельство. Аменхотеп III, Эхнатон и даже Тутанхамон активно распространяли в Нубии культы единого общегосударственного бога (Амона, Атона) и правящего царя. Почитались, например, такие воплощения божественного царя, как «Неб-маат-Ра (Аменхотеп III), владыка Нубии бог старший (!) владыка неба» и «Неб-хепру-Ра (Тутанхамон), пребывающий в крепости Фарас». Данных о том, что подобные культы божественной составляющей собственной личности учреждал Хоремхеб, у нас нет. Напротив, в построенном им скальном святилище Абу Ода мы видим изображения традиционных (для эпохи Нового царства) нубийских богов: Хора владыки Баки, Хора владыки Миама, Хора владыки Бухена и упоминаемого в первый раз Хора владыки Меха.[16]

Говоря об отношении к Эхнатону Рамессидов, Жак упоминает египетское словечко *херу,* которое употребляли в тогдашних надписях по отношению к Эхнатону, и интерпретирует его как «павший», то есть «покойный» – в противовес общепринятой интерпретации «преступник», «враг». Действительно, *херу* – причастие от глагола *хер,* «падать»; однако оно имеет уничижительный оттенок – нечто вроде нашего «падаль» – и употребляется исключительно по отношению к вражеским воинам (а все враги Египта считались преступниками, мятежниками).

Мне представляется целесообразным добавить несколько дополнительных штрихов и к тому, что пишет Кристиан Жак о ситуации в азиатских владениях Египта.

Египетская империя, возникшая в результате завоеваний Тутмоса I, Тутмоса III, Аменхотепа II и – в меньшей степени – других фараонов XVIII династии, включала в себя Нубию и Сиро-Палестину. Ко времени правления Аменхотепа III провинции прочно вошли в состав Египта, их подати были сопоставимы с налогами, которые платили государству исконно египетские территории, а местные правители фактически превратились в египетских чиновников. Царь подтверждал их вступление на престол, они подчинялись египетскому наместнику (в Азии он назывался «рабису») и были связаны с фараоном многочисленными обязательствами:

– должны были охранять провинциальные центры и египетские караваны;

– «охраняли» свои собственные города (письма из амарнского

архива 74 и 99: князь не может даже на небольшой срок покинуть свой город, пока фараон не пришлет кого-то, кто будет замещать его в его отсутствие);

– обязаны были содействовать поимке находящихся в их владениях врагов фараона;

– информировали вышестоящих египетских чиновников или самого царя обо всех политических новостях в регионе;

– не имели права вести самостоятельную внешнюю политику и должны были по первому требованию фараона являться в Египет или посылать туда своих ближайших родственников.

Князь Иерусалима Абдихиба в письме к фараону характеризует свой статус таким образом: *«Вот, я не правитель. Я – солдат царя, моего господина. Смотри, я – пастух царя. Я тот, кто несет дань царя. Не отец мой, не мать моя, но могущественная рука царя посадила меня в доме моего отца».*

После разгрома наиболее упорных противников фараона, княжеств Кадеша и Тунипа (при Тутмосе III и Аменхотепе II), и установления дружеских отношений между Египтом и Митанни[17] (в правление Тутмоса IV) князья окончательно покорились египетской власти, стали перенимать египетскую культуру, образ жизни и моду египетского двора. Особенно это касается Нубии, но и князь Библа Рибадди с ностальгией вспоминает: *«Кто давал что-нибудь? А царь (Египта) давал продовольствие правителям, моим коллегам… Прежде моим отцам присылали из (египетского) дворца серебро и все необходимое для их жизни. И мой господин присылал им солдат»* (EA 126). Карликовые государства Сиро-Палестины вообще не могли в ту эпоху существовать самостоятельно, для них было важно найти себе сильного покровителя, который защитил бы их от нападений соседних крупных держав, превратностей междоусобной борьбы, периодически возникавшей угрозы голода.

В отношении иноземцев, которые сохраняли верность Египту, не было никакой дискриминации, и они могли даже сделать блестящую карьеру при египетском дворе (так, азиат Аперэль, гробница которого была недавно издана А. П. Живи,[18] стал визирем; известны и другие крупные чиновники и военные азиатского и нубийского происхождения). В мемфисской гробнице генерала Хоремхеба[19] сохранилась сцена, где египтяне и иноземцы приветствуют фараона. В отличие от изображений более раннего времени, здесь иноземцы держат в руках посохи, знаки высокого общественного ранга (а один из них имеет при себе кинжал), и приветствуют фараона стоя, как и египтяне. В другой сцене из той же гробницы, сцене посольства, иноземцев ожидают их собственные колесницы со слугами.

Все обстояло вполне благополучно до того момента, пока на международной арене не появилась новая крупная держава – хеттская.[20] Ее царь Суппилулиума стал создавать свою империю, по структуре не очень отличавшуюся от египетской. А Эхнатон, как справедливо отмечает Кристиан Жак, не спешил вмешиваться… Были и другие, менее крупные неприятности: коррупция египетских чиновников (так, в письме EA 270 Милькили из Гезера обвиняет египетского чиновника Янхаму в слишком больших требованиях и в том, что тот задержал его жену и сына в качестве обеспечения дани), формирование банд «головорезов» – *хапиру* (это не этническое название, как утверждает К. Жак) – из маргинальных элементов сиро-палестинского общества и их набеги на города. Северосирийские правители, не получая помощи от фараона, *оказывались вынужденными* переходить на сторону хеттов.

Кристиан Жак рисует образ коварного злодея Азиру, князя Амурру. На мой взгляд, эту интересную фигуру не следовало бы оценивать так однозначно негативно. Азиатские провинции Амурру (горные и предгорные области Ливана) и Упе были созданы, как полагает В. Хелк, на месте разгромленных княжеств Кадеша и Тунипа. Их центрами стали города, не игравшие прежде значительной роли, – Симира и Кумиди. Во главе Амурру царь поставил человека местного происхождения, но не связанного с царским родом, – некоего Абди-Аширту (отца Азиру). Он занимал промежуточное положение между египетской администрацией (рабису Симиры) и местными правителями городов – хазану, то есть был как бы заместителем рабису. Абди-Аширта конфликтовал с князьями, освободил Симиру от захвативших ее войск города Шелаль, участвовал в походе хеттов против Митанни и, в конце концов, был убит (во время ответного рейда митаннийского царя Тушратты?). Несмотря на «неудобную» самостоятельность князя Амурру, его смерть оценивается в письме из Библа (EA 101) так: *«Ведь они убили Абди-Аширту, которого царь (Египта) поставил над ними, а не они сами».*

После смерти Абди-Аширты началась какая-то странная борьба между его сыновьями (союзниками которых стали портовые города Арвад, Тир, Берит, Сидон) и Риб-Адди, князем Библа. Сначала Риб-Адди захватил Симиру, потом, после хозяйственной блокады, этот город (и ряд других городов, союзников Библа) перешел в руки сыновей Абди-Аширты. Пленных египетских граждан Азиру заложил (!) в Митанни. Очевидно, речь шла о борьбе двух коалиций сирийских князей за контроль над крупным египетским центром, через который в Сирию поступало продовольствие. Тем не менее, в своих письмах

Азиру настойчиво убеждает фараона, что продолжает оставаться вассалом Египта (хотя и совершает враждебные действия против лояльных царю князей). Он пишет: *«Все, что князья давали, я тоже буду воистину давать, царю, моему господину, моему Богу, моему Солнцу, буду я, воистину, давать постоянно»* (EA 157); *«Пусть посланный моего господина придет, и все, о чем я говорил в присутствии моего господина, я дам: продовольствие, корабли, масло, дерево укарину и другое дерево я дам»* (EA 161). Он ищет заступничества могущественного временщика Эхнатона Туту, который исполнял должность жреца царствующего фараона и был «устами верховными земли до края ее»:[21] *«Вот, ты там, мой отец, и каково бы ни было желание Дуду, моего отца, напиши, и я воистину дам… Ты сидишь перед царем, моим господином… слов клеветы против меня не допускай»* (Азиру – Туту, EA 158); *«Что касается Дуду, вот, смотри, я направлю мое сердце и мои слова в направлении его сердца. Я буду действовать заодно с Дуду, моим господином»* (Азиру – Хаи, EA 167). Он приезжает, по требованию царя, в Египет.

Двойственность поведения Азиру объяснялась тем, что в это время совершал свои рейды в Северной Сирии (то есть в непосредственной близости от Амурру) хеттский царь Суппилулиума. Азиру, этот «слуга двух господ», по меткому выражению итальянского ассириолога Марио Ливерани,[22] пытался поддерживать добрые отношения одновременно с двумя могущественными правителями. И, видимо, одно время платил дань обоим! Фараон выдвигает против него такое обвинение: *«Вот, царь услышал, что ты заключил соглашение с человеком Кадеша* (Этака-мой, князем Кадеша и союзником хеттов), *что вы вместе вкушаете еду и питье. Если это действительно правда, то почему ты так делаешь? Почему ты заключил соглашение с человеком, с которым царь в ссоре?»* Ответ на риторические вопросы фараона самоочевиден: потому, что Эхнатон не сумел гарантировать безопасность своего вассала перед лицом хеттской угрозы. И все-таки Азиру хранил верность Египту до смерти Тутанхамона – до того времени, пока соотношение сил в Северной Сирии не изменилось окончательно в пользу хеттского царя. А потом заключил с Суппилулиумой договор и стал его вассалом.[23] В составе хеттской империи царство Амурру, где правили наследники Азиру, существовало еще очень долго – до конца 12 в. до н. э.

На русском языке существует замечательное исследование: *Перепелкин Ю. Я. Кэйе и Семнехкерэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М., 1979.*[24] Его автор, проделав уникальный по своей тщательности анализ

амарнских памятников, приходит к выводам, во многом отличным от концепции К. Жака. Так, он считает, что царица Нефертити не оказывала сколько-нибудь заметного влияния на государственные дела («Необыкновенное положение царицы рядом с фараоном было положением супруги, а не соправительницы» – с. 24). Что владелицей северного дворца и южной усадьбы Меру-Атон (до их передачи царевне Меритатон[25]) была побочная супруга царя, Кийа,[26] чье возвышение началось через несколько лет после женитьбы царя на Нефертити. Что в конце царствования – в 16 или 17-м году – Кийа стала соправителем Эхнатона (Сменхкара[27] же вступил на престол уже после его смерти). Что она впала в немилость еще до смерти Эхнатона, а Нефертити, напротив, оставалась царицей вплоть до смерти супруга. Что в царствование Тутанхамона, который сам не преследовал памяти Эхнатона, царская гробница в Ахетатоне была разгромлена противниками атонизма. Тогда же Эхнатон был вторично погребен в Фивах,[28] в гробнице 55, в золотом гробе, переделанном из гроба Кийи. Однако вскоре, «скажем, при фараоне Хар-м-ха (Хоремхебе. – *Т.Е.),* если только не позже, в укромный тайник нагрянули должностные лица с поручением истребить там имена и изображения отверженного преобразователя, вынуть его самого из гроба, а взамен положить туда другого царственного мертвеца» (с. 254). Этим «другим мертвецом» стал Сменхкара.

Ю. Я. Перепелкин реконструирует надпись на золотом гробе и интерпретирует ее как надпись Кийи, выражающую ее любовь к царственному супругу (с. 93). Поскольку эту надпись целиком цитирует К. Жак, мне кажется необходимым привести здесь и реконструкцию Перепелкина – чтобы читатель мог убедиться, насколько различными бывают прочтения одного и того же памятника.

1. Оказывание слов [(такою-то)] [Кэйе] [– жива она!(?)].

2. Буду обонять я дыхание сладостное, выходящее из уст твоих.

3. Буду видеть я красоту твою постоянно (– таково?) мое желание.

4. Буду слышать [я] голос твой сладостный северного ветра.

5. Будет молодеть плоть (моя) в жизни от любви твоей.

6. Будешь давать ты [мне] руки твои с питанием твоим, буду принимать [я] его, живущий правдою (?).

7. Будешь взывать ты во имя мое вековечно, не (надо) будет искать его

8. В устах твоих, [м]ой [владыка (?)] [(имярек)]. Будешь ты [со мною (?)]

9. вековечно вечно, живым, как Йот (то есть Атон. – *Т.Б.)! [Для двойника жены-любимца большой]*

10. цар[я] (и) государ[я], живущ[его] правдою, владык[и] обеих земель [Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ],отрок[а]

11. добр [ого] Йота живого, который будет тут

12. жив вековечно вечно, [Кэйе] [– жива она! (?)].[29]

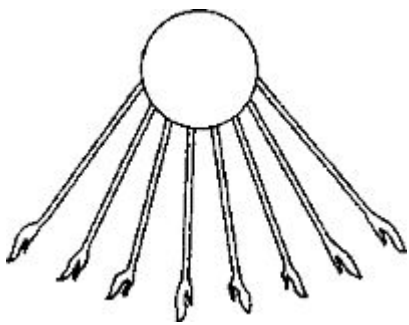
Читателю, который захочет продолжить свое знакомство с эпохой Амарны, я советую прочитать (или перечитать) две египетские сказки, переведенные на русский язык: «Сказку об очарованном царевиче» и «Сказку о двух братьях».[30] По мнению В. Хелка,[31] первая сказка могла быть написана только в эпоху Амарны, поскольку в ней уже используются новоегипетские формы языка, а действие происходит в стране Митанни, которая перестала существовать как самостоятельное государство после походов Суппилулиумы. Хелк показывает, что в сказке нашли отражение моральные ценности военного сословия: любовь к путешествиям, бережное отношение к лошадям, вера в «личного бога», который может помочь индивиду изменить злую судьбу. В сказке важным положительным персонажем является женщина, митаннийская принцесса, – и немецкий египтолог сопоставляет это обстоятельство с повышением общественной роли женщин в амарнскую эпоху, в частности с ролью царицы.

Вторая сказка, которую Хелк датирует началом эпохи Рамессидов, представляется ему чуть ли не намеренным опровержением идей первой сказки, идеалов эпохи Амарны: здесь женщины-героини (одна из которых становится царицей) коварны и злы, с героем, который пускается в путешествие, случаются всякие несчастья, и все перипетии сюжета наводят на мысль, что человек никоим образом не может избежать своей судьбы.

Путешествие по лабиринту Амарны может быть бесконечным – тем более что, создавая свое учение, Эхнатон ориентировался на религиозные традиции Древнего царства, связь которых с атонизмом еще не вполне выяснена, а влияние религии Амарны на последующее развитие египетской теологии, ветхозаветную литературу и христианство также заслуживает отдельного пристального изучения. Но мы остановимся на том, что уже было сказано, и постараемся закончить рассуждение об «исторической правде». Современный человек видит эту правду так, как видит поврежденный рельеф в египетской гробнице: несколько фрагментов на стене, сверкающих живыми красками. Чей-то профиль и часть руки, натягивающей лук. Обод колеса. Заячьи уши… Так хочется продолжить прерванные линии, дорисовать картину. Кое-где мы можем это сделать почти с полной уверенностью. Но правый нижний угол рельефа разрушен

полностью. Что там было? Быть может, нам повезет, и, наклонившись к куче мусора у подножия стены, мы найдем недостающий фрагмент. Быть может, его нашли уже давно, еще в прошлом веке, и он хранится в пыльных запасниках какого-то музея. Приложив массу усилий, сопоставляя тысячи обломков рельефов из разных коллекций, мы рано или поздно сможем восстановить разрушенную картину – такие случаи в науке бывали. Быть может, мы не найдем этот фрагмент и тогда, по аналогии с известными рельефами, попытаемся хотя бы приблизительно представить, что на нем изображено. Но полагаться на аналогии небезопасно: несмотря на традиционность египетского искусства, в нем всегда может открыться нечто неожиданное и даже сенсационное. Так, Джеффри Мартин нашел в гробнице генерала Хоремхеба исключительные, нигде более не встречающиеся изображения – этнографически точные портреты представителей подвластных Египту народов, бытовые сцены солдатской жизни.

Татьяна Баскакова



Кристиан Жак
Нефертити и Эхнатон: солнечная чета

Введение
ЗАГАДКА ЭХНАТОНА

17 ноября 1714 года. Некий иезуит, отец Клод Сикар, осматривает руины в местечке Туна эль-Джебель в Среднем Египте, примерно в двухстах километрах к югу от Каира. Ландшафт производит чарующее, колдовское впечатление. Синее небо, пустыня; теплые, очень мягкие осенние краски создают ни с чем не сравнимую атмосферу. Туна эль-Джебель – это город мертвых, мир тишины и глубокого спокойствия, где остались только гробницы греко-римской эпохи, давно покинутые и продуваемые ветрами, да несколько арабских семей, избравших этот край своим жилищем.

Перед Клодом Сикаром простирается обширная пустынная местность, окаймленная холмами. Вдруг нечто необычное привлекает его внимание: под солнцем блестит покрытая гравировкой каменная плита. Иезуит приближается. Он не ошибся. Это вещь времени Древнего Египта, однако весьма странная. По своей эстетике она разительно отличается от всего, что путешественник видел до сих пор. У изображенных на камне персонажей – царя, царицы и принцессы – деформированы тела и лица. Они приносят жертву диковинному солнцу, лучи которого оканчиваются человеческими ладонями.

Клод Сикар, сам того не подозревая, обнаружил очень важный памятник времени правления фараона Эхнатона и его супруги Нефертити. То, что он увидел, было одной из «пограничных стел», обозначавших пределы города солнца, Ахетатона, – новой столицы, которую построила царственная чета.

Правда, сам город божественного солнца, Атона, располагался не в этом месте, а на другом, правом берегу Нила, в 67 км к югу от крупного города Минье и в 40 км от гробниц Бени-Хассана, на территории нынешней эль-Амарны.[32]

Пейзажи Среднего Египта, редко посещаемого туристами и относительно труднодоступного, относятся к числу самых роскошных в мире. Они позволяют понять суть географической реальности Египта: благодатный Нил, богатые дичью острова, возделанные поля и крутые скалы на границе с пустыней, в которых высечены вечные прибежища тех, кто, получив оправдание на суде в потустороннем мире, может теперь тешить свой взор созерцанием внушающей душевный покой долины.

Эль-Амарна[33] в этом смысле не является исключением. «Это

просторное кольцо округлых гор, располагающееся по обеим сторонам Нила, – пишет Бернар Пьер об интересующей нас местности, – эта будто бы высеченная резцом пустыня, лежащая на дне каменного амфитеатра, эта ярко-зеленая пальмовая роща, которая тянется на многие километры вдоль реки, и за которой прячутся глинобитные деревни, являют собой один из самых чистых и прекрасных пейзажей из тех, что может предложить Египет».

Эль-Амарна кажется замкнутым миром, который ограничен трудно проходимыми горами, прорезанными несколькими вади (руслами пересыхающих рек). Место закрыто, туда можно попасть только по Нилу. Но Нил – это жизненно важная артерия, главный путь сообщения в Египте; по нему движется множество лодок, перевозящих людей, животных, продукты и самые различные материалы. Недалеко отсюда находятся алебастровые каменоломни Хатнуба; напротив – священный город бога Тота, Гермополь.[34]

Если смотреть на это место сверху, оно напоминает иероглиф, изображающий два холма, из-за которых подымается солнце. Иероглиф читается как *ахет,* «Страна Света», и образует первое слово в древнеегипетском названии города: Ахетатон, «Страна Света (бога) Атона». Совпадение слишком удачное, чтобы считать его случайным. Древние всегда старались достичь гармоничного единства между местностью и тем священным зданием, которое здесь собирались построить. В данном случае речь идет о целом городе, более того – о столице, посвященной культу Солнца. Территория этого города должна была – в символическом и географическом смысле – соответствовать религиозной концепции «Страны Света», откуда происходит все живое. Вся местность, называемая эль-Амарной, представляет собой иероглиф, божественное слово, и должна «расшифровываться» именно как иероглиф.

Путешественник, который посетит сегодня эль-Амарну, может испытать горькое разочарование, если будет ожидать встречи с восхитительными храмами, дворцами, особняками – памятниками знаменитой столицы царственных супругов, слава которых пережила века, а судьба до сих пор остается для людей волнующей загадкой. Священного города Нефертити и Эхнатона более не существует. Он почти полностью исчез. Сохранившиеся фундаменты построек привлекают внимание только специалистов. Здесь царят пустыня, тишина и забвение. Между Нилом и скалами простирается огромная равнина – ничем не заполненная, сухая, почти скорбная.

Да и сами Нефертити и Эхнатон были, так сказать,

вычеркнуты из истории: фараон-еретик и его супруга не упоминаются в царских анналах. Открытие Сикара долгое время не имело никаких последствий. Во время своего знаменитого путешествия в Египет в 1828–1829 годах Жан-Франсуа Шампольон не обнаружил следов Эхнатона. Только к середине XIX века ученые определили, что странный фараон правил в период XVIII династии, между Аменхотепом III и Хоремхебом.

Раскопки, проводившиеся в конце XIX века в эль-Амарне и Карнаке,[35] сыграли решающую роль в определении точного места Эхнатона в череде других правлений и позволили найти документальный материал, на основании которого могли быть реконструированы события его царствования. В1891 году английский египтолог Питри начал раскапывать территорию древнего Ахетатона. Он смог определить планы некоторых зданий, уточнить расположение главных кварталов. От разоренного города тропы вели к пограничным стелам и гробницам, высеченным в скалах. В этих гробницах находились изображения и надписи, которые, несмотря на плохую сохранность, дали ученым очень важную информацию. С этого времени до настоящего дня было проведено много раскопочных сезонов: археологи пытались вырвать у этого опустошенного места даже самые незначительные свидетельства о прошлом.

Историю Эхнатона и Нефертити писать непросто. Трудно получить хоть какие-то точные данные. Известно, например, что Эхнатон правил семнадцать лет. Но в каком возрасте он взошел на престол? Похоже, самое раннее – в шестнадцать, самое позднее – в двадцать четыре.

Ученые спорят и о точной датировке его правления: 1377–1360 годы до н. э., согласно Редфорду; 1364–1347, согласно Триггеру и его соавторам, недавно написавшим книгу о социальной истории Египта; ок. 1353 – ок. 1336, как пишут Йойотт и Верню в обобщающем труде по истории Египта… Мы сослались только на три гипотезы, а их гораздо больше.

Сами египтяне не имели непрерывной хронологии. Когда очередной царь восходил на престол, время начинали отсчитывать заново, с первого года. Более того, из-за феномена «совместных правлений» годы царствования двух фараонов могли «перекрываться». У нас нет точек отсчета, позволяющих установить абсолютную хронологию событий, предшествовавших Позднему периоду. Несмотря на множество подробных исследований, мы не можем точно датировать правление Эхнатона, который царствовал в Египте приблизительно в середине (или чуть раньше) XIV века до н. э. Поэтому при описании его правления мы решили воспользоваться методом

самих египтян, то есть отсчитывать годы от первого до семнадцатого.

Об Эхнатоне и Нефертити писали так много, что читателю может показаться, будто научное досье на эту чету уже полностью собрано и наши знания о ней базируются на твердых основаниях. В действительности все обстоит иначе. Настоящая книга – вторая моя попытка обобщить то, что известно по этой теме, и мне пришлось радикально изменить некоторые суждения и выводы, хотя со времени публикации первой книги прошло всего двенадцать лет.

Кем же в действительности были Нефертити и Эхнатон? Восстали ли они против власти жрецов Амона? Или были революционерами? Или хотели создать новую религию и новое общество? Или их следует считать творцами монотеизма?

Я опираюсь в своем анализе на религиозные, административные и дипломатические тексты, а также на многочисленные произведения искусства, начиная с царского колосса и кончая скромным рисунком на куске известняка. Этот материал, несмотря на свою фрагментарность (а зачастую – и загадочность), позволяет установить некоторые точные факты, достоверность которых не вызывает сомнения. Было бы, однако, нечестно умолчать о том, что способ построения той или иной реконструкции жизни Нефертити и Эхнатона отчасти зависит от личного видения исследователя и во многом остается спорным. Не будем также забывать, что в Древнем Египте, в отличие от Греции или Рима, не писали исторических сочинений. К нашему несчастью, даты (даже дни рождения и смерти царей) не интересовали древних египтян. Они представляли себе историю как ритуальный праздник, а не как последовательность событий. Например, повествования о «войнах» фараона во все эпохи строились по одной и той же модели, ибо военные походы символизировали победу порядка над хаосом. Возможно, некоторых из описанных египтянами походов в действительности никогда и не было. Только в более поздние периоды в такие повествования стали вставлять конкретные детали, связанные с материальным миром. Однако в эпоху Эхнатона этого еще не делали. Более того, поскольку сам царь считал центральным событием своего правления религиозную реформу, тексты и изображения были посвящены именно ей. Сакральное – как, впрочем, и всегда в Египте – считалось главной ценностью. Нам еще не раз придется это констатировать, когда мы будем рассматривать конкретные документы, и об этом никогда не следует забывать при интерпретации египетских источников.

В этом смысле солнечная чета вполне достигла своей цели.

Сфера, о которой мы лучше всего осведомлены и которую нам легче всего описать, – это именно религия Атона.

Можно ли надеяться, что будут открыты новые документы об Эхнатоне и его эпохе? В египтологии чудеса возможны всегда. Так, в последнее время из нескольких пилонов Карнакского храма (в частности, из девятого, сооруженного Хоремхебом) были извлечены тысячи маленьких каменных блоков. Покрытые изображениями и надписями, эти блоки (по научному они называются «талататы»), которые в среднем имеют размеры 52x26 см, датируются первыми годами правления Эхнатона – не менее таинственными, чем последние. Их изучение, еще далеко не законченное, уже пролило дополнительный свет на характер организации власти при Эхнатоне и Нефертити. Всего в Карнаке было найдено более сорока пяти тысяч блоков – кусков гигантской головоломки, только малую часть которой пока удалось сложить (поскольку первые исследователи талататов совершили много достойных сожаления ошибок).

Найдут ли когда-нибудь мумии Нефертити и Эхнатона, исследование которых позволило бы раскрыть много загадок? Обнаружат ли археологи тексты или изобразительные памятники, относящиеся к последним годам правления? Или нам придется довольствоваться тем, что мы уже имеем, что пощадили время и люди?

Эта книга познакомит читателя с результатами новейших исследований, но не сможет решить многочисленные спорные проблемы. Без сомнения, она поставит не меньше вопросов, чем даст ответов. И все же досье «Нефертити и Эхнатон» уже достаточно красноречиво и полно, чтобы стать опорой для исторического исследования и воскресить перед нашими глазами – насколько это вообще возможно – эпопею супругов, посвятивших себя божественному Солнцу.

Глава I
ЗА ЭХНАТОНА ИЛИ ПРОТИВ?

Эхнатон и Нефертити, после своего «возвращения» в историю, вызвали целую бурю противоречивых чувств. Фил Гласе, один из адептов так называемой «репетитивной» музыки, в настоящее время пишет оперу об Эхнатоне, где этот фараон сравнивается с Эйнштейном и Ганди, предстает в роли революционера, который создал идеальный город и тем самым перевернул представления людей о мире. Автор оперы присоединяется к «про-Эхнатоновской» традиции в египтологии, суть которой выразил уже Вейгал: «Эхнатон еще три тысячи лет назад явил нам пример образцового супруга, отца и просто честного человека; он наглядно показал, что чувствует поэт, чему учит проповедник, к чему стремится художник, во что верит ученый и о чем думает философ. Как и другие великие учителя, он пожертвовал всем ради своих принципов; но – увы! – его жизнь доказала, насколько непрактичными были эти принципы».

Очень много писали о нежности, доброте и кротости царя. По мнению А. де Кампиньи, эти качества объясняются одним эпизодом, который произошел, когда будущий фараон был еще ребенком: «В возрасте восьми лет Эхнатон увидел, как солдаты вывалили в кучу перед его отцом, фараоном Аменхотепом III, в соответствии с кровавым обычаем той эпохи, отрубленные кисти рук побежденных и павших в сражении врагов. Это зрелище потрясло мальчика, а от характерного зловония ему стало плохо. Позднее, рассказывая кому-то об этом детском воспоминании, он сознался, что одна мысль о войне напоминает ему тот трупный запах».

Это свидетельство могло бы оказаться чрезвычайно важным, если бы не было с начала и до конца выдумано. Ни в одном египетском документе, насколько мы знаем, ни о чем подобном не говорится.

Для американца Брэстеда «Эхнатон был человеком, опьяненным божественностью, чей дух с редкой чувствительностью и разумностью откликался на манифестации Бога в нем самом… Этому духу достало силы, чтобы распространять идеи, которые далеко превосходили понимание как его современников, так и далеких потомков».

Вейгал, автор книги об Эхнатоне, говорит, что этот царь-мистик был «первым человеком, которому Бог явил себя в качестве источника универсальной любви, лишенной страстей, и

милости, не знающей ограничений».

Можно было бы составить целую литанию из хвалебных высказываний о царе и об амарнской эпохе. Однако следует помнить, что среди таких высказываний встречается немало откровенных глупостей, не подтвержденных никакими документальными источниками.

«Анти-Эхнатоновская» традиция – еще более мощная и четко обозначенная; некоторые представляющие ее специалисты доходят в своей неприязни до злобной истерии. По мнению Лефевра, Эхнатон был переодетой в мужские одежды женщиной. Французский египтолог идентифицировал эту женщину с Акенхерес, дочерью царя Хора, никаких следов которой обнаружено не было. Для Мариетта, одного из пионеров французской египтологии, фараон-еретик был всего лишь кастрированным пленником, которого египетские солдаты привели из Судана. Извилистыми путями придя к власти, этот несчастный впал в безумие.

Д.Б. Редфорд, автор самого последнего «научного» труда об Эхнатоне и Нефертити, является ярым ненавистником царя. По его мнению, этот последний в лучшем случае обладал поэтическим талантом. Но, прежде всего, Эхнатон – наделенный слабыми умственными способностями, самовлюбленный, ничего не смыслящий в международной политике, бездеятельный, окруженный коррумпированными придворными, – был жестоким деспотом. Он подавлял индивидуальную свободу и защищал идею универсальной власти, предполагающей абсолютное повиновение подданных. Подпав под обаяние собственной концепции, обвинитель Эхнатона изображает его сумасшедшим, который устраивает ритуальные церемонии под палящим солнцем, в то время как в Египте, с марта по ноябрь, жар этого светила непереносим![36]

Клод Траунекер, автор замечательных работ об амарнской эпохе, называет опыт Эхнатона «жалкой неудачей». Некоторые египтологи даже обвиняют этого невезучего фараона в разложении и упадке рамессидского Египта (то есть в событиях, которые произошли почти через триста лет после его смерти)!

Поскольку эти страстные инвективы против Эхнатона не опираются ни на какую сколько-нибудь серьезную источниковедческую базу, противники фараона стремятся обрести неопровержимые аргументы, подтверждающие их правоту. Они задаются вопросом: а не был ли Эхнатон великим больным? Находятся эрудиты, которые утверждают, что смешение египетской и азиатской кровей оказалось губительным для фараона, что в нем соединились черты утонченности и

дегенеративности. Разве, когда мы смотрим на портреты царя, нас не поражают странная форма его черепа, чересчур полные губы, слишком широкий таз, раздутый живот?

Французский египтолог Александр Море предлагает нам следующее удручающее описание: «Аменхотеп IV[37] был юношей среднего роста, хрупкого телосложения, с округлыми женоподобными формами. Скульпторы того времени оставили нам правдивые изображения этого тела андрогина, чьи развитые груди, чересчур полные бедра, выпуклые ляжки производят двусмысленное и болезненное впечатление. Не менее своеобразна и голова: слишком нежный овал лица, наклонно посаженные глаза, плавные очертания длинного и тонкого носа, выступающая нижняя губа, удлиненный и скошенный назад череп, который кажется слишком тяжелым для поддерживающей его хрупкой шеи».

Немецкий египтолог Эрман предложил еще одно описание фараона, которое сам считал исчерпывающим: «Молодой царь, физически больной человек, как показывают его портреты, несомненно, обладал беспокойным духом и с самого начала проводил свою реформу с излишним рвением, которое не могло ей не повредить».

Современные ученые дошли в своей дотошности до того, что стали консультироваться с врачами, желая с максимальной точностью идентифицировать предполагаемую болезнь Эхнатона. Болезнь определили как «синдром Фролиха». Английский египтолог Олдред объясняет ее характер так: «Люди, пораженные этим заболеванием, часто обнаруживают склонность к полноте, аналогичной той, что была свойственна Эхнатону. Их гениталии остаются недоразвитыми и могут быть не видны из-за жировых складок. Тканевое ожирение в разных случаях распределяется по-разному, но жировые прослойки откладываются так, как это типично для женского организма: прежде всего в областях груди, живота, лобка, бедер и ягодиц». У такого больного не происходит ломки голоса; его половые органы останавливаются в своем развитии на детской стадии, и он не только не способен к деторождению, но даже испытывает неприязнь к детям.

Эхнатон, несмотря на свою гениальность, был больным человеком, чье обостренное психическое восприятие находило выражение в мистических видениях. Иными словами, это была романтическая и страстная личность, которая время от времени превозмогала свой тяжкий недуг и находила прибежище в религиозности, которая постепенно перерастала в фанатизм.

Мумия Эхнатона до сих пор не найдена. А, следовательно, все эти медицинские суждения базируются лишь на анализе

изображений царя, созданных египетскими художниками, которые руководствовались распоряжениями самого фараона.

Не будем забывать, что всем известные характерные черты царя, о которых говорят все, кто видел его портреты, присутствуют также – хотя и в несколько смягченном виде – на изображениях его супруги Нефертити, членов его семьи, придворных вельмож и даже чиновников менее высокого ранга.

Должны ли мы из этого заключить, что весь двор Эхнатона был поражен настоящей эпидемией и что синдром Фролиха распространялся с молниеносной быстротой? Не лучше ли направить наши поиски в другом направлении и признать, что скульпторы и резчики рельефов, по приказу царя, намеренно создавали художественные образы, которые кажутся нам странными просто потому, что мы не понимаем их назначения?

Нам представляются вполне справедливыми следующие замечания Жана Сервье: «Англо-саксонские египтологи не устают сожалеть о болезни Аменхотепа IV и о его слабой конституции. Им не нравятся его чересчур худощавое, но чувственное лицо, покатые плечи, слишком полные для мужчины бедра и большой живот! Не нравится и то, что он совсем не интересовался делами империи. По мнению их коллег французов, Эхнатон был благородным идеалистом, правда, излишне погруженным в свои мечты и не обладавшим широтой видения – что и привело его к краху. Но, кажется, никого не поразило спокойное лицо этого монарха, как бы купающееся в сладостном свете наконец обретенной истины. Никто не подумал, что песчаниковый бюст Аменхотепа IV, некогда установленный в Карнаке, положил начало тому пути, к которому несколько веков спустя вернулось греко-буддийское искусство. А ведь мы, пожалуй, могли бы узнать нечто более интересное, чем то, способен ли был фараон, который жил в XIV веке до н. э., играть в крокет, участвовать в кембриджской или оксфордской регате, либо служить в государственном банке в период одной из французских республик».

И восхваления Эхнатона, и критика в его адрес равно свидетельствуют о растерянности научного мира перед амарнской загадкой. Все подобные суждения кажутся нам преувеличенно-заостренными и, в то же время, чересчур общими: они упрощают сложную действительность и, главное, не учитывают египетский контекст. Почему мы должны оценивать Нефертити и Эхнатона в свете современных политических и религиозных концепций? Почему мы упорно стремимся втиснуть их в рациональные схемы, унаследованные от недавней истории, и критикуем с высоты своего современного тщеславия, которому

вообще здесь не место?

Давайте лучше попробуем – используя уже собранные элементы головоломки и не пытаясь скрыть многочисленные «теневые» зоны, обусловленные лакунами в нашей информации, – уловить подлинную атмосферу той эпохи (которую по праву считают выдающейся) и того правления (которое нам представляется весьма необычным).

Глава II
ОТЕЦ ЭХНАТОНА, АМЕНХОТЕП III, И ФИВАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Рождение царского сына

Будущий фараон Эхнатон родился, вероятно, во дворце Малькаты[38] – в той части Фив, что находится на западном берегу Нила. Мы вынуждены употребить слово «вероятно», поскольку это событие не нашло отражения ни в одном тексте. Факт рождения царевича не мог заинтересовать составителей царских анналов. Другое дело – коронация (в той мере, в какой она является сакральным актом).

Однако наша гипотеза вполне правдоподобна, поскольку этот дворец был сооружен по приказу Аменхотепа III именно как резиденция царской семьи. Интересен сам выбор места: западный берег, а не восточный (на котором располагался храмовый комплекс Карнака, посвященный богу Амону). Фараон, кажется, намеренно поселился вдали от владений жрецов Амона – в роскошном дворце на том берегу Нила, где богиня «Прекрасный Запад» встречает души умерших, чтобы проводить их в иной мир.

В этом месте не было ничего печального или сурового, совсем наоборот: дворец окружали цветущие сады, которые, судя по некоторым дошедшим до нас фрагментам убранства, представляли истинную отраду для глаз. Здесь сочетались роскошь и естественное очарование. Чрезвычайно изощренные декоративные композиции прославляли чудеса природы. Настенные фрески и росписи полов изображали птиц, рыб, растения – прекрасные творения Создателя.

Когда Эхнатон родился, никто не видел в нем будущего правителя. Теоретически трон должен был унаследовать его старший брат. Впрочем, царь мог выбрать себе преемника не только из числа членов своей семьи, вельмож или высоких чиновников.

Второй сын Аменхотепа III провел спокойное детство в этом дворце грез, где мог сначала просто наблюдать, а потом и постигать смысл земных манифестаций Творца, являющего себя людям через великолепие природы. Детство было спокойным, потому что Аменхотеп III правил сказочно богатой страной, которая в то время переживала истинный расцвет. Фараон унаследовал власть от могущественных монархов, создателей

Нового царства: благодаря им Египет стал первой по значению державой средиземноморского мира и светочем цивилизации. Международный престиж Обеих Земель (Верхнего и Нижнего Египта) был очень высок. В пределах же своих границ страна наслаждалась безмятежным покоем, благодаря которому стал возможен восхитительный взлет искусства. Хорошо налаженная экономика обеспечивала Египту богатую и счастливую жизнь. Религиозная мысль достигла необычайной глубины. Она вдохновляла архитекторов, художников и скульпторов – до такой степени, что многие их творения кажутся созданными рукой самого Бога. Сакральные церемонии отличались несравненной пышностью, приемы при дворе были отмечены печатью утонченной элегантности.

Тем не менее, Аменхотеп III пользуется дурной славой у некоторых египтологов. Его считают совершенным образцом восточного деспота – сладострастного, ищущего наслаждений, бездеятельного; говорят, что этот царь, любивший удовольствия самого материального характера, тратил большую часть своего времени на пиры и роскошные охоты, которые обходились казне очень дорого.

Такая нелицеприятная оценка базируется, однако, на весьма ненадежных основаниях. Например, известно, что знаменитые львиные охоты имели ритуальный смысл: царь-охотник пытался подчинить себе силы хаоса и «укротить зверя», то есть покорить своей воле мир животных инстинктов.

Двор Аменхотепа III не производит впечатление сборища пьяных гуляк; напротив, он с достоинством представлял эту величайшую страну тогдашнего мира, уделяя значительное внимание теологии и символике.

Вельможи из ближайшего окружения царя, люди редких достоинств, – такие, как начальник строительных работ Аменхотеп сын Хапу, архитекторы Сути и Хор, начальник житниц Беки – были великими мыслителями. Стелы и статуи сохранили для нас свидетельства их духовного опыта, отличавшегося замечательной интенсивностью. А ведь помимо создания превосходных сакральных текстов в ту эпоху была реализована и грандиозная архитектурная программа, благодаря которой царствование Аменхотепа III считается одной из вершин в развитии человеческой цивилизации. Вспомним хотя бы о третьем пилоне в Карнаке, о южном дворце в Мединет Абу, о храме в Сблебе(в Судане), о заупокойном храме царя на западном берегу Нила (от которого сохранились только колоссы Мемнона) и, наконец, об одном из самых совершенных творений египетского искусства – Луксорском храме.

Зимородок и голубь в болотных зарослях. Фрагмент расписного фриза из Северного дворца в Ахетатоне.

Повсюду та же светлая поверхность камня, та же чистота форм. Повсюду – ощущение невесомой силы, неподвластной времени. Гармония этого искусства отражает гармонию царствования, безмятежная уравновешенность которого продолжает воздействовать на нас через посредство созданных в ту эпоху шедевров.

Внешняя политика Аменхотепа III

Цивилизация Нового царства во многом зависела от отношения фараонов к внешнему миру и, в частности, к наиболее сильным соседним странам, часть которых могла представлять для Египта потенциальную угрозу.

Фивы стали символом могущества и независимости Египта. Именно в Фивах родилось освободительное движение, тот дух, который заставил египетских солдат начать борьбу за изгнание завоевателей-гиксосов. Однако и после их изгнания Египет продолжал опасаться вторжения с севера. Фараоны Тутмос III и Аменхотеп II специально осуществляли военные походы и рейды в Азию, чтобы показать возможным злоумышленникам: египетская армия прекрасно организована и не потерпит никаких поползновений к агрессии.

В правление Аменхотепа III Египет был суверенным

государством, обладавшим столь значительными вооруженными силами, что ни одна страна (включая страны «великих царей» – Вавилон и Митанни) не рискнула бы напасть на него. Тем не менее, внешнеполитическая доктрина не изменилась со времен начала Нового царства: азиаты считались агрессорами, Египет же якобы всегда только защищался. Его территория воспринималась как святилище, ограниченное на севере бахромчатым устьем Нила (Дельтой), на юге – первыми нильскими порогами. Для лучшей защиты страны были созданы «буферные» зоны – территории, находившиеся под египетским протекторатом. На юге такой зоной стала Нубия – настоящая провинция, которую фараон держал под жестким контролем. На северо-востоке маленькие княжества образовывали целую мозаику, и управлять ими было значительно труднее. Оттуда снова могла прийти угроза.

Религиозные тексты сообщают о том, что бог Амон передал фараону власть над чужеземными странами. Сточки зрения теологии, все они подчинены Египту. Если их жители «восстают» против Египта, они тем самым нарушают божественный закон и становятся «мерзостью для Ра (солнечного бога)».

К 1380 году до н. э. Египет владел империей, которая простиралась от сирийского побережья до реки Оронт и от первых нильских порогов, северной границы Нубии, на юг до третьих порогов; фараоны поддерживали мирные отношения с Митанни и Вавилоном.

Ведя переписку с митаннийским царем Тушраттой, Аменхотеп III пользовался не египетским, а аккадским языком.[39] Это было обусловлено, с одной стороны, изысканной вежливостью фараона, а с другой – магической практикой. Иероглифы, которые считались словами бога, резервировались «для внутреннего пользования» и не употреблялись в дипломатической переписке профанного характера.

Аменхотеп III проявлял большую гибкость, стараясь не задеть чувства своих респондентов; так, когда шла подготовка к браку его дочери с царем Вавилона, фараон руководствовался принципами вавилонского, а не египетского права.[40]

Насилие и репрессии не казались ему приемлемыми средствами для поддержания мира в империи; он предпочитал осуществлять «дискретный» надзор, оставляя подданным достаточно свободы, чтобы они могли жить в соответствии со своими религиозными верованиями и обычаями.

Обратим внимание на один очень существенный факт: внешняя политика Аменхотепа III способствовала многочисленным религиозным и социальным контактам между

Египтом и сопредельными странами. Происходил настоящий «обмен богами»; встречались, часто вполне дружески, различные, более или менее «дополнявшие» одна другую идеологии.[41] Народы (и верования) вступали в соприкосновение друг с другом, не находясь при этом в состоянии вражды.

Египет открылся навстречу миру, и мир открылся для Египта. Эта особая атмосфера не могла не повлиять на рождение религии Атона.

Несмотря на блестящие достижения, которыми было отмечено его правление, Аменхотеп III столкнулся с одной деликатной проблемой: быстрым ростом военного могущества хеттов. В 1370 году царь Суппилулиума взошел на престол, приняв на себя ответственность за судьбу хеттского народа; он сразу же стал укреплять свою армию, так как, обладая решительным характером, вовсе не собирался оставаться покладистым союзником Египта.

Суппилулиума был по своему духу завоевателем. Он лелеял далеко идущие планы относительно будущего своей страны и собирался мобилизовать ее сильный народ для политики территориальных завоеваний. Почему бы хеттам не нарушить международное равновесие и не извлечь из этого выгоду для себя?

Царь хеттов не стал долго дожидаться, прежде чем нанести мощный удар. Уверенный в своих силах, он открыто спровоцировал фараона, совершив нападение на страну Митанни, традиционного союзника Египта.

Все ожидали немедленной и яростной реакции со стороны Египта. Однако Аменхотеп III не предпринял никаких прямых ответных действий. Он отказался открыть эру кровавых конфликтов и предпочел заключить с хеттами договор о ненападении. В этом высоконравственном соглашении говорилось, что отныне и впредь оба народа будут уважать существующие границы и воздерживаться от новых военных акций.

Союзники Египта впали в состояние ступора. Они плохо понимали, почему мощные египетские войска не подавили в зародыше хеттскую угрозу. Сирийские князья сохраняли верность Аменхотепу III, но царь Вавилона, сильно обеспокоенный, предпочел пойти на сближение с Суппилулиумой. А что, если завтра хетты станут властелинами мира?

Некоторые сирийские правители, еще не решившие, какой линии им лучше придерживаться, начали двойную игру: они клялись в нерушимой верности Египту, но при этом сквозь пальцы смотрели на интриги хеттов.

В этой ситуации, которая постепенно ухудшалась и становилась все более запутанной, оставался незапятнанным только один человек – Риб-Адди из Библа. Будучи последовательным приверженцем египетской идеологии и цивилизации в целом, он попросту игнорировал все происки хеттов. Конечно, эти последние до поры до времени избегали прямых столкновений; они предпочитали действовать методом подкупа, заводить себе повсюду осведомителей, заключать тайные соглашения и сеять раздор.

Аменхотепа III регулярно извещали об этом, но царь не спешил вмешиваться в ход событий. Он, без сомнения, был убежден, что хетты не осмелятся переступить через определенные границы и что их воинский пыл, быстро охлажденный престижем Египта, удовлетворится немногими малозначительными «подвигами».

Эти события самым непосредственным образом касались молодого Эхнатона. Он видел их начало и был свидетелем медленного изменения дипломатического положения своей страны. Однако, оставаясь простым наблюдателем, он еще не подозревал, что эти внешние обстоятельства отягощающим грузом наложатся на его собственную судьбу.

Аменхотеп III сталкивался не только с дипломатическими трудностями. Внутри самого Египта тоже существовал источник конфликтов.

В самом центре цивилизации Аменхотепа III располагался огромный и роскошный город – Фивы. Город был сказочно богат, так как в нем оседала большая часть военной добычи, которую доставляли из чужеземных стран цари-завоеватели, предшественники Аменхотепа III.

Фивы, крупнейший религиозный центр, украшенный великолепными храмами, не довольствовались ролью ориентира духовной жизни Египта, но управляли также и экономической жизнью страны. Этот космополитический город собирал в своих стенах чужеземных купцов и негоциантов, поощрял торговый обмен и день за днем вносил свою лепту в материальное процветание Обеих Земель. Мемфис[42] и Гелиополь,[43] древние столицы, все еще сохранявшие некоторый престиж в религиозной сфере, не могли соперничать с великолепными Фивами – городом, который непрерывно украшали все фараоны XVIII династии.

Вместе с благосостоянием города росло и его стремление к внешнему могуществу. Эта тенденция, поначалу скрытая, постепенно усилилась и превратилась во внушающую беспокойство проблему. Фивы были священным городом бога

Амона, «Сокрытого». Второстепенное божество в эпохи Древнего и Среднего царств, в период Нового царства Амон стал национальным богом. Верховный жрец Амона, обязанный выполнять все его желания, управлял целой иерархией храмовых служителей, верхушку которых составляли «отцы бога» и «жрецы-чтецы Амона».

В распоряжении этих людей находились значительные богатства: земли, всякого рода сырье, скот и т. д. Имелся также большой персонал хозяйственных работников, включая писцов, мастеров и земледельцев.

Назначая человека на должность верховного жреца Амона, фараон произносил такие слова: *Ты – великий жрец Амона; его сокровища и его воины передаются под твою печать. Ты – управляющий его храма.*

В правление Тутмоса I (1530–1520) жрецы Амона, кажется, занимались исключительно религиозными делами. Царь, чьи приказы не обсуждались, единолично вершил государственную политику. Он обладал высшей административной властью и полагался только на свое ближайшее окружение. Между царем и верховным жрецом Амона не было практически никаких разногласий.

Однако фиванское жречество не желало оставаться в тени. Его влияние все более усиливалось, и оно решило перейти к чрезвычайным действиям. Используя в своих целях оракул Амона, оно фактически возвело на трон нового царя. Статуя Амона, которую несли на носилках во время церемонии в Карнаке, «склонила голову» перед молодым человеком, который стал фараоном Тутмосом III.

Это было очень значимое событие: оно показало, что жречество Амона обрело реальную политическую силу. Жрецы вышли за пределы чисто религиозной сферы и проявили свою решимость непосредственным образом воздействовать на ход событий в стране.

Человеком, который акцентировал таким образом «светское» влияние фиванского жречества, был верховный жрец Амона Хапусенеб. Будучи начальником строительных работ, он руководил всеми жрецами Египта. Как глава всех храмов, он контролировал внутреннюю жизнь страны и способствовал широкому распространению фиванской идеологии.

Хапусенеб вел себя как истинный монарх. Сочтя, что Тутмос III не достаточно «лоялен», он сверг молодого правителя с престола. Освободившееся место он предоставил царице-фараону, знаменитой Хатшепсут, которая неизменно демонстрировала уважение и доверие к своему покровителю.

«Назначая» и «смещая» царей, жречество Амона, через посредство своего верховного жреца, участвовало в управлении Египтом.

Однако Тутмосу III удалось вернуть себе трон. Мы могли бы ожидать яростной мести со стороны молодого фараона, которого на какой-то период лишили власти. Однако это значило бы оценивать его с точки зрения современной политики. Царь вовсе не обязан делить свои функции с верховным жрецом Амона или хотя бы консультироваться с ним. Фараон сам назначает этого высокого чиновника – как и всех других. Поэтому Тутмос III удовольствовался тем, что поставил во главе фиванского жречества своего друга, Менхеперрасенеба.

Тутмос III был гениальным знатоком человеческих характеров. Он умел окружать себя стоящими людьми. Успехи его внешней политики были очевидны для всех. Он часто совершал походы в чужеземные страны и подчинил многие территории египетскому влиянию. Из своих походов он привозил богатства, надзор за хозяйственным использованием которых поручал верховному жрецу Амона.

Итак, государством этот фараон управлял сам – но слава и богатство Фив и фиванского жречества в его время продолжали расти.

Около 1445 года верховным жрецом Амона стал Мери. По функциям верховного жреца той эпохи можно сравнить с нынешним главой крупного предприятия. Мери, очевидно, был целиком занят административными делами, ибо одновременно исполнял должности начальника «Обоих домов золота», начальника «Обоих домов серебра», начальника полей, начальника житниц Амона, начальника стад Амона. Самый влиятельный чиновник империи, Мери был прежде всего «экономистом-хозяйственником».

Тутмос IV (1425–1408) после смерти Мери назначил верховным жрецом Амона человека, которого выбрал сам, – Аменемхета. Шестидесятилетний Аменемхет был сыном главного ремесленника, отвечавшего за изготовление сандалий в храме Атона.

Посвятив долгие годы служению своему богу, новый верховный жрец уже не питал никаких личных амбиций. Он целиком сосредоточился на теологии и культовой практике, полагая, в соответствии с египетскими обычаями, что высшая власть в империи принадлежит фараону, а верховному жрецу Амона остается только склоняться перед его распоряжениями.

Взойдя на престол, Аменхотеп III тем самым принял на себя верховную ответственность за все культы и все жречество страны.

Фиванское жречество не было исключением, хотя и оставалось самой важной по своему значению группой среди других жрецов.

Одна стела сообщает нам о том, что новый верховный жрец Амона, Птахмосе, был «назначен владыкой Обеих Земель [то есть фараоном], чтобы исполнять замыслы его относительно Египта», и что этот верховный жрец стал «начальником всех работ царя». Какая реальность кроется за этими фразами? Мог ли верховный жрец Амона самостоятельно принимать решения или противостоять царской власти?

В эпоху Аменхотепа III – наверняка нет. Царь располагал достаточными средствами, чтобы принудить его к повиновению. Тем не менее, в гораздо более поздний период египетской истории один верховный жрец Амона дошел в своих политических амбициях до того, что был коронован как фараон в Фивах.

Но в период, который нас интересует, царь еще единолично распоряжался делами страны. Было бы преувеличением утверждать, что жречество Амона составляло «государство в государстве». Правда, нельзя отрицать и того, что некоторые жрецы явно домогались светской власти и что особое положение их владыки Амона, который был признан имперским богом, давало им привилегированный статус.

Возникали ли открытые конфликты между фараоном и фиванским жречеством? Мы не находим никаких подтверждений тому ни в одном тексте. Не следует забывать, что египетский фараон был царем-богом. Благополучие страны гарантировалось его, фараона, личностью – в символическом и метафизическом смысле. Жречество Амона, как и другие социальные группы, подчинялось ему – и согласно теологическим учениям, и реально. Только слабость какого-то конкретного царя могла изменить эту реальность и открыть шлюзы, которые до времени сдерживали индивидуальные амбиции.

Глава III
МАТЬ ЭХНАТОНА, ТИЙА,[44] ЦАРИЦА ЕГИПТА

Все те, кому не дает покоя физический облик Эхнатона, пытаются найти рациональное объяснение шокирующей дисгармоничности его тела. Не заключается ли разгадка в том, что Эхнатон не был по своему происхождению чистым египтянином?

Это предположение находит очевидное подтверждение при внимательном изучении портретов матери Эхнатона, царицы Тийи. По мнению некоторых специалистов, у нее, несомненно, не египетская внешность – может быть, семитская. На изображениях царицы мы часто видим серьезное лицо с решительным, почти замкнутым выражением. Создается впечатление, что перед нами – «женщина с головой», непоколебимая в своих убеждениях и обладающая железной волей. Тийа ничем не напоминает тех очаровательных дам, чью красоту с таким мастерством запечатлели художники и рисовальщики XVIII династии; в ней мы не чувствуем ни малейшего желания соблазнять мужчин или хотя бы воздействовать на них уловками утонченной женственности.

Тем не менее, ничто не доказывает, что царица Тийа родилась не в Египте. Она, как мы точно знаем, была дочерью Йуйи и Туйи – супругов, исполнявших религиозные функции и, что очень важно, не состоявших в родстве с царской семьей. *Имя ее отца – Йуйя,* – говорится в тексте на скарабее, изготовленном в память о царской свадьбе. – *Имя ее матери – Туйя. Тийа – супруга могущественного царя, Аменхотепа III, чья южная граница проходит через Карой [Судан], а северная – через Нахарину [Ирак].*

Отец царицы, Йуйя, носил титул «отца Бога» и исполнял должность жреца бога Мина. Помимо соответствующих религиозных обязанностей он был облечен и военной властью, поскольку отвечал за колесничные армейские подразделения. Мать царицы, Туйя, была «управительницей гарема Мина» и «управительницей гарема Амона». Исполняя эти две серьезные функции, она должна была иметь очень высокий социальный статус.

Туйя, которая также носила поэтический титул «украшение царя», вне всякого сомнения, была настоящей египтянкой. В силу своих религиозных функций она имела доступ в частные апартаменты дворца, близко общалась с самыми значительными лицами при дворе и должна была до тонкостей знать все правила

дворцового этикета.

Что касается Йуйи, то в нем некоторые ученые видят сирийского принца, получившего образование в Египте. Не так давно была выдвинута сенсационная гипотеза, которая отождествляла Йуйю с библейским Иосифом. Ее сторонники предполагали, что он хорошо адаптировался к своей новой родине и нашел себе влиятельную супругу, благодаря которой был принят в общество первых вельмож империи. Однако самые последние исследования опровергают эту гипотезу, так как показывают, что Йуйя был уроженцем египетского города Ахмима (в Верхнем Египте) и его блестящая религиозная и административная карьера разворачивалась в чисто египетском контексте.

Итак, мы можем заключить, что Тийа, вне всякого сомнения, была по своему происхождению египтянкой и принадлежала к знатной семье, которая имела доступ ко двору и пользовалась прекрасной репутацией у царя.

И все равно факт женитьбы Аменхотепа III на Тийе кажется очень странным – по крайней мере, на наш взгляд. Великий фараон, вместо того чтобы избрать себе супругой женщину царской крови, возвысил до положения царицы девушку, которая, хотя и занимала заметное положение в обществе, не принадлежала к его ближайшему окружению. Он осыпал родителей Тийи богатствами и почестями, как самых влиятельных вельмож. Решение фараона явилось для них истинным подарком судьбы, обеспечило им благосостояние и всеобщее уважение.

Почему же, выбирая будущую царицу Египта, Аменхотеп III отдал предпочтение семье, которая не была связана с короной? Некоторые египтологи, сознавая странность этой ситуации, предположили, что Йуйя и Туйя были лишь приемными родителями Тийи. Однако если ее происхождение в действительности было более знатным, почему этот факт замалчивался?

Выдвигалась и противоположная гипотеза, согласно которой этот брак был своего рода вызовом верховному жрецу Амона, намеренным скандальным нарушением обычных правил. Подобная романтическая интерпретация интересующей нас истории не имеет никакой научной ценности. Ведь фараон не должен был отчитываться за свои решения перед жрецами. Женившись на женщине относительно скромного происхождения, Аменхотеп III просто отступил от традиции, согласно которой предшествовавшие цари вступали в союз с женщинами царской крови. Однако после заключения брака Тийа сразу же стала

полноценной царицей. Одному из ее сыновей предстояло властвовать в качестве законного фараона.

Облеченная титулами «великая наследница, дочь царя, сестра царя, супруга царя», Тийа была признана царицей со всеми правами и обязанностями, которые подобают соратнице фараона по управлению государством.

Тийа, одна из выдающихся личностей в истории Египта, не довольствовалась ролью царицы, которая скромно существует в тени всемогущего супруга. С самого начала своего «правления» Тийа заявила о себе как женщина с «государственным умом», которая активно участвует в принятии политических решений, а в некоторых случаях даже выступает их инициатором.

Она принимала участие во всех официальных церемониях и праздниках, сопровождала своего мужа в поездках по стране. Удивительная деталь: Тийа постоянно присутствует рядом с царем на публичных приемах, и придворные восхваляют ее.

Конечно, египтяне никогда не относились к женщине с пренебрежением, не ограничивали сферу ее активности одним только домом. Женщины Египта порой достигали самых высоких должностей и обеспечивали себе влиятельное социальное положение. Известны, например, несколько имен очень знатных дам, которые играли решающую роль в управлении страной. Фиванские же царицы положили начало освободительному движению, которое, после изгнания гиксосов, привело к рождению Нового царства. Тийу можно считать продолжательницей их дела. Она была настоящей соратницей Аменхотепа III, и эффективность ее подхода к государственным делам ни у кого не вызывает сомнения. Могущество царицы особенно явственно проявилось тогда, когда она занялась строительством собственного храма в Судане. Взяв на себя функции «начальницы строительных работ», она прославила царскую власть традиционным способом – воздвигнув новый храм.

В нашем распоряжении есть еще одно убедительное доказательство влияния и компетентности царицы. Митаннийский царь Тушратта направил Аменхотепу IV, только что взошедшему на царский престол, письмо, в котором мы можем прочитать следующее удивительное заявление: *Все слова, которыми я обменивался с твоим отцом, – твоя мать Тийа их знала. Никто, кроме нее, не знал их, но у нее ты можешь обо всем узнать… С самого начала моего правления, все время, пока Аменхотеп III, твой отец, писал мне, он непрестанно писал только о мире. Не было ничего другого, о чем бы он писал мне непрестанно. Тийа… знала все слова твоего отца, постоянно писавшего мне.*

Именно Тийу, твою мать, ты можешь расспросить обо всем, о чем тогда шла речь (амарнские письма, EA 28 и 29).

Тушратта как нельзя более ясно дал понять молодому фараону, что царица Тийа не только была в курсе всех самых важных государственных дел, но в некоторых случаях брала на себя ответственность за их решение.

Тийа поделилась со своим сыном Эхнатоном теми секретами, которые хранила. Значит, это она представила фараону отчет о внутреннем положении в Египте и о состоянии международных отношений – в соответствии со своими взглядами. Конечно, Эхнатон не был совсем уж несведущ относительно всего этого и успел составить собственное мнение; однако мать дала ему «дополнительную информацию» неоценимой важности.

Царица Тийа оказала решающее влияние на формирование политической мысли Эхнатона. У нее были четкие идеи относительно будущего страны. Прежде всего, она не думала, что Египет и дальше может оставаться в относительной изоляции. Обе Земли процветали, египетская цивилизация была более роскошной, чем когда бы то ни было, боги осыпали своими милостями народ, который их почитал. Но царица не была удовлетворена этим благополучием, основания которого порой казались ей чересчур непрочными; она хотела расширить горизонты, осуществляя экспансию одновременно экономического и религиозного характера. Она открыла Египет для внешних влияний и пыталась создать космополитическое государство, народы которого узнавали бы друг друга, не вступая в конфронтацию. Ведь благодаря торговому обмену появилась возможность сравнивать преимущества разных стран и особенности их мировосприятия, но при этом Египет продолжал оставаться центром мира и светочем культуры.

Богиня неба Нут (часто ассоциировавшаяся с Хатхор). Изображение на внутренней стороне крышки саркофага Джед-Хора. Высота 1.2 м.

В религиозной сфере Тийа также внесла значительный вклад в развитие идей того времени. Ее брат, Аанен, совмещал две очень важные должности: на одной статуэтке из собрания Туринского музея он назван «(самым) великим из видящих» Гелиополя и «вторым жрецом Амона». Эта двойная функция обеспечивала Аанену совершенно особый статус: с одной стороны, он был членом всемогущей фиванской жреческой иерархии и, благодаря своему высокому рангу, знал ее механизм, с другой – принадлежал к гелиополитанскому жречеству, оттесненному на второе место в результате роста влияния жрецов Амона.

Тийа благодаря этой родственной связи была превосходно информирована обо всем, что происходило в обеих религиозных общинах. Она восхищалась великими принципами гелиополитанской солнечной теологии и внимательно следила за развитием фиванских амбиций.

Очень может быть, что царица Тийа располагала данными обо всех «болевых точках» египетского общества; Аанен же был

одним из ключевых персонажей того периода.

Ограничивался ли брат царицы исполнением своих обязанностей важного должностного лица или, помимо этого, был одним из приверженцев древней солнечной религии, которая в правление Аменхотепа III постепенно вновь выходила на передний план? Тийа, во всяком случае, разделяла гелиополитанскую концепцию сакрального, согласно которой божество являет себя самым непосредственным образом – приняв внешний облик Солнца. Она покровительствовала жречеству древнего священного города Гелиополя, таким образом отчасти восстанавливая равновесие, уже давно нарушенное в пользу жрецов Амона. Правда, последние все еще сохраняли свое привилегированное положение.

Эти тактичные и скромные попытки восстановить равновесие не приводили ни к каким конфликтам. Скажем, вступая во время церемонии в барку под названием *Блеск Атона,* царица тем самым давала понять своим придворным, что она привержена солярной мистике. Или же царственная чета публично подносила приношения богу Атону. Почему это должно было волновать жрецов Амона? Ведь речь шла о незначительных эпизодах, которые просто подтверждали теологическую и духовную роль Тийи – роль, вполне традиционную для цариц Египта.

Дело в том, что египетская царица является воплощением Маат – мирового порядка (или вечного закона), который люди обязаны соблюдать. Царица – это также Хатхор (богиня неба, «Око Солнца», космическая сила, в которой возрождается каждая женщина). При Тийе «религии Атона» еще не существовало, но царица покровительствовала очень древней идейной традиции, приверженцем которой был и ее муж, Аменхотеп III.

Будущий фараон Эхнатон не мог оставаться равнодушным к той религиозной атмосфере, которая формировалась при царском дворе. Сильные индивидуальности его родителей сыграли определяющую роль в эволюции его собственной личности, особенно после события, решившего его судьбу, – кончины старшего брата.

Аменхотеп III и Тийа сочли своего второго сына достойным наследником египетского трона. Он принял имя Аменхотеп (IV), как бы заявив о том, что его царствование будет продолжением правления его отца – во славу бога Амона.

Глава IV
ИСТОКИ КУЛЬТА АТОНА И ВОСПИТАНИЕ БУДУЩЕГО ЦАРЯ

Переживание сакрального – фундамент египетской цивилизации. Существенное значение имеют и те формы, в которых находит выражение это чувство. Каждый фараон для своего правления выбирает определенную религиозную «программу», которая акцентирует тот или иной аспект божественного.

Средоточием религиозной мысли Эхнатона был бог Атон. Царь открыл для себя этого бога, еще когда воспитывался во дворце своего отца. Но был ли Атон «изобретением» эпохи Аменхотепа III, или же он присутствовал уже в традиционном пантеоне?

Фараон Аменхотеп II, чье царствование началось в середине XV века до н. э. и длилось приблизительно двадцать пять лет, родился в Мемфисе, священном городе бога Птаха. В своих текстах он упоминает «бога, главенствующего в Гелиополе», – таким образом подчеркивая свой интерес к древней столице Египта. Гелиополь был, прежде всего, старейшим теологическим центром страны; именно там впервые обрела выражение египетская мудрость.

Аменхотеп II, особо восприимчивый к этой идущей из глубины веков традиции, решил придать ей новое звучание. Он приказал разрабатывать каменоломни Туры и начал строительство в Мемфисе и Гелиополе, желая украсить оба эти города новыми памятниками. Таким образом, он надеялся уравновесить всемогущество Амона и его почитателей. Впрочем, в представлении самого Аменхотепа II главным богом был не Амон, а «триединое» божество Амон-Ра-Атум, и именно этот уникальный бог в трех лицах «заронил в сердце царя мысль сделать так, чтобы Египет ему [этому богу] служил».[45]

В большом гимне Амону говорится, что этот бог создал человечество, животных, древо жизни и травы, которыми питается скот. Связь между созидательным началом и природой будет подчеркиваться и в гимнах Атону, который «присвоит» некоторые характерные качества Амона.

Тутмос IV, наследник Аменхотепа II, пережил в пустыне одно удивительное приключение. Проохотившись весь день, он заснул в тени сфинкса, который, явившись к принцу в пророческом сне, пообещал юноше царский трон, если тот освободит его, сфинкса,

от песка. Тутмос IV выполнил эту просьбу и впоследствии был возведен на престол не богом Амоном, но самим сфинксом – божеством, тесно связанным с гелиопольской религией.

Избрав себе имя «Тот, кто очищает Гелиополь и радует Ра», Тутмос IV как бы дистанцировался от жрецов Амона. Этот религиозный идеал не остался чисто теоретическим, но был конкретизирован административными мерами: верховный жрец Амона уже не главенствовал над всеми жрецами Египта и не занимал должность визиря. Однако в своих официальных текстах Тутмос IV признавал, что именно Амон дарует ему военные победы и увеличивает славу страны.

Примеры Аменхотепа II и Тутмоса IV доказывают, что еще до правления Эхнатона существовала тенденция к «уравновешиванию» различных египетских культов, к тому, чтобы лишить богатых жрецов Амона абсолютного главенства. Аменхотеп III ускорил эту революцию, особенно в сфере религиозных идей. Он настаивал на значении бога Атума, первотворца мира, и привлек внимание к многообразной символике солярного культа.

Этот интеллектуальный климат был благоприятен для самых разных изменений; но почему Эхнатон избрал именно бога Атона в качестве своего рода символа нового Египта?

Атон вовсе не был «новым» для египетской религии богом. Начиная с эпохи Тутмоса I его считали могущественным божеством, суть которого не сводима к внешней форме Солнца: когда фараон умирает, его бессмертная душа возносится к небу и соединяется с Солнечным Диском, Атоном, чтобы сиять вечно. Так, в одном тексте об умершем фараоне Аменемхете I говорится, что он *удалился в небеса [и] соединился с Солнечным Диском; плоть бога слилась с создавшим его.* [46]

Постепенно Атона стали воспринимать как тело бога Ра. Рехмира, «Знающий подобно Солнцу», даже сравнивал своего царя, Аменхотепа III, с богом Атоном, «когда он являет себя сам». Становясь неотделимым от личности фараона, Атон, естественно, пользовался все большей славой.

Уже в правление Тутмоса IV существовал культ Атона. В эпоху Аменхотепа III один человек исполнял должность «управляющего хозяйством Атона», и, как мы знаем, этого бога почитали в самих Фивах. В Гелиополе и Мемфисе тоже были жрецы Атона, которые постепенно возрождали элементы древней космической религии.

Ясно, что Эхнатон черпал архитектурные образы и символы для своей религиозной реформы в очень древних египетских источниках. Тутмос IV и Аменхотеп III, дед и отец Эхнатона,

находились в более близких отношениях с божественным Солнцем, чем другие фараоны, их предшественники. Первый, в надписи на памятном скарабее, сообщает о том, что Солнечный Диск даровал ему победу в битве: *…князья Нахарины, неся свои дары, узрели царя, когда он выходил из дворца; они услышали его голос, подобный голосу сына Нут [Сета]. В руке он держал лук, как наследник Шу [светоносного воздуха]. Когда он отправляется сражаться и Атон шествует перед ним, он разрушает горы и попирает ногами чужеземные страны.* В придворной поэзии царь именуется «Диском в его Стране Света», а дворец – «обиталищем Диска». Аменхотеп III получил имя «Ослепительный Диск». В период его правления имя Атона входило в названия войскового подразделения и царской барки.

Многие свидетельства согласно указывают на то, что бог Атон занимал значительное место в египетской религиозной мысли уже со времени Аменхотепа III.

Годы взросления

Воспитывался ли будущий фараон Эхнатон, хотя бы отчасти, в Мемфисе, как многие царские сыновья? Ни один документ не упоминает об этом. И все-таки очень вероятно, что царевич посещал этот великий город, прозванный «Весами Обеих Земель», который оставался одним из крупнейших экономических и религиозных центров. Недалеко оттуда находился и Гелиополь – священный город солнечного бога со времен глубокой древности.

Ра, Хор-Страны-Света (Хорахти), Шу, Атон… Все эти солярные боги были частью интеллектуальной атмосферы, окружавшей молодого человека, метафизическими формами, отвлекавшими его внимание от официального культа Амона – бога империи и владыки Карнака.

Дворец, подобный Малькате, уже сам по себе был для царевича средством обучения. Эхнатон открывал для себя священное и в природе, и в изображениях, созданных художниками. Весь путь Бога был здесь, перед его глазами – представленный в настенных росписях, в которых гениальные живописцы сумели оживить фауну и флору именно в том качестве, которое связывает их с вечностью.

Молодой человек изучал священные тексты египетской традиции, которая так богата духовным опытом. Как и любой будущий царь, он хорошо освоил иероглифическое письмо – после того, как его посвятили в священное знание. Ведь фараон, согласно закону Маат, должен быть одновременно ученым и

мудрецом.

Одна замечательная личность, как кажется, оказала особенно большое влияние на Эхнатона. Речь идет об Аменхотепе, сыне Хапу. Этот выдающийся ученый, которого объявили богом при жизни за многие выдающиеся заслуги перед Египтом, был гениальным архитектором и способным администратором, пользовавшимся полным доверием Аменхотепа III. Царь оказал своему другу неслыханную честь: Аменхотеп, сын Хапу, получил повеление построить свой собственный храм.

Аменхотеп, сын Хапу, руководил также и войском, и писцами; но, прежде всего, был «начальником всех строительных работ царя». Будучи главным мастером страны, он считался истинным глашатаем божественной воли, человеком, способным проникнуть в замыслы Творца и воплотить их на практике. Вот почему, в соответствии со своими великими заслугами, он дожил до ста десяти лет – священного возраста, который египетская традиция приписывает мудрецам.

Аменхотеп, сын Хапу, был живым символом совершенной личности, соединяющей в себе самую утонченную духовность и способность к творческой деятельности. Молодому принцу исключительно повезло: он мог общаться с этим мудрейшим из мудрых, который одинаково хорошо знал сокровенную суть камней и людей. Долгими вечерами, в благоухающей тишине дворцовых садов, будущий царь и главный архитектор беседовали о священном, вспоминали небесную корову Хатхор, шакала Анубиса, очищающего мир, Хора, который есть изначальный свет. Эти двое говорили о Единственном – творческой силе, которая в каждый миг заново создает вселенную, являя себя в тысяче божественных обликов. Аменхотеп, сын Хапу, внушил царскому сыну мысль, что тот должен сам построить свою жизнь – как строят храм.

Будущий Эхнатон имел благоприятную возможность учиться и у других наставников: ведь при дворе Аменхотепа III было много людей, наделенных выдающимися способностями. Доказательством тому может служить, например, один из самых прекрасных текстов доамарнского периода – гимн, созданный двумя братьями, архитекторами Сути и Хором (любопытно, что они носят имена двух самых популярных в египетской мифологии богов-братьев[47]). Сути и Хор руководили строительными работами во владениях Амона, то есть занимали одни из самых высоких государственных должностей. Однако их погребальная стела содержит текст, который, вопреки ожиданиям, прославляет не такого Амона, каким этот бог виделся фиванцам, но странного «солярного» Амона, очень близкого к тому богу, которому в

скором времени будет поклоняться Эхнатон. Вот несколько отрывков из этого текста, которые, несомненно, произвели сильное впечатление на будущего царя: *Приветствуют Амона, когда он восходит в качестве Хора Страны Света, начальник строительных работ Сути и начальник строительных работ Хор. Они говорят: Хвала тебе, Ра, совершенный в любой день… Самое чистое золото не сравнимо с твоим сиянием. Ты сам сотворил свое собственное тело – о скульптор, которого никто никогда не создавал… Все глаза видят благодаря тебе; они не могут видеть, когда твое величество заходит за горизонт. Когда ты поднимаешься на рассвете, твои лучи открывают глаза животным; когда ты заходишь за западную гору, они спят, как если бы впали в состояние смерти… Ты – единственный владыка, ежедневно достигающий крайних пределов земли…*

Солнечный Диск наделяется эпитетом «тот, кто создает каждого» – и, таким образом, приобретает статус демиурга. Вспомним, однако, что Сути и Хор были служителями Амона. А это означает, что, попытавшись противопоставить радикальным образом традиционную религию Амона и новаторскую религию Атона, мы получили бы совершенно искаженную перспективу.

Аменхотеп III и Атон

Все источники указывают на то, что Аменхотеп III и его сын жили в полном согласии. Их соединяли психологическое сходство и душевная привязанность друг к другу, а также общность взглядов на государственные дела. Аменхотеп III, можно сказать, заложил основы той политики, которую позже проводил его сын: ведь именно благодаря ему в Египте официально «утвердились» и стали набирать силу Атон и древний солярный культ.

Были случаи, когда Аменхотеп III покидал Фивы и удалялся от Амона – например, для совершения одной из самых важных церемоний в жизни царя, праздника хеб-сед. Этот праздник включает в себя целый комплекс ритуалов, которые длятся много дней, и имеют своей целью возрождение магической силы царя, ослабевшей за долгие годы царствования. Все боги Египта собираются, чтобы принять участие в этом обновлении естества фараона.

Аменхотеп III избрал в качестве места проведения праздника хеб-сед далекий Сблеб (в Судане). Именно там его главный архитектор, Аменхотеп, сын Хапу, построил замечательный храм, сравнимый по своему великолепию с Луксором. Храм посвятили царствующей чете и магическому обновлению царя.

Вспомним, что дворец царя Египта, расположенный в левобережной части Фив, был посвящен Атону. Позже Эхнатон назовет свою резиденцию в городе Солнца так же, как назывался дворец его отца: «Прибежищем фараона является блеск Атона». С точки зрения египтянина, любое название («имя») играет важнейшую роль: оно выражает глубинную природу живого существа или вещи, к которым прилагается. Название дворца в Малькате свидетельствует о том, что Аменхотеп III передал свою повседневную жизнь под покровительство Атона и однозначно заявил о привязанности к этому богу царской семьи.

Как же не вспомнить в заключение одну очаровательную сцену, вырисовывающуюся на этом религиозном фоне? Рядом с дворцом, о котором мы сейчас говорим, Аменхотеп III повелел выкопать пруд для приятного времяпрепровождения. Работы были закончены ко дню «Праздника открытия водоемов». По этому случаю царь и царица Тийа спустились в великолепную барку, которая в первый раз пересекла водную гладь искусственного озера. Эта барка, как мы уже говорили, называлась *Блеск Атона* или *Атон сияет.* Египетский текст так описывает это событие:

Его Величество повелело, чтобы был выкопан пруд
Для великой царской супруги Тийи
– Да живет она! —
В его поместье «Прогоняющий сумерки».
Его [пруда] длина была три тысячи семьсот локтей,
Его ширина – семьсот локтей.
В седьмой день третьего месяца
Его Величество отметило праздник открытия пруда,
Его Величество совершило прогулку по нему
В царской барке «Атон сияет».

Итак, раз за разом Аменхотеп III вносил все более важные изменения в религиозную ментальность своей эпохи. При нем свет бога Атона уже начал являть себя.

Глава V
СОВМЕСТНОЕ ПРАВЛЕНИЕ?

Среди политических институтов Древнего Египта был один, который современные исследователи называют «совместным правлением», подразумевая под этим разделение власти, в течение более или менее длительного периода, между стареющим фараоном и преемником, которого он избрал. Известно много примеров подобного феномена, и ученые не без основания задавали себе вопрос, не было ли это общим правилом, огромное преимущество которого заключалось в том, что правящий фараон мог подготовить будущего главу государства к его функциям, постепенно передавая ему собственный опыт.

Царица Тийа (справа) трапезничает с Эхнатоном и Нефертити. Прорись рельефа из гробницы Хуйи в эль-Амарне.

Два фараона, не будучи соперниками, на протяжении нескольких месяцев или нескольких лет делили верховную ответственность за благополучие страны. Хотя преемник в египетских текстах всегда именуется «сыном», мы не должны понимать этот термин буквально: во многих случаях речь идет о «духовном сыне», который вовсе не обязательно избирался из членов царской семьи.

Когда же Аменхотеп IV, будущий Эхнатон, прошел через ритуал коронации и был признан царем Египта – после смерти своего отца Аменхотепа III или еще при его жизни?

Этот вопрос постоянно обсуждается египтологами. Некоторые из них поддерживают точку зрения, согласно которой Аменхотеп IV был коронован лишь после кончины отца, и совершенно отрицают возможность совместного правления. Редфорд,

например, обращает внимание на тот факт, что Аменхотеп IV никогда не фигурирует на памятниках своего отца и что до нас дошло только одно его упоминание как принца – в надписи на винном кувшине, обнаруженном в руинах дворца в Малькате. По мнению Редфорда, точно известно лишь следующее: Тийа, супруга Аменхотепа III и мать Эхнатона, прожила, по меньшей мере, двенадцать лет после смерти мужа и, следовательно, все это время оставалась рядом со своим сыном, оказывая на него влияние, характер которого трудно точно определить. А, следовательно, если мы и можем говорить о «совместном правлении», то лишь в расширенном смысле – как о разделении власти между матерью и сыном.

Однако выдвигалось и множество аргументов в пользу совместного правления. Так, на одной стеле, которая происходит из эль-Амарны, а ныне хранится в Британском музее, Аменхотеп III изображен сидящим рядом с Тийей перед жертвенником со всевозможной снедью. Над ним сияет бог Атон (Солнечный Диск), который подносит к носу царя символ жизни. Царь выглядит усталым, сгорбленным, постаревшим. Одна рука бессильно опущена на колени. Если признать изображение царя прижизненным, то этот документ доказывает, что совместное правление длилось, по крайней мере, девять лет. Как бы то ни было, описанная сцена свидетельствует о том, что Аменхотеп III и Тийа принимали участие в отправлении нового культа.

Еще более убедительна в этом смысле статуэтка с именами обоих фараонов и бога Атона. Поскольку памятники такого типа не засвидетельствованы ранее девятого года Эхнатона, некоторые ученые считают возможным сделать вывод, что через девять лет после коронации Эхнатона его отец, Аменхотеп III, был еще жив.

Без сомнения, к этому «досье» следует прибавить и изображение отца и сына (оба – в царских венцах) на восточной стене северной башни третьего пилона Карнака. Олдред полагает, что 28–30 годы правления Аменхотепа III соответствуют шестому году правления его сына и что совместное правление длилось, по меньшей мере, восемь лет (а может быть, и больше).

Сторонники гипотезы совместного правления считают решающим доказательством в пользу своей точки зрения сцену на каменном блоке из Атрибиса: там изображены Аменхотеп III и Аменхотеп IV, которые совместно приносят жертву божеству. Учитывая различные датировочные критерии, эти ученые утверждают, что подобная совместная ритуальная практика могла иметь место только после восшествия Аменхотепа IV на царский престол.

По мнению приверженцев самого радикального варианта

этой гипотезы, совместное правление длилось двенадцать лет: они исходят из письма царя Тушратты, которое было обнаружено в архивах Амарны и в котором упоминается траур при египетском дворе. Ясно, что речь идет о кончине Аменхотепа III и о «вторичном» приходе к власти Эхнатона, который отныне будет управлять государством единолично.

Есть одна трудность, которая, на первый взгляд, мешает использованию этого важнейшего документа. Самое начало текста повреждено и читается так: «…2». Перед цифрой «2» есть место для одного знака, который может быть только единицей. Восстановить в начале текста двойку и прочесть «год 22» невозможно, поскольку правление Эхнатона не было таким долгим. Прочесть просто «год 2» также невозможно, ибо этому мешает наличие лакуны.

Так было ли совместное правление вообще, и если да, то сколько времени оно длилось – два года, шесть, восемь или двенадцать лет? Оставался ли Аменхотеп III в Фивах, в то время как Эхнатон пребывал в своей новой столице? Или оба царя имели общую резиденцию в Ахетатоне? На все эти вопросы сегодня еще невозможно дать определенные ответы.

Глава VI
ОТ ГОДА ПЕРВОГО К ГОДУ ТРЕТЬЕМУ: АТОН ПОСЕЛЯЕТСЯ В КАРНАКЕ

Первый год правления Аменхотепа IV начался, как и положено, с ритуальной коронации царя. Коронация – примечательный факт! – имела место не в храме Карнака, но в Гермонте, в Фиванской области. Разумеется, этот выбор не был случайным. Гермонт считался «Южным Гелиополем» – городом на Юге, соответствующим великому городу Солнца на Севере. Следовательно, выбор для коронации именно этого места можно расценивать как первый акт почитания древнего солярного культа и как высокую честь, оказанную его жречеству.

Весьма вероятно, что церемонией коронации руководил не кто иной, как Аанен, брат Нефертити: ведь он совмещал религиозные функции в Карнаке и Гермонте, то есть был как бы связующим звеном между различными культами.

В начале своего правления новый царь еще не порывал с традициями. Так, в храме Сесеби, в Судане, имеются крипты, составляющие часть солнечного храма; в них Эхнатон изображен вместе со многими богами, в соответствии с правилами классического искусства. В других сценах Эхнатон выполняет действия, обычные для египетских царей.

В надписях одной из самых красивых фиванских гробниц, гробницы Херуэфа, Эхнатон все еще именуется «избранником Амона-Ра». На рельефах из той же гробницы царь предстает подносящим жертвенные дары Атуму, владыке Гелиополя, и другим божествам (например, Хатхор, владычице неба). Заметим в скобках, что позже Эхнатон не приказал уничтожить эти сцены, в которых был изображен по канонам «классической» иконографии царя рядом со своим отцом, царем Аменхотепом III, и со своей матерью, царицей Тийей. Подчеркнем еще раз, что Эхнатон в сценах из гробницы Херуэфа совершает ритуалы перед Атумом. Этот великий бог, творец мира, связан с гелиопольской теологией, о влиянии которой на религиозную философию Эхнатона мы еще будем говорить.

Два великих религиозных центра, Мемфис и Гелиополь, продолжали питать египетскую духовность, несмотря на привилегированное положение Фив. Фараоны Нового царства охотно посещали Мемфис – крупный экономический центр и город бога Птаха, покровителя ремесленников. Что касается Гелиополя, то он пользовался огромным авторитетом. Фараоны,

которые готовили путь «атонизму», все чаще пытались найти опору в гелиопольском жречестве, чтобы наложить узду на фиванские амбиции.

Эхнатон поддерживал с Гелиополем особенно тесные политические и религиозные отношения. Не доверяя фиванцам, царь нуждался в другой, «образцовой» жреческой корпорации. Со своей стороны, жители Гелиополя, вероятно, очень интересовались религиозными идеями царя, которые были так близки к культу их родного города.

Позже в горах к востоку от эль-Амарны была высечена гробница для Мневиса, священного быка Гелиополя. Более того, верховный жрец Атона носил титул «(самый) великий из видящих», то есть титул верховного жреца Гелиополя.

Позволяют ли эти точные факты утверждать, что религия Атона была разработана в Гелиополе, библейском Илиополе, где «научен был Моисей всей мудрости Египетской» (Деяния 7:22)? Источники, которыми мы в настоящее время располагаем, не дают возможности с точностью ответить на этот вопрос, однако нет никакого сомнения в том, что гелиопольская мысль оказала решающее влияние на Эхнатона. Культ Атона, по крайней мере отчасти, был «осовремененным вариантом» древней религиозной практики Гелиополя.

Доказательством тому, с нашей точки зрения, может служить то привилегированное положение, которое Эхнатон предоставил богу-соколу Хорахти, «Хору Двойной Страны Света», символизирующему созидательный аспект солнечного света. Царь также уделял огромное внимание Шу, богу насыщенного светом воздуха, который дарует жизнь. Эти божества относятся к числу древнейших в египетской религии и упоминаются уже в *Текстах Пирамид,* описывающих воскресение царя в потустороннем мире. В Гелиополе Атон был известен и под именем Шу. Как заметил Ван де Валле, перо, украшающее голову Шу, в эпоху Амарны носили также царица и принцессы – таким образом они выражали свою связь с очень древней мифологией. Солнечный Диск, зримое воплощение бога Атона, – это сама жизнь в ее светоносной функции. На изображениях лучи Диска заканчиваются кистями рук, которые держат символ *анх,* «жизнь». Эта символика подчеркивает значимость божественного дара и человеческого приношения божеству. Такое развитие получила традиционная философия Гелиополя, в которой бог-творец, Атум, определяется как «Тот, кто существует, и Тот, кто не существует», как божество, подводящее к порогу существования все то, чему еще только предстоит быть созданным.

Между Гелиополем и эль-Амарной не было никакой

пропасти. Базовые принципы египетской цивилизации не изменились.

Эхнатон не удовлетворился тем, что избрал местом своей коронации «Южный Гелиополь». Он принял совершенно необычный титул «Первый жрец Ра-Хорахти, ликующего в Стране Света в своем имени Шу, который есть Атон». Ра-Хорахти непрерывно созидает жизнь, Шу есть поддерживающий ее солнечный свет, Атон же в жреческом титуле царя впервые предстает как синтетический образ, объединяющий в себе обе эти концепции.

Это светоносное божество вибрирует и «ликует» в «Стране Света», которая охватывает всю вселенную, включая Египет. Имя этой созидающей силы вписано в двойной картуш[48] – а значит, Атон обладает статусом фараона и царство его распространяется на небо и на землю, на Восток и на Запад, он управляет зарождением жизни и ее мгновенным исчезновением во мраке.

Аменхотеп IV повелел воздвигнуть в Карнаке новые значительные памятники – чтобы почтить солнечное божество, чьим верховным жрецом он стал. Это было первым деянием его царствования (во всяком случае, первым, о котором мы знаем). Согласно египетским текстам, новые постройки должны были быть прочными, как небо, и сравнимыми по красоте с самим Солнечным Диском.

Как говорится в одной надписи из каменоломен в Джебель Сильсиле, царь приказал добывать камень на юге и на севере страны и использовал многочисленных рабочих для возведения в Карнаке огромного *бенбена,* получившего имя «Сияние, которое пребывает в Диске».

Бенбен считался небесным камнем, первым объектом, появившимся в процессе сотворения мира; он возвышался в центре великого солнечного храма в Гелиополе. Получается, что Аменхотеп IV, возводя свои постройки в Карнаке, избрал себе в качестве образца древнейшее гелиопольское святилище. Было ли первое архитектурное творение царя настолько близким к гелиопольскому образцу, что в нем присутствовал и обелиск на базе, символизирующий *бенбен?* Мы этого не знаем: ведь все карнакские памятники, посвященные Атону, подверглись разрушению и дожили до наших дней только в виде маленьких каменных блоков, которые после демонтажа построек Аменхотепа IV были использованы для заполнения внутренних полостей пилонных башен. Обелиск, или пирамидной, символизировал для египтян рождение света; он был окаменевшим солнечным лучом, вечным напоминанием о присутствии на земле бога.

Аменхотеп IV не воевал с богом Амоном. Он не вел никакой

религиозной борьбы и против жрецов Амона. Он просто превратил Карнак в храм Атона.

Это было «революционным» актом – в том смысле, что храм как бы перешел в собственность другого божества. Однако в действительности никто не изгонял Амона из его владений. Он оставался «владыкой Карнака», хотя в начале правления Аменхотепа IV на авансцену религиозной жизни выдвинулась другая форма божества.

Святилища Атона были воздвигнуты в восточной части Карнака – там, где поднимается Солнце. Мы знаем их имена. Всего было четыре храма, каждый из которых имел свое имя: «Солнечный Диск найден» *(Гем-па-Атон);* «Двор первобытного камня *(Хут-бенбен),* который находится в Солнечный-Диск-найден» (детерминативом к этому названию служит изображение обелиска); «Крепки памятники Солнечного Диска навечно» *(Рудмену-эн-Атон-эр-нехех)* – в сценах из этого храма царь и придворные направляются к жертвенникам с хлебом, вином и битой птицей, в то время как служители восхваляют царя и Солнечный Диск; наконец, святилище под названием «Возвышены памятники Солнечного Диска навечно» *(Тени-мену-эн-Атон-эр-нехех),* в котором было много сцен, изображавших повседневную жизнь дворца. Редфорд, на основании одного (к сожалению, поврежденного) текста, подсчитал, что персонал всех четырех храмов достигал приблизительно шести тысяч восьмисот человек. А значит, речь шла вовсе не о том, чтобы воздвигнуть скромную капеллу в честь бога Атона в храме Амона, – царь фактически организовал новый культ, выделив для него место на огромной территории Карнака.

В этих новых храмах был впервые изображен Солнечный Диск, лучи которого заканчиваются кистями рук; более того, имя бога Атона было заключено в картуш – овал, окружающий, в египетских иероглифических надписях, имена фараонов.

Следовательно, Атон считался богом-царем и идентифицировался с самим фараоном. Символом Атона, владыки неба и земли, был солнечный диск, вокруг которого обвилась змея; с шеи рептилии свисал знаменитый «знак жизни», *анх.* В Египте змея не ассоциировалась со злом; она была связана с идеей непрерывных метаморфоз жизни.

Благодаря талататам, маленьким блокам, из которых сооружались эти памятники, мы представляем себе, какие сюжеты выбирал Эхнатон, желая «проиллюстрировать» свое царствование. На одном из изображений, например, царь, увенчанный синей короной, совершает прогулку на колеснице. Этот акт, как объясняется в сопроводительном тексте, имеет ритуальный

смысл: *Воссияние в славе, на колеснице, Его Величества, подобного Солнечному Диску в середине неба, который освещает Обе Земли.* Великолепные лошади с плюмажами из страусовых перьев на головах носят (общее) священное имя: «[Упряжка коней] Созданная Атоном».

На талатате из второго пилона фараон подносит какие-то растения солнечному богу с головой сокола. Стиль изображения кажется несколько странным, отклоняющимся от традиционной эстетики. Бог и царь имеют одинаковый тип телосложения, для которого характерен выступающий вперед живот.

Еще более необычны колоссальные статуи фараона (высотой в пять метров), обнаруживающие удивительную деформацию лица и некоторых частей тела. Черты лица – удлиненные и как бы гротескно увеличенные. Глаза – раскосые; уши с проколотыми мочками – огромные; нос – слишком длинный; подбородок – тяжелый; губы – полные. Эти колоссы стояли вплотную к колоннам одного из храмов Атона в Карнаке. На запястьях и на предплечьях каменного Аменхотепа IV мы видим браслеты, украшенные картушами с именем бога; в правой руке он держит *флагеллум,*[49] в левой – скипетр *хека.* Если эти атрибуты, как и двойная корона, вполне традиционны, то тело царя отличается странными особенностями: груди, бедра и таз имеют такое же строение, как у женщины. Некоторые из этих статуй изображают царя обнаженным и без признаков пола.

Как и Осирис, Аменхотеп IV, изображенный в позе этого умершего и обожествленного царя, утратил свой половой орган (который предстоит разыскать Исиде, воплощенной в царице). Нефертити в теологическом смысле представляет Исиду и должна вернуть царю его детородную силу. Вот почему божество, в его целостности, может воплотиться только одновременно в двух существах – мужского и женского пола.[50] Разве не является царь, лишенный признаков пола, совершенным символом этого божественного единства? Соединяя в себе мужские и женские признаки, он представляет единое начало, существовавшее до разделения полов.

По мнению Йойотта, эти странные колоссы заключают в себе важный символический смысл: они изображают царя как подобие Атона, то есть как «отца и мать» всех сотворенных существ. То, что мы видим, есть не конкретный образ Аменхотепа IV, но образ царя-бога.

Нам тоже кажется, что было бы ошибкой видеть в этих колоссах правдивые портреты царя. Скорее, фараон потребовал, чтобы его скульпторы разработали особую эстетику, соответствующую новому образу Атона, которого он сделал

средоточием своего царствования.

Существует, возможно, два достоверных портрета Аменхотепа IV: один хранится в Лувре и происходит из мастерской скульптора Тутмоса в эль-Амарне; другой находится в Каирском музее. Первый, высотой 64 см, был частью стеатитовой скульптурной группы и представляет собой превосходно выполненное лицо царя, совершенно безмятежное. Второй скульптурный портрет, высеченный из известняка, изображает царя в синей короне. Это восхитительное произведение выполнено в полном соответствии с требованиями классического стиля. Выражение сосредоточенности передано с особой убедительностью. К этим двум свидетельствам, без сомнения, можно добавить и гипсовую маску, которая была обнаружена в мастерской того же Тутмоса.

Эти портреты, если отвлечься от чересчур полных губ, не имеют ничего общего с деформированными лицами колоссов из Карнака. Наверняка те, кто изготавливал колоссы, пытались выразить с их помощью новую теологическую концепцию. Атон, которому впервые воздали почести как царю, естественно, нуждался в оригинальных формах изобразительного искусства.

Фараон был последовательным в своих демаршах: новый бог, который «поселяется» в Карнаке, – новые храмы, где он может жить, – новые скульптурные изображения, выражающие новую теологию. Во всех этих случаях Аменхотеп IV брал за образец очень древние религиозные традиции Гелиополя (по-своему переформулируя их).

Таковы были первые этапы «Атоновой авантюры».

Глава VII
ОТ ГОДА ЧЕТВЕРТОГО К ГОДУ ПЯТОМУ: ПРАЗДНИК ОБНОВЛЕНИЯ СИЛЫ ЦАРЯ И ПРАВЛЕНИЕ НЕФЕРТИТИ

В четвертый год правления Май, верховный жрец Амона, получил от царя Аменхотепа IV повеление возглавить экспедицию к каменоломням в Вади Хаммамат и привезти оттуда блок для изготовления царской статуи – без сомнения, одного из тех изображений фараона, которые должны были способствовать популяризации теологии Атона.

Культ Атона в четвертый год правления был уже достаточно сильно развит: появились новые храмы, тысячи храмовых служителей, алтари, которые щедро снабжались продовольственными приношениями. Города Египта признали верховенство Атона и посылали ему драгоценные металлы, одеяния, ткани, благовонные масла, вина, мясо и т. д. Храмы платили своего рода сакральную дань – чтобы культ бога, которого возвысил сам фараон, мог утвердиться внутри священной ограды Карнака. Эти приношения различных материалов и продуктов питания были совсем не малыми. Все боги страны официально выражали свое почтение к Атону.

Все это прекрасно укладывалось в русло традиции, и ни малейшего следа «соперничества» между божествами не было. Жречество Амона, как и другие жреческие корпорации, выполняло свои привычные обязанности. В полной мере функционировала и царская власть. И все же следует отметить одно важное новшество: Атон, который имел свой собственный культ в Карнаке, не воплотился в статую особой формы – в отличие от таких богов, как Анубис, Хатхор или Птах. Это наше утверждение нуждается в пояснении: ведь на него можно возразить, что колоссальные статуи царя являются символическими изображениями Атона.

Ученые много писали о том, что Аменхотеп IV наложил запрет на любые попытки изобразить Атона. Это не совсем верно. Во-первых, имеются колоссы; во-вторых – картуши со вписанными в них именами божества; в-третьих – изображения сияющего солнца, которое освещает царскую семью и постоянно дает ей необходимую творческую энергию. Следовательно, как и другие божества, культ которых продолжал существовать в Египте, Атон располагал своими символами, отражавшими и раскрывавшими

его сокровенное естество.

Особенно важен тот факт, что имя Атона окружалось двумя картушами. Атон стал царем богов, владыкой, не имеющим себе равных, который осуществляет свое царствование через посредство фараона. Мы как бы возвращаемся в сферу солярной теологии Древнего царства, когда царь был единственным посредником между божественным началом и своим народом.

На четвертом году своего правления Аменхотеп IV принял удивительное решение: отпраздновать первый *хеб-сед,* то есть магический ритуал обновления силы царя.

Аменхотеп IV был молодым человеком и правил всего четыре года. Может, он успел ощутить физическую или психическую усталость и именно потому решил столь резко нарушить обычный порядок проведения ритуала?[51] Поверить в такое трудно. Нам кажется более вероятным другое: Аменхотеп IV, уже запланировавший следующие этапы своей религиозной реформы, мог испытывать потребность в дополнительной магической силе, в «возгонке» своего творческого динамизма. Ведь работа, которую ему предстояло совершить, была метафизическим «бременем», возложенным на царя всеми богами и богинями Египта.

Во время праздника *хеб-сед* пантеон богов, в его целостности, приглашается в Фивы. Статуя каждого божества занимает отдельную капеллу, к которой ведет лестница. Царь поднимается по лестницам и приветствует каждого из своих сверхъестественных гостей – а они, в свою очередь, даруют ему жизненную силу, хранителями которой являются.

Мы знаем место, где проходил этот праздник обновления, – храм «Атон найден» в восточной части Карнака. Здание, которое имело форму прямоугольника со сторонами приблизительно 130 и 200 м, было ориентировано на восток. В открытом дворе, окруженном колоннадой, возвышались царские колоссы. Они, через одного, были увенчаны либо традиционной двойной короной, либо двумя высокими страусовыми перьями бога Шу – символом светоносного воздуха, благодаря которому во вселенной циркулирует жизнь. Эти статуи, как мы уже говорили, возможно, представляли собой андрогинные образы царя – воплощения Атона в его отцовско-материнском аспекте.

Как и другие постройки в Карнаке, связанные с культом Атона, этот храм был разобран на маленькие блоки, которые позднее использовались при строительстве пилонов Карнака. На многих из них сохранились сцены, изображающие праздник *хеб-сед.* Поэтому можно с большой долей вероятности предполагать, что ритуалы обновления благотворной силы царя исполнялись именно в этом месте, посвященном Атону, который именуется

здесь «богом живым, богом великим, господином *хеб-седа,* владыкой неба и земли».

Этот праздник был теологическим подтверждением коронации. Он укреплял всемогущество фараона. В символической фигуре царя концентрировалась сила всех богов.

Более того, ритуалы *хеб-седа* как бы акцентировали сакральную реальность и значимость царственной четы. Талататы, обнаруженные в заполнении девятого пилона Карнака, доказывают, что Нефертити и Эхнатон играли центральную роль в этом празднике, история которого восходит к первой династии. Эхнатон воплощал Ра, Нефертити – Хатхор. Воссоединение Ра и Хатхор возобновляло небесный союз божественного Солнца и богини вселенной, которая пробуждает к жизни сотворенный мир и сообщает ему красоту.

На стенах этого храма Атона было много изображений царя и царицы, открыто демонстрирующих свою привязанность друг к другу: за всеми такими сценами угадывается идея брака, нерушимой любви, которая связывает царственных супругов. Именно через царскую чету божественная жизненная сила передается всему человечеству.

Если эта символика сама по себе и не нова, то изобразительные средства, которыми она выражается, свидетельствуют о вкусе правящей четы к гораздо большему реализму, нежели тот, что считался допустимым когда-либо прежде. Так, на одном блоке мы видим супружескую постель, которую освещают лучи божественного Солнца. Рядом с ней обнимаются Аменхотеп IV и Нефертити. Акт плотского соития, переданный с традиционной для египетского искусства благородной сдержанностью, приобретает здесь сакральный характер, потому что свершается царственной четой, которая возвысилась до божественного статуса. Однако Солнце освещает пустую постель, а не человеческий аспект происходящего.

Пройдя через *хеб-сед,* царствующие супруги обрели новое могущество. «Вооружившись» божественной магией в ее максимально эффективной разновидности, они были теперь готовы к дальнейшим свершениям.

Нефертити – царица-фараон?

Мы видели, что Нефертити присутствовала на торжествах, которые стали главным событием четвертого года правления. Это, конечно, не было случайностью. Для многих наших современников символом амарнской авантюры являются, прежде

всего, восхитительная улыбка Нефертити, повсеместно известная благодаря бюстам царицы, которые хранятся в Берлине и Каире, и ее взгляд, навсегда устремившийся в вечность. Царь не совершил ни одного значительного дела без участия своей супруги. Египтологические исследования последних лет показали решающую роль царицы в управлении государством – а ведь прежде, несмотря на свою известность, она как бы оставалась в тени.

Нефертити была чем-то гораздо большим, нежели просто супругой и матерью. Многочисленные свидетельства позволяют считать ее, наряду с Аменхотепом IV, главным инициатором религиозной реформы и показывают, что она самым активным образом способствовала утверждению культа Атона.

Нефертити продолжила линию Хатшепсут и Тийи, выдающихся цариц, которые оказали глубокое влияние на свою эпоху. Воздействуя на ход событий, постоянно участвуя в мероприятиях власти, они исполняли свою «должность» царицы с поразительной энергией.

Нет никакого сомнения в том, что Нефертити серьезно интересовалась религиозными проблемами. Она не осталась в стороне от той реформы, на которую решился ее супруг. Быть может, она даже была истинной вдохновительницей этой реформы. Вплоть до своей смерти она присутствовала, рядом с царем, на всех официальных церемониях в честь Атона. И, как верховная жрица культа, ежедневно выполняла соответствующие этому высокому сану религиозные обязанности.

Тексты и многочисленные изображения подчеркивают духовную связь, которая соединяла царя и царицу. Должны ли мы это понимать как обычную официальную фразеологию или как свидетельство подлинной любви? Тот факт, что надписи и изображения носят ритуальный характер, подчиняются определенным канонам, вовсе не означает, что они не отражают повседневной действительности. Без сомнения, вопрос о браке Нефертити и принца Аменхотепа решался на самом высоком государственном уровне. Однако, по-видимому, брак этот был столь же необычным, как брак Аменхотепа III и Тийи: ведь в соответствии с традицией будущий фараон должен был заключить союз с принцессой Сит-Амон, имевшей права на престол.[52] Шла ли речь с самого начала о браке по любви? Мы ничего об этом не знаем. Очевидно одно: в какой-то момент между Аменхотепом IV и Нефертити родилось глубокое чувство. Художники эль-Амарны сумели с замечательной убедительностью передать счастье царственных супругов, чье радостное восприятие жизни основывалось на идеологии атонизма. Их любовь была

неотделима от культа божественного Солнца и от знания о природе его сияния.

Кто же такая была эта Нефертити – женщина, которой предстояло стать владычицей египетской империи? Ее имя, буквально означающее «Прекрасная пришла», уже давно наводит ученых на мысль о чужеземном происхождении царицы.

Некоторые из них верили, что добрались до истины, сделав выводы из одного дипломатического события. Аменхотеп III, видя, как растет могущество хеттов, и, предполагая, что владения Египта очень скоро могут оказаться под угрозой, решил укрепить свои отношения с традиционными союзниками. Он направил посла к царю Митанни, Тушратте, и попросил для себя руки его дочери.[53] Такого рода дипломатические браки были весьма распространены на Древнем Востоке – как форма двустороннего соглашения между заинтересованными странами. А в той ситуации Египет был очень заинтересован в поддержании добрых отношений с Митанни.

Тушратта ответил на просьбу фараона согласием и направил в Египет принцессу Тадухепу – которая и прибыла, без каких бы то ни было злоключений, ко двору владыки Обеих Земель.

Однако о ее дальнейшей судьбе источники умалчивают. Следы иноземной принцессы в Египте «затерялись». Некоторые египтологи думают, что она изменила имя и стала Нефертити. Вместо того чтобы вступить в брак с Аменхотепом III, она соединила свою судьбу с его сыном, Аменхотепом IV. Само имя Нефертити кажется им доказательством этой гипотезы, ибо якобы содержит в себе аллюзию на прибытие в Египет принцессы-иноземки.

Более того, религиозный фанатизм Нефертити, которая с истинным рвением поддерживала культ Атона, по их мнению, было бы легче объяснить, признав иноземное происхождение царицы Египта. Действительно, если считать Атона азиатским божеством, получится, что Нефертити распространяла в Египте культ своего родного бога.

Однако все это логическое построение, на наш взгляд, является непрочным «карточным домиком», ибо тождество Нефертити и азиатки Тадухепы весьма маловероятно.

Вернемся для начала к имени Нефертити. Конечно, имя «Прекрасная пришла», на первый взгляд, все объясняет; однако эта видимость объяснения – иллюзия, обусловленная случайным совпадением обстоятельств. Аргумент гораздо менее убедителен, чем кажется, потому что такого типа патроним – типично египетский. Обычно чужеземные принцессы, которые поселялись в Египте (что случалось не так уж редко), сохраняли свои

изначальные имена либо принимали «египтианизированную» форму имени, которая все равно выдавала их чужеземное происхождение. С Нефертити дело обстоит совершенно по-иному; у нее – классическое египетское имя, которое вовсе не «доказывает» тождество царицы с Тадухепой, а скорее свидетельствует об обратном! Итак, более полный анализ имени «Прекрасная пришла» говорит о том, что оно должно принадлежать чистокровной египтянке.

«Фанатизм» Нефертити также не является серьезным аргументом. Этот аргумент основывался на ошибочной гипотезе об азиатском происхождении Атона; сегодня мы знаем, что Атон принадлежит к египетской религиозной традиции и его культ не был «импортирован» в страну из-за рубежа. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают никаких оснований предполагать, что Нефертити была юной митаннийской принцессой, прибывшей ко двору Аменхотепа III. Что стало с той принцессой, мы не знаем. Быть может, она умерла; быть может, действительно приняла египетское имя, которое до сих пор не удалось идентифицировать. Как бы то ни было, нас сейчас интересует семья Нефертити-египтянки.

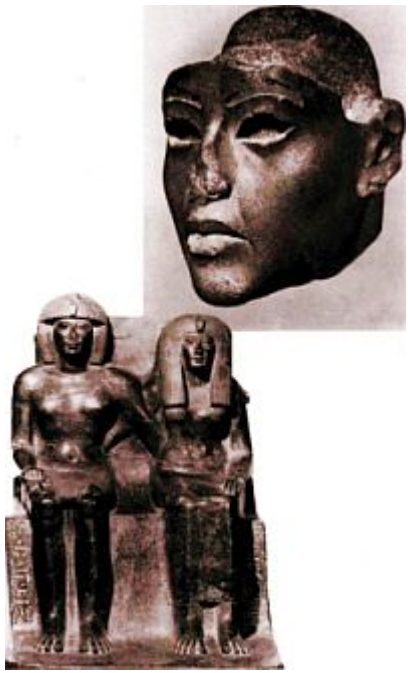
Рельеф с портретами Эхнатона и Нефертити из эль-Амарны, последние годы правления. Набросок. Известняк. Собрание Бруклинского музея в Нью-Йорке.

Фрагмент расписного потолка из дворца Аменхотепа III в Малькате. Спирали и розетки в орнаменте могут свидетельствовать об эгейском влиянии. Материалы раскопок Музея Метрополитен в Нью-Йорке.

Вид на Карнакский храм и священное озеро.

Колоссы, изображающие Аменхотепа III, Тийу и трех принцесс. Известняк, высота 7 м. Происходят из Мединет Абу (Фивы), ныне хранятся в Каирском музее.

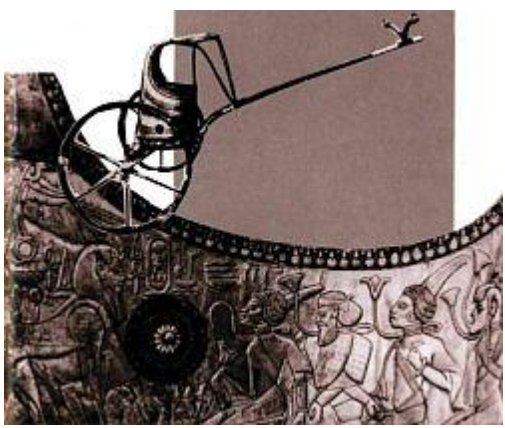
Кольца-печати, надписанные именами Аменхотепа III и супруги царя Тийи. Стеатит, покрытый глазурью, и серебро. Собрание Лувра.



Вверху*: Голова статуи царицы Тийи из храма в Серабит эль-Хадим (на Синае). Серо-зеленый кристаллический сланец. Собрание Каирского музея.*

Внизу*: Тутмос IV, дед Эхнатона, со своей матерью Тийей. Скульптурная группа из диорита, высота 1,10 м. Происходит из храма Амона в Карнаке, ныне хранится в Каирском музее.*

Голова мумии Йуйи, отца царицы Тийи и деда Эхнатона. Мумии Йуйи и его супруги Туйи были обнаружены в 1905 году в их гробнице в Долине царей, в Фивах. До открытия гробницы Тутанхамона семнадцать лет спустя это была самая богатая (в смысле роскоши содержащихся в ней заупокойных даров) гробница, найденная в Египте. Ныне мумия Йуйи хранится в Каирском музее.



Колесница Тутанхамона. Такие колесницы были сзади открыты, а запрягали в них двух коней. Они изготавливались из ценных пород азиатского дерева и иногда, как эта, богато украшались. Внизу – внутренняя часть той же колесницы (без футляров для оружия), отделанная тисненой золотой фольгой и инкрустациями из цветного стекла и фаянса. Изображен царь в образе сфинкса, покоряющий иноземцев (нубийцев, азиатов, ливийцев). Собрание Каирского музея.

Вверху*: Аменхотеп III. Фрагмент рельефа из гробницы Хаемхета. Известняк. Высота 31, 5 см. Собрание Египетского музея в Берлине.*

Внизу*: Азиатские принцессы, участвовавшие в хеб-седе Аменхотепа III в 30-й год его правления. Принцессы окропляют помост для царского трона священной водой из золотых сосудов. Фрагмент рельефа из гробницы Херуэфа в Фивах.*

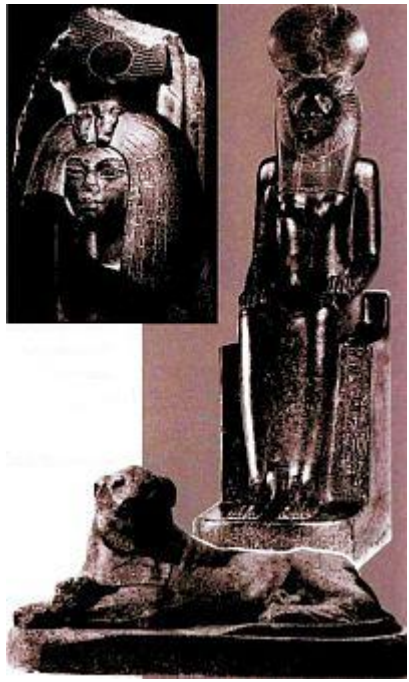
Вверху*: Вид на первый двор Луксорского храма с колоссами Аменхотепа III и Рамсеса II.*

Посередине*: Фрагмент керамического сосуда с надписью, датированной 38 г., Аменхотепа III. Происходит из дворца в Малькате. Музей Метрополитен в Нью-Йорке. В сосуде содержался «сок от (обжаривания) грудной части говядины… дар Его Величеству от царского писца Ахмосе, приготовленный очистителем Иу-Амоном».*

Внизу*: Царица Тийа. Фрагмент рельефа из гробницы Усерхата. Известняк. Высота 41,9 см. Собрание Королевских музеев искусства и истории в Брюсселе.*

Вверху*: Статуя Аменхотепа III в образе павиана – лунного божества Хапи, охраняющего тело и внутренности умершего. Коричневый кварцит, высота 69 см. Из коллекции Джозефа Сэмса (Великобритания). На цоколе статуи надпись: «Бог младший, Небмаатра, сын Ра Аменхотеп, которому дана жизнь навечно, любимый Тем, кто разбивает головы».*

Внизу*: Амон-Ра в образе барана защищает Аменхотепа III, выступающего здесь в образе лунного бога «Небмаатра, владыки Нубии, бога великого, властелина неба». Статуя из храма в Солебе, посвященного двум этим богам. Серый гранит. Высота 1,30 м, длина 2,09 м. Собрание Египетского музея в Берлине.*

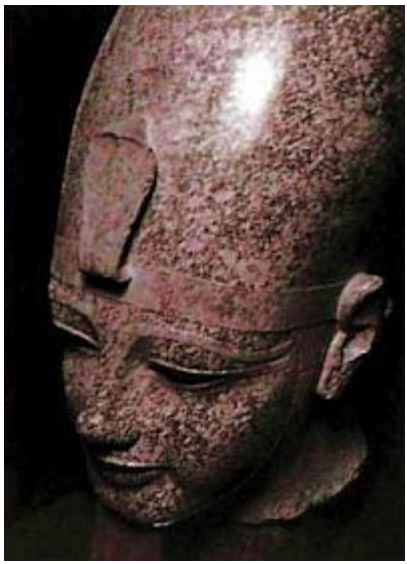


Вверху слева*: Голова царицы Тийи. Диорит. Высота 46 см. Хранится в английской частной коллекции. Тийа первой из цариц стала носить корону, украшенную солнечным диском и двумя страусовыми перьями, указывающую на ее связь с богиней Хатхор, дочерью солнечного бога Ра. В эпоху Амарны царица будет часто показываться на людях в таком головном уборе.*

Справа*: Колоссальная статуя богини-львицы Сахме из храма Мут в Карнаке. Диорит. Высота 2,30 м. Ныне находится в Лувре. Аменхотеп III повелел изготовить сотни подобных статуй Сахме и установить их по всему Египту, но в основном в Фивах. До настоящего времени сохранилось более двухсот таких статуй, но еще в XIX веке в одном Карнаке их насчитывалось семьсот. Все они разные и надписаны разными эпитетами, прославляющими богиню (ее имя переводится как «Могущественная») в качестве победительницы того или иного зла. В надписи на каждой статуе говорится, что фараон пребывает под покровительством богини. Аменхотеп IV уничтожил в этих надписях только имена Амона, сами же статуи продолжал использовать как магическую защиту Египта.*

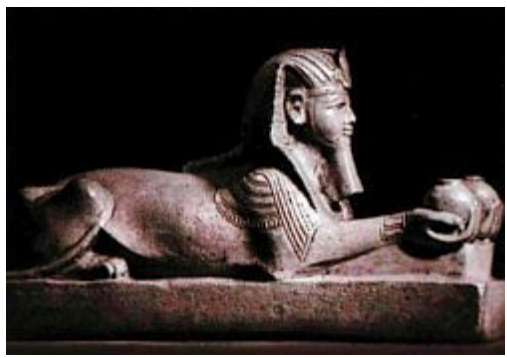
Внизу*: Аменхотеп III в образе льва – лунного бога Хонсу, почитавшегося в Солебе. Одна из двух парных статуй из розового гранита, охранявших вход в солебский храм. Высота 1,17 м, длина 2, 05 м. Ныне хранится в коллекции герцога Нортумберлендского (Великобритания). Храм в Солебе был посвящен божественной ипостаси самого Аменхотепа III – «Небмаатра, владыке Нубии».*

Потому надписи на другой, парной статуе льва гласят: «Царь Верхнего и Нижнего Египта Небмаатра, которому дана жизнь как Ра; лев могучий, возлюбленный Амоном»; «Образ живой, пребывающий на земле, Небмаатра, владыка Нубии, который живет в крепости «Восходящий в правде» (египетское название Солеба)». На той же статуе, что воспроизведена здесь, надписи после смерти Аменхотепа были сколоты и заменены на новые, сообщающие о переносе статуи на какое-то иное место (при Эйе) и о ее реставрации (при Тутанхамоне).



Аменхотеп III в образе Осириса-Ориона. Голова колосса из заупокойного храма царя в Ком эль-Хеттан. Ныне хранится в музее Луксора. Розовый гранит, высота 2,15 м.

Стела с изображением Аменхотепа III и царицы Тийи, обнаруженная в доме Панехси в центральной части Ахетатона. Раскрашенный известняк. Высота 28,9 см, длина 28,3 см. Собрание Британского музея. Царь и царица сидят в беседке, перед столами, богато уставленными всяческой снедью. Над ними – диск Атона с лучами-руками. Быть может, сам фараон олицетворяет здесь изобилие, созидательную силу Солнца. Ничто не указывает на то, что изображение было выполнено после смерти Аменхотепа III. Датируется оно концом правления Эхнатона. Об этой стеле говорится в главе V.



Аменхотеп III в образе сфинкса (который при XVIII династии почитался как солнечный бог Хармахис). Статуэтка из голубого фаянса. Высота 13,7 см, длина 25 см. Собрание Музея Метрополитен, Нью-Йорк. Статуэтка, очевидно, предназначалась для пожертвования в какой-то храм. Сфинкс держит в руках два сосуда для возлияния воды.

Табличка из высушенной на солнце глины с клинописным текстом – частью письма Тушратты, царя Митанни, Аменхотепу III. В нижней части таблички египетскими иероглифами сделана

приписка о том, что письмо было получено в Фивах в 36-й год правления. Ныне хранится в собрании Британского музея, в Лондоне.

Внутренний вид гробницы визиря Рамосе в Фивах.

Визирь Рамосе с супругой. Фрагмент сцены пиршества из гробницы Рамосе в Фивах.

Аменхотеп, сын Хапу. Статуя из диорита, высота 1,17 м. Происходит из храма Амона в Карнаке, ныне хранится в Каирском музее.

Сцены из гробницы Менны (начало правления Аменхотепа III). Слева: Менна с женой охотится с бумерангом на болотных птиц. Справа: ловит с помощью гарпуна рыб.

Три музыканти. Фрагмент росписи из фиванской гробницы Нахта.

Писец Небмертуф и бог мудрости Тот. Статуэтка из сланца, высота 19,5 см. Происходит, скорее всего, из храма Тота в Гермополе, ныне хранится в Лувре. Небмертуф, который был начальником жрецов-чтецов, оставил надписи в Солебе и Фивах. Он участвовал в празднествах в связи с первым хеб-седом Аменхотепа III. Он изображен внимающим словам Тота и записывающим их. На свитке папируса, разложенном на его коленях, можно прочесть следующее: «Исполняет законы, устанавливает инструкции – чтобы каждое учреждение дома владыки Обеих Земель знало свои обязанности – царский писец, любимый воистину, действительный писец дома Амона (в отличие от людей, для которых звание «писец» носит просто почетный характер. – Т.Б.), начальник жрецов-чтецов Небмертуф».

Статуя Анена, брата царицы Тийи, второго жреца Амона и «(самого) великого из видящих» (то есть верховного жреца Ра) в Южном Гелиополе (западной части Фив). Диорит, высота 1,42 м. Египетский музей в Турине. Жреческое облачение Анена – шкура пантеры – украшено звездами, что символизирует высокую степень владения астрономическими знаниями. На длинном металлическом (?) украшении, которое свисает с пояса, выгравированы имена Аменхотепа III.

Чиновники, получающие награду от царя. Фрагмент рельефа из гробницы Хаемхета (время Аменхотепа III). Известняк. Высота 23 см. Собрание Королевских музеев искусства и истории в Брюсселе. На головах чиновников – благовонные конусы.

На этот счет имеется несколько гипотез. Согласно первой из них, Нефертити была дочерью Аменхотепа III и царицы Тийи или

одной из других жен фараона. Тогда нам следовало бы признать Аменхотепа IV и Нефертити братом и сестрой.

Есть, однако, одно препятствие, мешающее принять эту гипотезу: Нефертити никогда не носила титула «дочь царя», который в таком случае по праву бы ей принадлежал.

Согласно другой, более правдоподобной гипотезе, отцом Нефертити был один из влиятельных придворных. Можем ли мы идентифицировать этого вельможу, родителя девочки по имени «Прекрасная пришла»? Самым вероятным претендентом на эту роль представляется «божественный отец» Эйе, фигура первого плана при дворе. Этот человек, близкий к Аменхотепу III, входил также в ближнее окружение Эхнатона и играл заметную роль накануне, во время и после амарнского переворота. Эйе, являвший собой прекрасный пример безмятежности, неподвластной ураганам, был генералом колесничных войск и писцом царя. Его странный титул «божественный отец» (или: «отец бога»), возможно, имел не только символический смысл, но также характеризовал Эйе как тестя фараона.

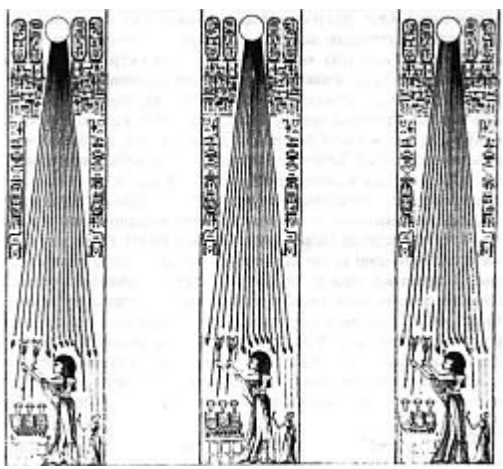


Рисунок-реконструкция колоннады храма Хут-бенбен в Карнаке, где в качестве главной жрицы выступала изображенная на столбах (в сопровождении старшей дочери Меритатон) Нефертити. Высота столбов 9,5 м.

Вверху*: Верхняя часть колосса Аменхотепа IV. Песчаник. Высота ок. 4 м. Происходит из Карнака, ныне хранится в Каирском музее.*

Внизу*: Два колосса Эхнатона из храма Гемпаатон («Атон найден») в Восточном Карнаке, отличающиеся ярко выраженными андрогинными чертами. Раскрашенный песчаник. Собрание Каирского музея.*

Правда, такой интерпретации противоречит одна деталь: супруга Эйе, которую звали Туйу, ни в одном тексте не называется матерью Нефертити; напротив, все как будто указывает на то, что Туйу была кормилицей царицы.

Решить эту новую проблему можно только одним способом: предположив, что мать Нефертити, первая супруга Эйе, умерла вскоре после рождения ребенка. Туйу могла заниматься воспитанием девочки, но, согласно египетским текстам, не была ее родной матерью.

Однако, хотя эта гипотеза кажется очень соблазнительной, в особенности потому, что Эйе был человеком сильного характера и одним из ключевых персонажей той эпохи, следует признать, что решающих доказательств у нас пока нет.

Отметим также, что имя «Нефертити» имеет вполне определенный теологический смысл. «Прекрасная» – не кто иной,

как богиня Хатхор; она «пришла» из далеких стран, куда ранее бежала из Египта. Для того чтобы любовь и гармония вновь воцарились в стране, фараон должен совершить определенные ритуалы и с их помощью вернуть эту далекую богиню. Как справедливо указал Клод Траунекер, «Прекрасная пришла» – это «теологическое имя, которое было дано царской супруге в момент празднования в Фивах ритуала *хеб-седа»,* то есть во время главного акта процесса магического обновления естества царя.

Случай, от которого и зависит сохранность памятников, сберег для нас портреты Нефертити. Французский египтолог Пьер Монте так описывает находку одного из знаменитых бюстов царицы: «Когда раскопки в эль-Амарне были временно прекращены в начале лета 1914 года, представитель Службы древностей приехал осмотреть находки и их опись, и разделил все вещи на две равные части. Среди вещей, оставленных немцам, оказался малоинтересный каменный блок, покрытый гипсом, который, уже в Берлине, чудом преобразился в голову царицы в высоком венце,[54] прекрасной сохранности, – самое обворожительное (слова «самое прекрасное» кажутся мне неадекватными) произведение, которое когда-либо подарила нам земля Египта. Это была Нефертити, супруга Эхнатона…».

Нет человека, который не знал бы этого восхитительного портрета, одинаково хорошо передающего тонкость черт и внутреннее спокойствие. Его создатель поистине обеспечил великой царице Египта вечную жизнь. Однако то, что мы воспринимаем как шедевр, на самом деле было только пробной, неоконченной работой скульптора. Поэтому мы видим на портрете только один инкрустированный глаз. Такого типа наброски скульптор делал до того, как принимался за окончательный вариант своего произведения.

Голова из Каирского музея, не менее прекрасная, была обнаружена англичанином Пендлбери во время раскопочного сезона 1932–1933 годов в эль-Амарне. На портрете нет никакой надписи, которая позволила бы формально идентифицировать изображенную женщину с царицей. Однако сравнение с другими работами делает такую идентификацию весьма правдоподобной. Эта голова, с великолепным профилем и не инкрустированными глазами, предназначалась для статуи. Выражение лица женщины – задумчивое. Помимо красоты, которую не описать словами, портрет передает интенсивный духовный опыт. Скульптор правдиво изобразил черты преданной почитательницы Атона, которая постоянно пребывает в небесном свете.

Длинная шея, прямой и тонкий нос, нежные губы, сужающийся подбородок: Нефертити, «Прекрасная», и в самом

деле была очень красивой женщиной. На этих портретах нет ни одной из характерных амарнских «деформаций», которые присутствуют на некоторых других изображениях царицы.

На одном из рельефов в амарнской гробнице «божественного отца» Эйе, декорированной в строго официальном стиле, мы видим царя, царицу и трех их дочерей во время церемонии раздачи золотых ожерелий. У фараона преувеличенно большой подбородок, но Нефертити изображена в полном соответствии с «классической» традицией. Ее лицо отличается абсолютной правильностью черт. Следовательно, в период правления Эхнатона сосуществовали разные эстетические каноны, и было бы ошибкой доверять только самым «сенсационным», необычным изображениям.

На рельефах Карнака Нефертити часто изображается в том, что принято называть «нубийским париком»;[55] он состоит примерно из пяти рядов косичек или локонов. Ее лоб украшает двойной урей,[56] знак власти над Обеими Землями. *Чистая руками,* – читаем мы на архитраве храма «Атон найден», обнаруженном в заполнении девятого пилона Карнака, – *великая супруга царя, возлюбленная им, владычица Обеих Земель, Нефертити, да живет она! Любимая великим и живым Солнечным Диском, который пребывает в празднике, она гостит в храме Солнечного Диска в Южном Гелиополе.* В этом священном здании, которое Атон избрал своей резиденцией, существовал, следовательно, и культ Нефертити.

Более того. Изучение талататов позволило реконструировать «колоннаду Нефертити» и монументальные ворота, на которых мы видим царицу в акте почитания божественного Солнца. Солнце изображено в форме диска, с лучами, оканчивающимися кистями рук. Одна из них подносит знак жизни к носу царицы, которая стоит с двумя сестрами[57] перед жертвенником с дарами.

Это важное действие, поднесение даров божественному Солнцу, совершает Нефертити, причем одна. Ее супруг, царь Аменхотеп IV, на изображении отсутствует. Указан титул царицы – *Нефер-неферу-Атон,* «Совершенно совершенство Атона», – позволяющий предполагать, что она символически воплощает в своей личности предельную реальность бога.

Если говорить обо всех известных талататах, то изображения Нефертити встречаются на них примерно в два раза чаще, чем изображения Аменхотепа IV. Один блок, происходящий из Гермополя (ныне он хранится в собрании Музея изящных искусств в Бостоне), добавляет к нашим знаниям о царице совершенно необычную деталь. На этом блоке изображена

«официальная» барка Нефертити – одна из тех больших лодок, что использовались в царских ритуалах. Царица, увенчанная короной, поражает палицей врага, которого она схватила за волосы, прежде чем ударить. Перед нами – классическая в египетском искусстве сцена; однако обычно действующим лицом является царь, царица же никогда не изображается в этой специфически военной позе!

Следовательно, Нефертити в этом ритуальном эпизоде выступает в роли фараона-мужчины. Если смотреть на вещи более глубоко, она представляет царя, который, являясь одновременно мужчиной и женщиной, поражает «врага» и таким образом подчиняет себе хаотические темные силы – чтобы Египет мог пребывать в свете Бога. Кстати, символическая палица, которой замахивается фараон, по-египетски называется «освещающая», то есть она используется не столько для разрушения, сколько для очищения.

Тот же ритуальный акт изображен еще на одном блоке из Карнака: там Нефертити побивает своей палицей «пленных», которые стоят перед ней в коленопреклоненной позе. Интерпретация подобных сцен как изображений «воинственного фараона» явно страдает неполнотой. Речь, скорее, идет о триумфе света над мраком – событии, в ходе которого высвобождаются позитивные энергии.

Харрис предложил рассматривать колоссальные статуи из Карнака, лишенные признаков пола, как изображения Нефертити; при этом он ссылался на тот необычный факт, что на карнакских изображениях мы видим ее наделенной статусом царя.[58] По его мнению, царь и царица символизировали первичную пару богов, от которой произошел весь мир: он воплощал бога Шу, а она – богиню Тефнут.

Вопрос о существовании «колоссов Нефертити» является спорным. Тем не менее, в этой гипотезе нет ничего заведомо невозможного, если признать, что Нефертити считалась царем-богом. Однако, кого бы ни изображали гигантские андрогинные статуи – Аменхотепа IV или Нефертити, – они, как мы уже говорили, раскрывали на языке визуальных символов теологию Атона, которая акцентировала первичный характер этого божества, бывшего одновременно отцом и матерью всех живых существ.

В Карнаке была сооружена аллея, обрамленная рядами сфинксов, одни из которых имели лицо Аменхотепа IV, а другие – Нефертити. Этот факт подтверждает значимость царской четы как таковой: царь и царица дополняли друг друга и только совместно могли осуществлять священную власть, которую передал им

Атон.

Должны ли мы сделать вывод, на основании приведенных точных фактов, что Нефертити не была обычной царицей, а вела себя как настоящий фараон, облеченный традиционными прерогативами правящего царя? На изображениях мы видим, как Нефертити правит колесницей, как непосредственно на нее нисходят лучи божественного Солнца, как она сжимает в руке скипетр «могущество», символ верховной власти, или приносит жертвенные дары. Нефертити появляется одна перед жертвенником Атона, то есть вступает в прямые теологические отношения с богом, не нуждаясь для этого в посредничестве своего супруга. На «колоннах Нефертити» царица, играющая на систре, названа «той, кто находит Атона» – или, иными словами, выступает в роли, совершенно тождественной роли Эхнатона.

Некоторые египтологи, отбросив все сомнения, признают Нефертити настоящей женщиной-фараоном, наподобие Хатшепсут. Однако, хотя эта гипотеза и основывается на неоспоримых фактах, не следует забывать, что Нефертити не правила единолично. Аменхотеп IV всегда находился рядом с ней. Другое дело, что «внутри» пары Нефертити выполняла существенно важные функции, причем достаточно разнообразные. Нефертити была частью естества фараона; более того, она могла представлять своего супруга в ритуальной практике.

Глава VIII
ГОД ЧЕТВЕРТЫЙ: ВЫБОР МЕСТА ДЛЯ НОВОЙ СТОЛИЦЫ

Четвертый год правления оказался богатым событиями. Аменхотеп IV во время одной из своих поездок остановился в пустынной местности, в Среднем Египте, – там, где ныне расположена эль-Амарна. Трудно предположить, что он был неожиданно очарован этим ландшафтом. Прекрасно зная страну (как в результате своих предыдущих путешествий, так и потому, что изучал земельные кадастры), царь, скорее всего, в течение некоторого времени обдумывал свой выбор.

Карнак становился для Атона слишком тесным. Божественное Солнце вынуждено было делить свое жилище с Амоном и другими богами. Однако в прошлом, когда какая-либо божественная сила приобретала статус имперского бога, ей предлагали новую резиденцию, соответствующую ее изменившейся функции. Теперь так следовало поступить и с Атоном. Соорудив для него храмы в Карнаке, царь счел необходимым предоставить этому богу место, свободное от всяческих влияний, которое было бы посвящено только ему.

Выбор места был далеко не случаен. Будущий священный город Атона предполагалось построить на полпути между Фивами и Мемфисом. Таким образом, он стал бы «полюсом равновесия» между южной столицей, воплощающей великолепие Нового царства, и северной столицей, символом славы Древнего царства. Новой столице Египта предстояло открыть третью эпоху в истории страны, стать «откровением», превосходящим и углубляющим все предыдущие.

На восточном берегу Нила, напротив города Атона, располагался Гермополь – древний священный город бога Тота, владыки иероглифов («слов бога»). Покровитель писцов, хранитель знаний, Тот считался богом-Луной, визирем и писцом Солнца.

Расположенные напротив друг друга на обоих берегах реки, город Солнца и город Луны зримо представляли единство космоса, наполненного светом двух великих светил. В представлении египтян Луна была не что иное, как «ночное Солнце».

В Солнце и Луне видели также два глаза бога-творца, чей взгляд каждое утро заново созидает мир. Итак, выбор фараона основывался на метафизических соображениях и символическом

мышлении.

На четвертом году своего правления Аменхотеп IV совершил первый официальный визит в то место, где собирался возвести будущую столицу. Он объявил, что в близлежащих скалах будут высечены гробницы для членов царской семьи, а также для священного быка Гелиополя и жрецов бога Атона. Этим заявлением он подчеркнул непосредственную связь между своей реформой и древнейшими египетскими культами. Отныне почитание Солнечного бога станет главным религиозным долгом его подданных.

Основание новой столицы не было «революционным» актом Аменхотепа IV (то есть внезапным, совершенно неожиданным событием). Он готовился, прежде чем сделать окончательный выбор, потом публично объявил о своем решении, потом, вероятно, не раз посещал устроившее его место и, наконец, занялся организацией крупномасштабных строительных работ. Мы не должны воображать себе фараона-мистика, одинокого перед лицом враждебных чиновников и недоверчивого народа: с одной стороны, сооружение священного города в такой ситуации оказалось бы невозможным, с другой – сама эта ситуация представляется неправдоподобной для Древнего Египта.

Аменхотеп IV был царем. В его распоряжении находился гигантский государственный аппарат. В том обстоятельстве, что царь собирается строить новую столицу, не заключалось ничего необычного. В прошлом подобное уже происходило, причем несколько раз.

Строительство города Атона стало великим событием царствования. В связи с этим потребовалось внести изменения в экономическую политику. Возможно, Аменхотеп IV приостановил работы по реставрации зданий Карнака, которые велись постоянно. Архитекторы, скульпторы, граверы, рисовальщики теперь должны были сосредоточить все свои усилия на возведении нового города. То же касалось и отрядов специализированных рабочих.

Большая часть поступлений, прежде предназначавшихся для Фив, была теперь передана новой столице. Двор, административные учреждения, высокие чиновники, другие жизненно важные органы государственной власти должны были привыкнуть к мысли о перемене царской резиденции.

Документы информируют нас о том, что царь во время своего первого пребывания в эль-Амарне жил в большом шатре. Он, несомненно, лично наблюдал за началом больших строительных работ и деятельностью зодчих.

На всем протяжении пятого года правления развертывалась

оживленная строительная деятельность. Ахетатон, «Страна Света Атона», уже начинал существовать как реальность. Камень за камнем воздвигались храмы, дворцы и дома. Царь непрерывно курсировал между Фивами и Ахетатоном. Нил – очень удобный путь сообщения, и по нему можно перемещаться быстро. В Фивах, очевидно, то и дело созывались различные советы. За несколько месяцев царь успел проинформировать основные государственные учреждения о своих решениях. Изменения экономической политики в условиях жесткого египетского администрирования требовали значительных усилий.

Несомненно, это и было одной из причин, по которым Аменхотеп IV на пятом году правления стал прилагать к своему имени эпитет «Живущий Правдой (Маат)». Царь часто подчеркивал свою связь с этим божеством. В те моменты, когда фараон трапезничает, думает, поучает придворных, он «живет Правдой». В знаменитой великолепной гробнице Рамосе, фиванского визиря, который переехал в эль-Амарну вместе с царем, Аменхотеп IV изображен сидящим под балдахином. За его спиной стоит богиня Маат, которая дарует царю силу и миллионы лет жизни.

Маат – владычица всех богов. Она обеспечивает им защиту. Она – дочь Ра, божественного Света, чья бессмертная сущность распространяется с ее помощью по всему космосу. Она является также неизменным законом вселенной, идеалом мудрецов, Правдой и Справедливостью, которые не могут быть осквернены ни одним прегрешением.

Аменхотеп IV, как и любой фараон, обязан в своих действиях уважать Маат и способствовать ее процветанию. В противном случае цивилизация окажется под угрозой. Если Маат вдруг перестанет править Египтом, страна придет в упадок и будет несчастна. Ведь Маат – это вечный космический порядок.

Эпитет «Живущий Правдой» всегда прилагался только к богам. Значит ли это, что Эхнатон, заимствовав его, тем самым выразил чрезмерные претензии на божественный статус? Скорее всего, нет: ведь, провозгласив себя царем-богом, он лишь продолжил традицию Древнего царства (чтобы более отчетливо, чем его ближайшие предшественники, акцентировать вневременной аспект личности фараона).

Быть может, Аменхотеп IV потому так настаивал на своих особых взаимоотношениях с Маат, что собирался провести широкомасштабную реформу. Он хотел как можно яснее показать, что задуманная им реформа вполне соответствует космическому миропорядку, то есть вечному закону, что она не является порождением хаоса.

В представлении египтян этот момент был принципиально важным. Если бы они сочли, что действия фараона не согласуются с Маат, а значит, ведут к беспорядку, хаосу, то были бы уверены, что их правителя ждет неминуемый крах. Необычный эпитет Аменхотепа IV должен был убедить их в том, что как строительство города Солнца, так и сам царь находятся под покровительством богини Маат.

Итак, все было готово к новому событию. Царь намеревался совершить решающий акт, после которого возвращение назад с избранного им пути стало бы уже невозможным.

Девятнадцатого дня третьего месяца сезона *перет*[59] имя «Аменхотеп (IV)» было запечатлено на царском памятнике в последний раз.

Глава IX
ГОД ШЕСТОЙ: ПРИНЯТИЕ ИМЕНИ «ЭХНАТОН» И ОСНОВАНИЕ ГОРОДА СОЛНЦА

До шестого года своего правления наследник Аменхотепа III именовался Аменхотепом (IV), что означает «Амон доволен», или, точнее, «Сокровенное начало пребывает в состоянии полноты». Фараоны, которые принимали это имя, тем самым воздавали почести богу империи, владыке Карнака.

На шестой год Аменхотеп IV принял решение, которое можно назвать революционным: он изменил свое имя. Он отказался от имени Аменхотеп, чтобы стать Эхнатоном.

Это означало, что магическим образом родилось новое существо, хотя правление не было прервано. Эхнатон – тот же фараон, что и Аменхотеп IV, ведь годы правления продолжали прибавлять к уже завершившимся, а не вели отсчет заново, начиная с «первого года». Эхнатон не вычеркнул память об Аменхотепе IV, но велел заменить те свои изображения, на которых присутствовало старое имя. Он хотел принять имя, которое соответствовало бы его религиозной реформе. Вместе с принятием нового царского имени началась новая эпоха священного царствования.

В представлении древнего египтянина имя является бессмертной частью человеческого существа. Оно продолжает жить и после физического исчезновения своего обладателя. Оно содержит в себе духовную энергию, которую необходимо сохранить, чтобы воскресший, странствуя по «прекрасным дорогам иного мира», не утратил своей идентичности.

Одним из самых тяжких наказаний, к которому мог приговорить виновного суд, было изменение личного имени или, еще хуже, «упразднение» этого имени (равносильное уничтожению надежды на загробную жизнь).

Став Эхнатоном, царь тем самым заявил о своей приверженности к богу Атону и дал понять, что именно этот бог будет владыкой его царства. Но фараон, тем не менее, не отказался от традиционной титулатуры правителей Египта, включавшей пять символических имен. Эту полную титулатуру Эхнатона мы знаем по текстам на пограничных стелах:

Хор живой: бык, возлюбленный Атоном.
Обе владычицы:[60] *великий царствованием в*

Ахетатоне.

Хор золота: возвышающий имя Атона.

Царь Верхнего и Нижнего Египта: живущий Маат [Правдой], владыка Обеих Земель, Неферхепрура, единственный для Ра.

Сын Ра: живущий Маат [Правдой], владыка венцов, Эхнатон, наделенный великим сроком жизни, которому дана жизнь навечно.

Следует отметить, что наряду с Атоном здесь упоминаются два божества: сокологоловый бог Хор, символическое воплощение царственности со времен первой династии, и Ра; причем Эхнатон называет себя «единственным для Ра» – то есть единственным существом, способным, в силу своего царского достоинства, распространять божественный свет.

Первое новое имя, которое было дано Атону и явилось провозглашением религиозной реформы, соединяло в одно целое бога-сокола Хорахти и Ра: *Да живет Ра-Хорахти, ликующий в Стране Света в имени своем Свет (Шу), который есть Атон.* Более позднее имя Атона «достроило» символическую личность Солнца-царя: *Да живет Ра, властитель Страны Света, ликующий в Стране Света в имени своем Ра-отец, который явился в (образе) Атона.* Свое собственное тронное имя фараон расширил за счет эпитетов *Неферхепрура (Совершенный манифестацией [как] Ра),*[61] *единственный [сын] Ра.*

Эту совокупность имен можно сравнить с маленьким трактатом по солярной теологии.

Так что же означало новое имя *Эхнатон?* Его часто переводили как «Угождающий Атону», «Угодный Атону», «Полезный для Атона» – однако все эти интерпретации кажутся несколько поверхностными. Английский египтолог Сирил Олдред, похоже, добрался до истины, когда предложил перевод «Действенный дух Атона» (то есть наделенный сознанием канал, в котором циркулирует свет Атона).

Имя Эхнатон начинается со слова *ах,*[62] занимающего особое место в египетском языке и религиозной мысли. Это слово заключает в себе идею завершающей стадии индивидуального бытия – светоносного существования. Инициируемый, который преодолел страшные испытания в мире умерших, становится светоносным существом, чье сияние благотворно для всех, следующих по тому же пути. Царь Эхнатон, как свидетельствует само его имя, был тем, кто распространяет сияние бога Атона.

Помимо этого, слово *ах* выражает также понятие «польза». Религиозная философия Древнего Египта не разделяла понятия

«духовный свет» и «действенность, польза». Ведь никак не проявляющая себя духовность есть не более чем иллюзия. Духовность же активная всегда бывает «полезной» и «действенной», ибо она дарует жизнь и подпитывает живые существа чем-то существенно необходимым для них.

Изменение имени было естественным продолжением прежних действий царя, а не их отрицанием. До сих пор этот факт не привлекал должного внимания. На поясе статуи из Каирского музея (Nr. 6015), например, выгравировано имя Аменхотеп (IV), которое не было заменено на имя Эхнатон. Статуя находилась в храме Атона в Карнаке – там, где фараон по-прежнему считался представителем Амона на земле.

В действительности этому изменению имени соответствовало еще одно действие: религиозное основание города света, Ахетатона.

Изменение естества фараона, новая столица для Египта… Эти две формы реальности были эквивалентны. Они представляли собой сакральные конструкты, которые имели одну и ту же природу. Рождение города Солнца подразумевало изменение естества царя. Если бы такового изменения не произошло, город Атона не мог бы существовать.

Египетские тексты сообщают нам точную дату теологического основания Ахетатона, города Атона: тринадцатый день четвертого месяца зимы, шестой год правления.

Атон еще не имел собственной «резиденции», то есть особого места на земле Египта, где он в полной мере манифестировал бы свою царственность. Царь даровал ему такое место. Территория нынешней эль-Амарны стала «резиденцией Атона», подобно тому, как Мемфис был «резиденцией Птаха», а Фивы – «резиденцией Амона». Город родился в ответ на потребности самого бога и был *«местом, с самого начала созданным для Атона».* Именно здесь, на протяжении целой вечности, готовился земной трон Атона.

«Атон, – как говорится в египетском тексте, – *знал каждого бога и каждую богиню».* Он, следовательно, знал и их священные места. Вот почему царь, его представитель, должен был найти такую территорию, которая не принадлежала бы ни одному богу и ни одной богине, пространство, предназначенное только для Атона, где бог мог бы явить себя во всей славе. Город Атона возник на земле, в прошлом не подвергавшейся никаким влияниям; он был, так сказать, Первотворением.

Церемония основания города наверняка произвела на присутствовавших незабываемое впечатление. Она тщательно готовилась специалистами по проведению ритуалов. Главные моменты этой церемонии известны нам по текстам пограничных

стел.

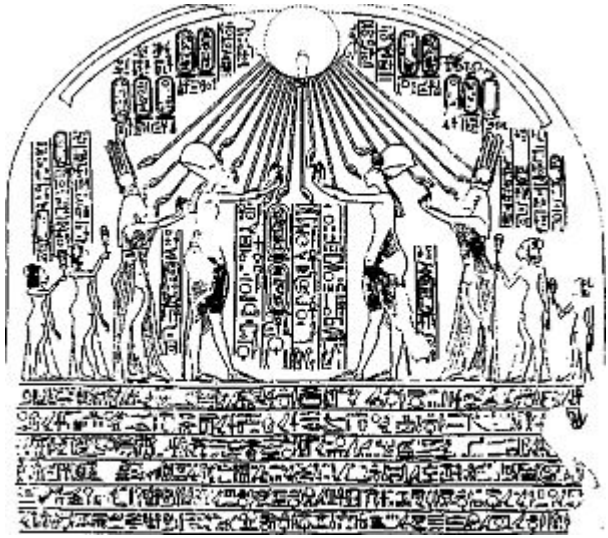
Царь появился на большой колеснице из электрума,[63] *подобный Атону, когда он сияет в своей Стране Света и наполняет землю своей любовью.* По хорошей дороге, следы которой были обнаружены современными археологами, фараон направился в центр строившейся столицы. И там совершил жертвоприношение Атону: *Земля была в ликовании и все сердца радовались, когда царь принес великое приношение своему отцу – приношение пива, хлеба, мяса длиннорогих и короткорогих быков, птицы, вина, фруктов, благовоний, воды, овощей.*

Затем Эхнатон обратился с речью к придворным, собравшимся по случаю этой церемонии, и к государственным чиновникам. Присутствовали «вельможи дворца», высший офицерский состав войска и писцы высокого ранга. Все они простерлись ниц и «целовали землю» перед царем.

Эхнатон заявил, что сооружает памятник для своего отца Атона, ибо услышал его голос. Именно Атон открыл ему, что это место навсегда останется «Страной Света Солнечного Диска». Царь изложил свой план строительных работ: он воздвигнет храмы для Атона, то есть предложит богу сакральные жилища, а также соорудит святилище для царицы Нефертити, «место ликования», царские апартаменты, дворец; будут высечены в скалах и «вечные пристанища» для тех, кто перейдет здесь от земного существования к бессмертию.

Смотрите, – говорит Эхнатон, – *сам Атон возжелал, чтобы для него построили этот город и тем прославили его имя. Этим городом управляет Атон, мой отец, а не какой-либо чиновник или другой человек.*

Мы не знаем точно, сколько времени длился этот ритуал; скорее всего, он растянулся на несколько дней. Эхнатону нужно было выполнить еще одну важную задачу: установить стелы, которые отмечали бы границы территории Атона.[64]



Верхняя часть пограничной стелы «S» в Ахетатоне. Врезанный рельеф изображает царственную чету и двух старших принцесс в акте поклонения Солнцу. Стела была высечена в скале на берегу Нила, по бокам от нее были установлены статуи царя, царицы и их дочерей. На стеле имеется приписка, датированная восьмым годом.

Сначала он направился к югу и остановил свою позолоченную колесницу в заранее выбранном месте, обратившись лицом к отцу своему Атону, чьи лучи давали царю жизнь и здоровье, ежедневно обновляли его естество.

Всего было установлено четырнадцать стел. Священная территория Атона располагалась и на западном (большая часть), и на восточном берегах Нила. В надписях на трех стелах объяснялось, как царь задумал строительство города и посвятил его своему небесному отцу. Одиннадцать других стел содержали тот же текст, но с небольшими дополнениями: Эхнатон выражал желание, чтобы город навечно остался собственностью Атона и царской резиденцией, посвященной почитанию этого бога.

На стелах перед именем Атона повсюду стоит знак жизни, показывающий, что именно этот бог дарует всю полноту жизни тому, кто почитает его. Полное имя бога таково: «Ра-Хорахти, ликующий в Стране Света в имени своем Шу, который есть Атон». Ра, Хор, Шу: это три формы божественного света, синтезированные в образе Атона.

Нефертити занимает почетное место в изображениях на пограничных стелах. В сопроводительных надписях говорится, что сердце царя радуется ей. Мы видим и двух дочерей Эхнатона и Нефертити, также присутствующих на церемонии.

На церемонии основания города Солнца Эхнатон произнес

клятву. Дословно она звучала так:

Клятва, принесенная царем Верхнего и Нижнего Египта, живущим Правдой, владыкой Обеих Земель Неферхепрура, единственным для Ра, сыном Ра, который живет Правдой, владыкой корон, Эхнатоном, (наделенном) великим сроком жизни, которому дана жизнь навечно.

Как верно то, что жив мой отец, Ра-Хорахти, ликующий в Стране Света в имени своем Шу, который есть Атон, он, кто вечно дарует жизнь, так же сердце мое воистину радуется великой супруге царя и ее детям. Большой срок жизни будет отпущен великой супруге царя, Нефер-неферу-Атон Нефертити (да живет она вечно!), состоящий из миллионов лет, которые она проведет под защитой фараона; большой срок жизни будет отпущен принцессам Меритатон и Макетатон,[65] ее детям, и они проведут его под защитой царицы, своей матери.

Вот, воистину, моя клятва, которую произносит сердце мое, и которую я никогда не преступлю. Южная стела, находящаяся на восточной горе Ахетатона, – это стела Ахетатона, которую я установил на ее месте. Я никогда не перейду этого южного рубежа. Юго-западная стела была установлена лицом к ней, на южной горе Ахетатона, точно напротив.

Срединная стела, находящаяся на восточной горе, – это стела Ахетатона, которую я установил на ее месте, на восточной горе Ахетатона. Я никогда не перейду этого восточного рубежа. Срединная стела, находящаяся на западной горе Ахетатона, была установлена лицом к ней, точно напротив.

Северную стелу Ахетатона тоже установил на ее месте я. Это – северная стела Ахетатона. Я никогда не перейду этого северного рубежа. (Другая) северная стела, которая находится на западной горе Ахетатона, была установлена лицом к ней, напротив.

Итак, между этими четырьмя стелами, от восточной до западной горы, простирается сам Ахетатон. Он принадлежит отцу моему, Ра-Хорахти, ликующему в Стране Света в имени своем Шу, который есть Атон, ему, вечно дарующему жизнь – вместе с горами, пустынями, равнинами, новыми землями, возвышенными участками, полями, водой, реками, людьми, скотом, деревьями и всеми другими вещами, которые, благодаря

отцу моему, будут существовать всегда.

Я никогда не преступлю этой клятвы, которую принес Атону, моему отцу. Ее текст сохранится на каменных стелах, установленных на юго-западной и северо-западной границах Ахетатона. Он не будет разрушен. Он не будет изглажен. Он не будет стесан. Он не будет покрыт (слоем) гипса. Он не исчезнет. А если все-таки исчезнет, или будет уничтожен, или стела, на которой он написан, упадет, то я восстановлю его точно в том месте, где он должен быть.

Царь обещает, что вовеки не нарушит эту необычную клятву. Город Солнца не распространится за пределы, которые были для него предусмотрены. Даже если царица или самые влиятельные советники скажут царю, что где-то существует лучшее место для столицы, Эхнатон не станет их слушать. Он никогда не построит другую столицу. Избранное им место совершенно. Размеры города окончательно определены. Так пожелал Атон.

Почему же Эхнатон обязал себя самого, с такой силой подчеркнув нерушимость своей клятвы, не допускать разрастания Ахетатона за пределы очень точных границ? Гипотеза, согласно которой было заключено некое соглашение со жрецами Амона, ограничивавшее амбиции царя, совершенно неправдоподобна. Фиванское жречество не располагало никакими средствами, чтобы противопоставить свою волю воле царя. Оно не образовывало «оппозиции» и никоим образом не могло помешать проведению царских строительных работ.

В действительности Эхнатон счел необходимым положить пределы собственному опыту – в пространственном и во временном смыслах.

Только в этой перспективе, по нашему мнению, может быть понято правление солнечной четы. Нефертити и Эхнатон хотели видеть в Ахетатоне столицу одного – их собственного – царствования (которое оказалось лишь «эпизодом» в истории египетской цивилизации). Вообще правление каждого фараона было реализацией определенной символической идеи, теологической программы. Нефертити и Эхнатон поставили перед собой особую задачу: сделать так, чтобы божественная сила, известная под именем «Атон», излучалась из земной резиденции, совершенно оригинальной по своей структуре и возведенной с использованием специально приспособленных для этого художественных форм.

Фивы и Мемфис строились в соответствии с совершенно иными критериями. Карнак, например, был храмом, который

непрерывно расширялся, – и никакие «пределы» не ограничивали его территориальную экспансию. Ахетатон же являл собой своего рода «алхимическую печь» – священное горнило, отделенное от окружающего мира ненарушимыми границами, внутри которых единолично властвовал Атон. Пространство, заключенное между стелами, было одновременно земным и небесным, поскольку город простирался от одной до другой горной гряды, от восточного до западного горизонта.

Перемещение царского двора

В тот же шестой год правления двор покинул Фивы, чтобы обосноваться в Амарне. Вельможи высокого ранга переезжали в новую столицу, как только заканчивалось строительство их «служебных офисов» и роскошных вилл. Ни в одном документе не отмечено ни малейшего случая неповиновения, попытки уклониться от выполнения царской воли или мятежа. Переезд, несомненно, занял несколько месяцев: чиновники, ремесленники, торговцы добирались до Ахетатона по реке. Древние египтяне были привычны к путешествиям по Нилу (и чаще всего совершали их в сезон Половодья).

Царь торопился. Город Атона строили очень быстро: он был заселен уже через четыре года после начала работ.

Камень для нужд Ахетатона брали в алебастровых каменоломнях восточной пустыни. Мастера, более озабоченные тем, чтобы уложиться в сроки, нежели качеством своего труда, часто не доводили до конца завершающие, отделочные работы – что, впрочем, было в то время распространенной практикой.

Тем не менее, трудно согласиться с гипотезой, согласно которой рабочие, занятые на строительстве, не обладали достаточной квалификацией. Некоторые египтологи заходили в своих предположениях еще дальше: они видели в строителях Ахетатона бывших преступников, приговоренных к каторжным работам в каменоломнях. Эхнатон якобы навербовал среди них своих самых верных приверженцев, собрав целую «банду» преданных царю воров и убийц.

Действительность была куда более простой. Многочисленные ремесленники из Фив переехали на постоянное жительство в Ахетатон, но там им пришлось столкнуться с могущественным врагом – временем. Эхнатон ограничивал их предельно сжатыми сроками, поэтому нередко великие замыслы не могли осуществиться в полной мере из-за поспешности в проведении работ. Так, обычно египетские архитекторы выбирали для

строительства священных зданий, символов вечности, лучшие породы камня – новую же столицу пришлось возводить из кирпича-сырца. Правда, стены дворцов и храмов инкрустировались цветными каменными вставками из известняка и алебастра.

Для украшения главных архитектурных сооружений использовалось множество маленьких каменных блоков, приспособленных к технике строительства из кирпича; это позволяло работать быстро и применять неквалифицированную рабочую силу.

Скульпторам также приходилось торопиться; поэтому они изобрели новый способ изготовления статуй, при котором различные детали высекались из разных пород камня. Так, видимые части тела (голова, руки, ноги) делались из кварцита,[66] одежда – из известняка или фаянса; завершающие детали[67] представляли собой инкрустации из стекла и фаянса.

Процесс изготовления царских статуй. Прорись рельефа из гробницы визиря Рехмира в Фивах (правление Тутмоса III).

Ахетатон по необходимости стал городом-«скороспелкой». Конечно, строители придерживались первоначальной программы и сделали все от них зависящее, чтобы религиозная и гражданская жизнь города могла соответствовать требованиям фараона; однако не все урбанистические проекты были осуществлены с тем размахом, с каким задумывались. И все же жизненно важные «органы» столицы, которые были предусмотрены с самого начала, очень скоро начали функционировать. А в этом, собственно, и состояла главная цель Эхнатона.

Дошедшие до нас источники свидетельствуют, что город Атона был красивым и уютным, с широкими улицами, зелеными насаждениями, хорошо распланированными кварталами. К тому времени, как туда переехал двор, Ахетатон стал очаровательной столицей, в которой уже билось сердце Египта.

В шестой год правления культ Атона выдвинулся на первое место в Египте, но это не значит, что другие божества прекратили

свое существование: все города Обеих Земель продолжали жить и процветать. Атон не был нетерпимым богом, и его культ не исключал возможности почитания других сакральных сил.

Остается, однако, одна проблема, которую бесконечно обсуждают специалисты: она касается конфликта между Эхнатоном и фиванским жречеством. Был ли такой конфликт в действительности, или же он является всего лишь выдумкой современных интерпретаторов?

Глава X
«ДУРНЫЕ СЛОВА»: ЭХНАТОН ПРОТИВ ФИВАНСКОГО ЖРЕЧЕСТВА?

В одном отрывке текста на пограничных стелах, к сожалению, испорченном и малопонятном, упоминается «нечто дурное», совершенное жрецами в правление Тутмоса IV. Быть может, были произнесены «дурные слова»; быть может, речь идет о каких-то предосудительных действиях, которые были совершены в начале правления самого Аменхотепа IV.

Но кого конкретно обвиняет автор текста, и что в действительности произошло? Уточнить это не представляется возможным. Тутмос IV, как и Эхнатон, был верным приверженцем гелиопольской религии. Можно ли сделать какие-то выводы на основании этих скудных данных?

По мнению Ходжа, было бы ошибкой приписывать Эхнатону преследования фиванского жречества. Он считает, что именно жрецы Амона выступили против царя – на том основании, что царь был ненормальным в физическом отношении и, следовательно, не мог принять на себя тяжелое бремя правителя Египта. Эта гипотеза, однако, совершенно бездоказательна.

Некоторые другие ученые предполагают, что жрецы Амона были убиты или отправлены в ссылку, храм Карнака – сожжен, а сам Эхнатон предпринял «охоту на нечистых», чтобы освободить Египет от зла и греха, воплощением которых в его глазах было фиванское жречество.

Все эти ужасы относятся к сфере чистых фантазий.

Не было никакого насилия, никакого кровавого конфликта между Эхнатоном и верхушкой фиванского жречества. Верховный жрец Амона, Аанен, умер в 34-й год правления Аменхотепа III. Его заменил Самут, продолжавший выполнять соответствующие религиозные функции. Однако титул «глава жрецов Верхнего и Нижнего Египта», который прежде носил верховный жрец Амона, был передан верному стороннику Эхнатона – визирю Рамосе.

Больше об этом мы ничего не знаем. Изобретались разные версии: например, будто некий семит, жрец Астарты и Баала, был поставлен во главе фиванского жречества. Или будто гробницы верховных жрецов Амона стали добычей грабителей, которым потворствовала царская полиция. Короче говоря, находились охотники пополнить скудное «досье» Эхнатона материалами, которые существовали только в их воображении.

Эхнатон, вступивший в открытую борьбу со жрецами Амона?

Это – упрощенный, модернизированный образ, который невозможно увязать с египетскими реалиями. Цивилизация Египта не знала религиозных войн, потому что она не основывалась на догме. Ни один религиозный институт не считался обладателем единственной и окончательной истины, которую следовало бы навязывать всем остальным. Фараон не был хранителем священной книги или сакральных догматов; он никого не обращал в свою веру. Как вместилище божественной силы и первый служитель своего народа он исполнял роль посредника между небом и землей.

Конфликт между церковью и государством в Древнем Египте невозможно себе представить, ибо там не было ни церкви, ни государства; в стране существовала теократия, то есть сакрализованная власть, направленная, прежде всего, на почитание божественной силы – в той конкретной форме, которую она принимала в правление того или иного фараона.

Фараон был царем-жрецом. Собственно говоря, единственным жрецом Египта. Считалось, что он один отправляет все божественные культы в стране. Его образы, присутствующие на стенах храмов, каждый день оживают с первыми лучами солнца. Естество фараона воплощается в его изображениях на камне, и они начинают действовать от имени царя.

Напомним, что фараон назначал лиц, ответственных за поддержание различных культов. Те, кого он назначал (называть их «жрецами» не вполне правильно), составляли большую группу государственных служащих, специалистов по обращению с миром сакрального, а не совокупность верующих, отстаивающих одну догму и нападающих на другую. Именно это имел в виду Эджертон, когда писал, что жрецы Амона были должностными лицами – такими же, как военные или сборщики налогов.

Сам Эхнатон не испытывал никаких враждебных чувств по отношению к богу Амону; специалисты даже подметили, что некоторые великие священные тексты, связанные с культом Амона, служили для него источником вдохновения. Амон стоял у истоков самого славного периода в истории Египта – периода, начавшегося с приходом к власти XII династии, многие фараоны которой носили имя Аменемхет, «Амон (был) вначале».[68]

Под именем Амона-Ра, «Единственного со многими руками», он стал великим богом Египта, почитался как прародитель богов (вышедших из его уст) и людей (вышедших из его глаз). Будучи «добрым пастырем», Амон обеспечивает благоденствие мира, и нижеследующий гимн, который его прославляет, не так уж далек от текстов, посвященных Атону:

Он взращивает траву для скота,
Заставляет деревья приносить плоды людям;
Он создает то, чем питаются рыбы в реке
И птицы в небе;
Он дарует дыхание
Тому, кто пребывает в яйце…

Не только люди признают щедрость Амона: ему возносят хвалы дикие звери и даже обитатели пустыни. Мы не можем не процитировать здесь тот великолепный гимн из Лейденского папируса, в котором раскрывается символическое значение бога Амона:

Таинственный превращениями, сияющий воплощениями, чудесно обнаруживающий себя бог, богатый обликами! Все боги похваляются им, чтобы возвысить себя посредством его красоты, ибо она божественна. Сам Ра соединен с его плотью. Он – Великий, пребывающий в Гелиополе;[69] *его называют также Татененом*[70] *и Амоном, вышедшим из первобытных вод, чтобы руководить человечеством… Он – Всевладыка, начавший Сущее… Единственен Амон, скрывающий себя от них (людей), прячущийся от богов, так что его сути никто не знает. Он дальше, чем Небо; он глубже, чем Подземный мир. Ни один бог не знает его истинного облика; его внешность не описывается в письменах; люди ничего достоверного о нем не знают. Он слишком таинственен, чтобы можно было понять его совершенство, слишком велик, чтобы его можно было исследовать, слишком могущественен, чтобы его можно было познать. Люди падают ниц от страха, если кто-то – сознательно или бессознательно – произносит вслух его имя. Нет ни одного бога, который способен был бы позвать его в этот миг…*

На конференции, проводившейся в Коллеж де Франс в 1905 году, Эдуард Навилль высказал точку зрения, которая затем была принята многими египтологами. «Кажется, – заявил он, – Эхнатон преследовал имя Амона только в Фивах. Это наводит на мысль, что ненависть царя была направлена не против доктрины, не против самого бога, а против жрецов, которые этого бога обслуживали: царь просто положил конец их чрезмерным притязаниям».

Какая доля правды содержится в подобной интерпретации? Действительно ли Эхнатон питал враждебные чувства к некоторым фиванским деятелям, которых впоследствии отстранил от власти? Такую гипотезу нельзя исключить – хотя, скорее всего, мы никогда не найдем документа, ее подтверждающего.

Очевидно другое: Эхнатон должен был привести в состояние равновесия различные религиозные тенденции, которые проявлялись в Египте. Рамсесу II, жившему много лет спустя, пришлось решать аналогичную задачу.

Эхнатон, «духовный отец» атонизма, отодвинул жречество Амона на второе место, низведя его до положения других жреческих корпораций, которые теперь должны были воздавать почести Атону. Фактически богатое жречество Амона утратило свою привилегированную роль. В теологическом плане это изменение не вызывало никаких затруднений – но, возможно, в сфере повседневной жизни дело обстояло иначе. Некоторые лица, вероятно, почувствовали себя незаслуженно оскорбленными; некоторые карьеры преждевременно прервались. Вообще говоря, богатства Карнака принадлежали не жрецам Амона, а фараону, который распоряжался ими по своему разумению; но управляли этим имуществом – к собственной выгоде – жрецы. Строительство новой столицы, Ахетатона, означало резкий поворот в экономической политике. С этого времени большая часть богатств стала поступать в храмы Атона, а не Амона.

Действия царя явно противоречили интересам некоторых влиятельных лиц. Если он и слышал «дурные слова», то упомянул о них не без умысла: ему нужно было оправдать отстранение от активной деятельности тех вельмож, которых он считал не способными к выполнению их религиозных функций.

Вел ли Эхнатон открытую войну против фиванского жречества? Это совершенно исключено. Испытывал ли царь недоверие по отношению к некоторым жрецам? Несомненно, да. Добавить по этому поводу – если говорить именно о шестом годе правления – нам нечего.

Что же произошло со служителями Амона? Часть из них переехала в Ахетатон. Многие остались в Фивах и обеспечивали непрерывность местного культа. Прерогативы фиванских жрецов высших рангов, которые лишились некоторых своих традиционных титулов, были фатальным образом урезаны – чтобы тем ярче воссияло могущество Атона.

Эхнатон продолжал править страной. Была основана новая столица. Культ Атона уже успел стать самым влиятельным в Египте: царь возвысил его над всеми другими.

Глава XI
ГОД ДЕВЯТЫЙ: АТОН СТАНОВИТСЯ НЕТЕРПИМЫМ?

В восьмой год правления царь обновил клятву, которую принес в шестом году. Поднявшись на большую позолоченную колесницу, он отправился в инспекционную поездку и осмотрел стелы, отмечавшие южную границу города. В восьмой день первого месяца зимы царь вновь поклялся, что не переступит пределов города Солнца. Это было теологическим подтверждением рождения столицы, посвященной Атону.

Что послужило причиной подобного поступка? Мы не знаем. Какие события, произошедшие между шестым и восьмым годами, могли побудить царя к торжественному повторению своей клятвы? Документы об этом умалчивают.

В девятый год появилось новое имя Атона: «Да живет Ра, властитель Страны Света, ликующий в Стране Света в имени своем Ра-отец, который явился в (образе) Атона». В этом имени уже не упоминаются ни Хорахти, сокологоловый солнечный бог, ни Шу, бог пронизанного светом воздуха. Сакральное имя теперь объединяет только Ра и Атона – и оно сохранится неизменным до конца царствования. Атон становится «божественным отцом» царя и сам обладает царским статусом; он располагает всей творческой мощью Ра. Атон, единственный, обеспечивает благоденствие фараона и каждый день заново порождает его; этого бога можно сравнить с гигантским атомным реактором, излучающим свет и вместе с ним жизнь. Речь идет не только о свете, который манифестирует себя через посредство солнечных лучей, но также о сверхъестественном свете, который обладает абсолютной властью над сотворенным миром, зависимым от него.

Метафизический акт составления нового солнечного имени сопровождался странным мероприятием: Эхнатон повелел разрушить все статуи Амона и изгладить из текстов, высеченных на камне, все упоминания имени этого бога. «Повсюду, – пишет Легрэн, – в соответствии с царским приказом удалялись со своих мест или уничтожались образы Амона. Мало найдется архитектурных памятников, гробниц, статуй, статуэток и даже совсем мелких предметов, которые не были бы изуродованы подобным образом… Посланники фараона взбирались на верхушки обелисков и спускались в подземелья гробниц, чтобы и там разрушать имена и изображения богов». Маленькие скарабеи – и те не избежали подобной участи; из надписей был удален

даже иероглифический знак, используемый для написания слова «боги» (которое, по-видимому, противоречило концепции единственного бога).

Легрэн, однако, несколько сгущает краски, рисуя почти апокалиптическую картину. Действительно, Эхнатон приказал уничтожить божественные имена, чтобы таким образом создать пространство «магической пустоты» вокруг Атона. Тем не менее, не следует замалчивать некоторые не укладывающиеся в эту картину детали. В гробнице Рамосе, например, первое имя Эхнатона – Аменхотеп *(«Амон* доволен») – нигде не было разрушено! В гробнице Херуэфа имя Амона было изглажено повсюду, но только не в царских картушах Аменхотепа III и Эхнатона. На стеле Аменемхета имя Амона подверглось уничтожению, однако имя Осириса осталось в неприкосновенности, как и имена некоторых других древних божеств – Исиды, Хора, Геба и Нут. А между тем эта стела не могла не привлечь особое внимание царских посланцев: ведь на ней Осирис именуется первым из богов, творцом Неба и Земли!

Можно было бы сослаться и на другие случаи, когда царское повеление об уничтожении божественных имен по какой-то причине не выполнялось. В Фаюме, например, изуродованных памятников почти совсем нет – очевидно, потому, что эта местность избежала влияния атонизма.

Разрушая имена богов, Эхнатон лишал их возможности воплощения, то есть уничтожал их влияние. Отныне власть Атона должна была стать единоличной. Современные поклонники и противники Эхнатона не перестают горячо обсуждать его решение. Царя объявляли безумцем, фанатиком, сектантом, эпилептиком; мечтателем, превратившимся в садиста; душевнобольным, который пытался отомстить ненавистному жречеству. Домб сравнивает Эхнатона с Ашокой, Марком Аврелием и Людовиком Святым – на том основании, что фараон будто бы пытался наполнить ткань политических событий дыханием духовности. По мнению этого египтолога, культ универсальной силы Атона предполагал признание сущностной идентичности всех людей.

Дэниэл-Ропс рисует лирический образ Эхнатона – царя, «которому земное могущество казалось чем-то смехотворным по сравнению с могуществом небесных сил».

Два исследователя, которые занимались египетским эзотеризмом, совершенно по-разному оценивают конфликт между царем и жрецами Амона. По мнению Энеля, Эхнатон совершил ошибку, когда открыл врата храмов, разгласил тайные учения и сделал достоянием всех то, что должны были знать лишь

избранные. «Легко представить себе, – объясняет ученый, – ту ярость, которую подобная профанация должна была возбудить у посвященных: ведь они восприняли происшедшее как святотатство, как грубое покушение на святая святых – древнее учение. Шваллер де Любич, напротив, полагает, что «авантюра» Эхнатона прекрасно вписывается в символическое развертывание египетской истории. На его взгляд, Эхнатон, этот «женоподобный» царь, является точным соответствием Хатшепсут, «мужеподобной» царицы.

Шваллер де Любич не верит в личную ненависть Эхнатона к фиванскому жречеству и обращает внимание на тот факт, что уничтожение божественных имен было не систематическим осуществлением яростной мести, но одноразовой – хотя методической и точной – работой. Многие имена изглаживались так поспешно, что при желании их можно прочитать по оставшимся следам. «Эхнатон, – пишет этот египтолог, – совершил необходимый поступок: он мгновенно положил конец возможности выражения тех принципов, которые должны были уступить место новому принципу, воплощенному в нем самом; он безжалостно подавил все проявления культа, связанного с устаревшими принципами».

Каждое из двух приведенных объяснений, несомненно, содержит долю истины. Ясно, что Эхнатон сделал достоянием гласности некие аспекты египетской религиозной мысли, которые до тех пор хранились в тайне от непосвященных; ясно также, что уничтожение имен было магической «операцией», а не систематической, рассчитанной на долгое время процедурой.

Если Эхнатон ощутил потребность в возобновлении своей клятвы, если счел необходимым утверждать имя Атона магическим образом, разрушая имена других богов (за исключением – весьма знаменательным – бога Ра), то произошло это потому, что проведение религиозной реформы нужно было ускорить. Точно так же, как город Солнца вырос в пространственных границах, за которые не мог выходить, земное существование Эхнатона ограничивалось определенными временными рамками: в этот-то срок и должна была явить себя миру религия Атона.

У нас нет никаких данных ни о религиозной войне в Египте, ни о расправах с теми, кто отказывался почитать Атона, ни о преследованиях инакомыслящих. Решение Эхнатона не было обусловлено политическими соображениями или социологическими причинами. Речь шла о чисто магическом акте – введении в действие «программы атонизма», которая составляла «генетический код» данного царствования.

Во многих регионах и городах резчики оставили нетронутыми имена древних божеств. Эхнатон не был настолько наивным, чтобы верить, будто его посланцам хватит времени для систематического уничтожения божественных имен по всему Египту. Важно было осуществить эту операцию в некоторых «болевых точках» страны.

Йойотт и Верню не разделяют гипотезы о религиозном кризисе в Египте, о фанатизме и нетерпимости Атона. В поддержку их точки зрения можно было бы привести много серьезных аргументов – в дополнение к тем, о которых мы уже говорили. Так, в стране не произошло религиозного или гражданского мятежа. Египтяне сохраняли в составе своих имен имена традиционных божеств и не заменяли их именем Атона – а это значит, что, по крайней мере, в душе, они оставались верными «классическому» пантеону. В самом городе Солнца были обнаружены многочисленные следы той религии, которая практиковалась на протяжении столетий. Царская полиция не вмешивалась и не предпринимала никаких мер против тех, кто поклонялся не Атону, а другим богам. На стеле одного вельможи даже изображены рядом Атон (с эпитетом *единственный),* Осирис-Сокар и Хнум!

Традиционные религиозные символы не уничтожались, не запрещались и не были преданы забвению.

Уничтожение имен богов действительно имело место, однако те наши современники, кто склонен оценивать амарнский опыт под романтическим углом зрения, сильно преувеличивают значение этого феномена. Не следует воображать себе орды фанатиков, которые с зубилами в руках рыскали по храмам и гробницам. На самом деле поручение царя выполняли несколько профессиональных скульпторов: они педантично изглаживали имя Амона, чтобы имя Атона обрело дополнительное могущество.

На этот магико-теологический акт вовсе не обязательно – как, к сожалению, часто делают – навешивать ярлык фанатизма. Эхнатон прекрасно знал, что не сможет навсегда покончить с Амоном. Он и не пытался разрушить священную резиденцию имперского бога, Карнак. Он просто хотел – на тот срок, который был отпущен для его правления, – свести на нет влияние фиванского бога, чтобы возросло влияние Атона.

Глава XII
ВОЕННЫЕ У КОРМИЛА ВЛАСТИ?

Если мы должны отказаться от не соответствующей действительности концепции «преследований» Амона, то не следует ли нам со вниманием отнестись к другой теории, которая в последние годы многократно обсуждалась в египтологической литературе, – теории о привилегированном положении военных в городе Солнца?

Ахмед Кадри в своем исследовании[71] проследил возрастание роли военного сословия в эпоху Нового царства. Солдаты фараона одержали важные победы в Азии, они были гарантами безопасности имперских территорий. Потому они получали царские пожалования и стали пользоваться особым престижем в египетском обществе. Продвижение военных по социальной лестнице неизбежно должно было привести к конфликтам между ними, «нуворишами», и традиционной верхушкой общества – писцами и чиновниками.

Не пытался ли Эхнатон опереться на это военное сословие, находившееся пока в процессе формирования? Самые влиятельные амарнские вельможи, Эйе и Хоремхеб, были военными. Они входили в ближайшее окружение царя, который пренебрег фиванским обществом и теперь собирал вокруг себя своих верных сторонников.

Долгое время в науке бытовала легенда о крайнем пацифизме Эхнатона, о том, что он будто бы отвергал саму идею войны, мечтал о «вечном мире». В действительности дело обстояло иначе. Эхнатон, как и любой фараон, стоял во главе могучего, хорошо организованного войска. Знаменитые талататы свидетельствуют о присутствии на царских церемониях многочисленных ликующих солдат. Когда фараон выходит из своего дворца, его сопровождает личная гвардия. Солдаты из элитных частей бегут за его колесницей. Некоторые вооружены мечами и копьями. В войске Эхнатона служили сирийцы, нубийцы и ливийцы (последние специализировались на метании дротиков).

В амарнской гробнице № 3, которая принадлежала Ахмесу, носителю опахала по правую руку царя, изображены пехотинцы со своим вооружением: щитами, копьями и секирами. В гробнице № 6, принадлежавшей Панехси, сохранилась следующая сцена: царь, царица и их дочери совершают прогулку на колесницах в окружении солдат.

В сценах, где присутствуют военные, нет ничего угрожающего или мрачного. Часто мы видим, как солдаты забавляются, в шутку задирают друг друга. Или же рядом с ними выступают музыканты. То, что многочисленные солдаты постоянно находились рядом с Эхнатоном, можно считать твердо установленным фактом. Совершенно очевидно, что они повиновались фараону и прекрасно вписывались в амарнское общество.

Утверждение, будто Эхнатон был игрушкой неотесанных военных, которым предоставил высшие посты в государстве, ни на чем не основано. Взгляд на фараона как на своего рода «главу мафиозного клана», опиравшегося на солдафонов, чтобы подчинить своей воле фиванских жрецов, соответствует, может быть, вкусам читателей криминальных романов, но не реалиям египетской истории. Египетское общество не знало борьбы классов, и фараону незачем было принимать сторону одного из социальных слоев в ущерб интересам всех остальных.

Прорись рельефа на корпусе колесницы Тутмоса IV. Царь поражает азиатов из лука. Его руку направляет стоящий рядом с ним в колеснице бог войны Монту (с соколиной головой, увенчанной солнечным диском и двумя страусовыми перьями).

Армия не взяла в свои руки власть в городе Солнца. Она, как и в предшествовавшие правления, подчинялась царю и своим старшим офицерам. В ней, кстати, служили бывшие фиванские чиновники, «новые люди» и чужеземцы.

Существовала также полиция, которой руководил некий Маху. Его гробница в эль-Амарне (№ 9) – единственный законченный памятник во всем некрополе. Маху относился к числу чиновников высокого ранга. Он приказал построить в пустыне форты, чтобы обезопасить столицу от всякого рода неожиданных вторжений. Он имел в виду, прежде всего, отряды кочевников, хотя и находившихся – в большей или меньшей мере

– под контролем Египта, но всегда готовых к грабежам. Те полицейские подразделения, что патрулировали пустыню, во все времена совершали многочисленные рейды, обеспечивая безопасность караванов. Благодаря изображениям в гробнице Маху мы знаем, что начальник полиции Ахетатона в зародыше подавлял любые попытки номадов проникнуть на территорию города. Маху вместе с визирем лично допрашивал пленников. Он обвинял этих людей в том, что они, будучи подкупленными некоей иностранной державой, пытались сеять беспорядки в Египте.

Полиция Его Величества проявляла бдительность и всерьез относилась даже к самым незначительным инцидентам. Маху был вознагражден за свои заслуги. На одном из гробничных изображений мы видим, как начальник полиции, склонившись перед царем, царицей и принцессой Меритатон, принимает от них золотые ожерелья – самые почетные знаки отличия.

Ахетатон не был открытым городом. Его охраняли и внешняя стража, и отряды внутреннего наблюдения. Некий Туту, например, «проверял личность» тех иностранцев, которые желали обосноваться в столице. Он также был вознагражден царем за свои блестящие служебные качества.

Город Атона не представлял собой руссоистского заповедника на территории Египта. Эхнатон не идеализировал «доброго дикаря» и не вел себя, как оторванный от жизни поэт-мечтатель. Имея в своем распоряжении армию и полицию, он использовал их для обеспечения безопасности столицы и общественного порядка.

Тем не менее, солдаты и полицейские не стали доминирующим классом, способным навязать свою волю царю Египта. Военные столь же мало могли влиять на Эхнатона, как жрецы Амона Карнакского – угрожать ему. Те и другие были лишь слугами фараона, не проявлявшими ни малейшей склонности к мятежу.

Глава XIII
АХЕТАТОН, СТОЛИЦА НА ОДНО ЦАРСТВОВАНИЕ

«Великая очарованием, радующая глаз своей красотой» – такими словами один из жителей Ахетатона описывал резиденцию бога Атона, истинный образ неба на земле.[72]

К концу девятого года правления строительство новой столицы Египта было в значительной мере завершено. Теперь Атон имел собственные владения, в пределах которых мог являть людям свое подлинное естество. Эхнатон выполнил первый долг фараона: осуществил главное дело своего царствования. Точные размеры этого города, которому не суждено было расширяться, ибо его границы установил сам Атон еще в день основания столицы, указаны на пограничных стелах. Занимая площадь приблизительно в 100 кв. км, он располагался на восточном берегу Нила; его протяженность с севера на юг составляла 30 км. Хотя позднее город был полностью разрушен, археологи обнаружили фундаменты зданий, смогли определить расположение кварталов и предложить достоверные реконструкции построек. Поэтому мы знаем, что город имел северный и южный кварталы (каждый со своим предместьем), а также центральную часть, где доминировали дворец и главный храм.

Ахетатон, население которого достигало, по меньшей мере, 40 тысяч, никак нельзя назвать маленьким городом. «На протяжении своего недолгого существования он был столицей величайшей империи мира, – пишет Пендлбери. – В нем решались все государственные дела. На его улицах можно было встретить представителей всех известных тогда народов: минойцев, микенцев, киприотов, вавилонян, евреев и многих других; на заднем же плане текла своим чередом обычная египетская жизнь, не менявшаяся со времен далеких предков».

Город Атона, истинное сердце Египта, где принимались судьбоносные для Обеих Земель решения, был хорошо защищен; войска, включавшие нубийские и азиатские подразделения, бдительно охраняли подступы к городу. Часовые докладывали о каждом подозрительном инциденте, а армейские части быстрого реагирования находились в постоянной боевой готовности.

Действительно ли царская семья обрекла себя на добровольное заточение в резиденции Атона? По мнению немецкого египтолога Кееса, изоляция эль-Амарны была

тотальной: столица представляла собой замкнутую экономическую единицу. Рассчитывая только на себя, она полностью обеспечивала собственные потребности. Эхнатон, согласно этой концепции, вкушал плоды своей славы и совершенно не интересовался окружающим миром.

Однако на самом деле ничто не доказывает, что Эхнатон оставался запертым в стенах своего города. Без сомнения, он совершал поездки в другие регионы страны – по религиозным или политическим причинам; известно, например, что в период траура после кончины Аменхотепа III он находился в Фивах. Не будем забывать, что фараон правил не только Ахетатоном, но и всем Египтом.

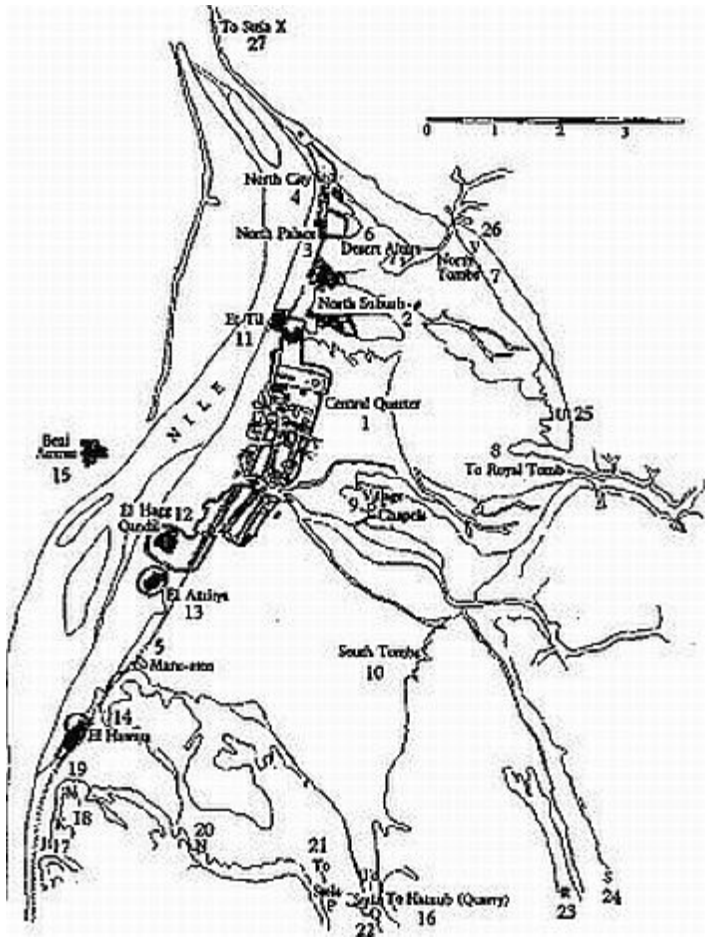
В одном тексте уточняется, что если царь, Нефертити или их старшая дочь умрут вдали от столицы, их тела будут перевезены обратно в Ахетатон и погребены в заранее подготовленной скальной гробнице, к востоку от города. Это утверждение самым недвусмысленным образом подчеркивает связь между Атоном, городом Солнца, и царской семьей, призванной явить миру божественную славу во всем ее блеске.

Центральная часть Ахетатона располагалась вдоль главной дороги, которая вела от северного дворца к так называемому Большому дворцу; в последнем имелось множество открытых пространств и – в самом сердце здания – гигантский двор, обрамленный колоссальными статуями Эхнатона. Статуи, очевидно, должны были внушать посетителям мысль о величии религии Атона и ее главного служителя, царя.

Представьте себе великолепное здание длиной около 262 м, с очень широким фасадом, который связан кирпичным мостом, перекинутым через дорогу, с небольшой резиденцией, собственно домом царя. В последнем было так называемое «окно явлений», через которое царственная чета показывалась вельможам.

Отделка дворца отличалась особым изяществом: алебастровые базы колонн были украшены инкрустациями в форме лотосов; стволы колонн из песчаника, выкрашенного в зеленый цвет, символизировали связки тростника; капители имитировали листья и цветы лотоса. В росписях полов художники использовали природные мотивы: болотистая местность с зарослями чуфы и папируса, взлетающие дикие утки. Настенные росписи, выполненные гуашью по гипсовой штукатурке и очень насыщенные по цвету, напоминали фрески из дворца Аменхотепа III в Малькате. Они тоже прославляли красоту египетских пейзажей и счастливую жизнь под лучами божественного Солнца. Рельефы вдоль рамп изображали царственную чету, которая приносит подношения Атону, в то время как принцесса

Меритатон играет на систре, или же длинные ряды покорных богу военнопленных. Резиденцию окружали роскошные сады.



1. Центральный квартал.
2. Северный пригород.
3. Северный дворец.
4. Северный квартал города.
5. Мару-Атон (южный дворец).
6. Алтари в пустыне.
7. Северная группа гробниц.
8. К царской гробнице.
9. Поселок и частные святилища.
10. Южная группа гробниц.
11. Совр. деревня эт-Тиль.
12. Совр. деревня эль-Хагг Кандиль.
13. Совр. деревня эль-Амириа.
14. Совр. деревня эль-Хавата.
15. Совр. деревня Бени Амран.

16. К каменоломням Хатнуба.
17. Стела J.
18. Стела K.
19. Стела M.
20. Стела N.
21. К стеле P.
22. К стеле Q.
23. Стела R.
24. Стела S.
25. Стела U.
26. Стела V.
27. К стеле X.

К северу от дворца располагалось множество административных зданий: в них размещались, например, полицейское управление, сокровищница, служба иностранных дел. Однако истинной жемчужиной этой части города был большой храм Атона, вход в который фланкировали две башни из кирпича, напоминавшие традиционные пилоны. Пройдя через ворота, посетители попадали в «прибежище радости»: за колонным залом следовало несколько дворов под открытым небом и, наконец, святая святых храма– *Гем-Атон* («Атон найден»).

Поблизости от дворца Эхнатона построили еще один храм, более скромных размеров. Он назывался «Домом Атона» и представлял собой нечто вроде часовни, сориентированной таким образом, что она находилась на одной оси со входом в вади, в котором была высечена царская гробница.

Большой храм окружали мастерские, где производилось все необходимое для культовой практики. Археологи, к примеру, установили, что хлебопекарни занимали два длинных (прямых и параллельных) ряда помещений за пределами храмовой ограды. Каждое помещение предназначалось для самостоятельной пекарни; в каждом было по четыре круглых печи и (вдоль стен) кирпичные лари для хранения муки или хлеба.

В северном квартале жили торговцы и мелкие чиновники; там постоянно царило оживление. Работали в своих «офисах» писцы, в лавках можно было купить самые разные товары – включая те, что привозились на кораблях и разгружались на столичных причалах. Но тут же, у реки, располагался и Большой дворец – главная царская резиденция, хорошо защищенная и наглухо отгороженная от остальной части города. Здесь начиналась самая большая в городе дорога, которая, чуть южнее, проходила мимо дворца, предназначавшегося для Меритатон, старшей дочери царя. В

северном дворце имелись залы для приемов, купальни, солнечный храм под открытым небом, сады, дворы с расписными стенами, фрески с изображениями пейзажей и животных, которые представляли природу как райское видение и были, по меткому замечанию Жака Вандье, «перенесением в план архитектуры восхитительного гимна Солнцу, сочиненного самим царем». Археологи обнаружили там и остатки своего рода зоологического сада: загоны, кормушки, другие приспособления, необходимые для содержания птиц и зверей.

Неповторимый облик южного квартала, где жили чиновники высших рангов и работали некоторые скульпторы, определял странный архитектурно-парковый комплекс, *Мару-Атон.* Он включал в себя неглубокие водоемы, сады, павильоны, часовни. Это был некий искусственный «теологический пейзаж», прославлявший благодеяния Атона. Специальный наблюдательный пункт позволял царице (чья ритуальная роль особо акцентирована в Мару-Атоне) принимать участие в ежедневном рождении Солнца.

Самые красивые городские виллы были окружены садами и защищены прямоугольными оградами со стороной до 24 м. Конюшни, хлева, житницы составляли необходимую часть приусадебного хозяйства. Археологи идентифицировали даже одну «ферму», которая специализировалась на разведении свиней: животных кормили зерном и содержали в специальных загонах. Соленое мясо хранили в кувшинах, запечатанных белым гипсом.

Внутри виллы обычно имелась одна большая зала, потолок которой поддерживали расписные деревянные колонны; в ней принимали гостей, трапезничали и устраивали праздничные пиршества. Свет проникал в это помещение через окна.[73] Вокруг залы располагались разные комнаты, кабинеты, приёмные. В глубине виллы находились частные апартаменты: спальни, ванные комнаты, туалеты, комнаты для массажа.

Что касается типичной планировки более скромных домов, то они строились на квадратном высоком фундаменте, иногда имели передний двор и состояли из гостиной, центральной части, включавшей большее или меньшее число комнат, отдельного кухонного помещения и террасы, на которую вела лестница. Однако, по правде говоря, почти невозможно найти два идентичных дома: перечисленные нами классические элементы сочетаются в самых разных комбинациях.

Квартал ремесленников и людей неквалифицированного труда, который образовывал как бы отдельный поселок внутри города, состоял из параллельных улочек, пересекавшихся под

прямым углом. В прихожей дома ремесленник оставлял свои инструменты; далее следовали жилая комната, кухня, одно или несколько дополнительных помещений. Каждая семья имела собственную часовню, где устраивала священные пиршества; часовни были посвящены таким божествам, как Амон, Исида, Бес или Тауэрт.

Изучение Ахетатона позволяет сделать вывод о высокой степени когерентности египетского общества: связи между городским и сельским населением никогда не прерывались; город, даже столица, не был холодным монстром, отгородившимся от природы, но представлял собой совокупность поселков, между которыми поддерживалось оживленное сообщение. Невозможно, следовательно, согласиться с теми, кто говорит о зарождении в Ахетатоне первых гетто или городского пролетариата: ведь богатые и бедные жили в этом городе бок о бок друг с другом. Особое место занимали лишь фараон и его семья: сам характер их функций требовал, чтобы они пребывали в отдалении от обычных людей, в центре ансамбля священных памятников.

Глава XIV
АХЕТАТОН, ГОРОД АТОНА

Амарна – космический город. Это Страна Света, и все архитектурные памятники в ней спланированы так, чтобы они были максимально открытыми для солнечных лучей.

Эта столица, которая была построена в расчете на одно царствование, и будущее которой было предопределено с самого начала, принадлежала одному богу, Атону. Сейчас нам следует попытаться определить его истинную природу.

Некоторые полагают, что культ Атона имел сирийское происхождение и что азиатские религии оказали значительное влияние на Эхнатона. Такая точка зрения совершенно безосновательна. Доказано, что имя «Атон» никак не связано с именем семитского божества Адона, которое значит «господин».

Атона изображали в виде солнечного диска с лучами, оканчивающимися кистями рук; некоторые из этих рук держат «знак жизни», *анх*. В нижней части диска мы видим изготовившуюся к броску кобру; с ее «шеи» свисает еще один «знак жизни». Отождествление солнечных лучей с руками бога – очень древняя символическая концепция. Изображение лучей-рук можно увидеть уже на стеле из Гизы, которая датируется эпохой Аменхотепа II. До нас дошел текст, посвященный Амону-Ра, в котором говорится: «Ты – Единственный со многими руками; ты протягиваешь свои руки к тем, кого любишь».

«То, что обходит в своем круговом движении Солнечный Диск»,[74] – это мир, управляемый законом Змеи, то есть законом непрерывных изменений. Руки-лучи Солнца даруют всем обитателям Земли жизнь и благополучие, а также ежедневно пробуждают божественные силы, от которых зависит нормальное функционирование космоса.

Я дышу тем сладким дыханием,
Что исходит из твоих уст,

– говорит Эхнатон, —

Я вижу красоту твою каждый день.
Мое желание – слышать твой сладостный голос,
Подобный северному ветру;
Ощущать, как мои члены наполняются жизнью
Благодаря тебе.

Протяни ко мне свои руки,
В которых заключен твой дух,
Чтобы я мог воспринять его
И жить тобою.
Помяни мое имя в вечности —
И я никогда не погибну.

Это настоящее признание в любви, которое царь адресует своему богу: ведь именно через посредство солнечных лучей-рук на Эхнатона нисходит жизнь.

Атон, «владыка всего, что обходит в своем круговом движении Солнечный Диск», есть одновременно даритель благ и одариваемый (тот, кто принимает приношения). Даритель, ибо он представляет собой первоисточник вселенной; одариваемый, ибо принимает форму Солнца, чье каждодневное восхождение на небо было бы невозможно без определенных ритуальных действий, регулярно совершаемых царем.

Слишком часто Атона ошибочно отождествляют с Солнечным Диском. На самом деле Диск – всего лишь та внешняя форма, в которой бог предпочитает являть себя людям. Хотя Атон охотно предстает в образе Солнца, он есть нечто гораздо большее, нежели дневное светило. Атон – это жизненная сила как таковая, энергия, необходимая для развития всего существующего; Атон лишь пользуется Солнцем – для того, чтобы манифестировать себя с максимальной эффективностью.

Солнечный шар не был для египтян анонимной силой. Они видели в нем лик Бога, к которому обращали искренние хвалы.

Следует настоятельно подчеркнуть, что амарнская религия не сводилась к наивному поклонению дневному светилу, и что в действительности воплощением Атона считался не солнечный «Диск», но шарообразное «Око» Солнца.

Такая интерпретация открывает широкие перспективы: ведь Око Солнца всегда оставалось одной из главных тем в египетской религиозной мысли. В священном Оке заключены мера всех вещей и тайна всех живых созданий. Атон, принимая форму солнечного Ока, тем самым показывает, что он обладает ключом универсальной гармонии и что человек, дабы постичь его мудрость, должен открыть собственное внутреннее око.

Атон – движущая сила мира, созидаемого им заново в каждое мгновение. Именно он управляет судьбами живых существ и вещей. По утрам люди начинают видеть все великолепие обновленного мира с того момента, когда Атон появляется на горизонте; по вечерам, когда Атон исчезает на западе, они

впадают в состояние, подобное временной смерти.

Атон – царь, от которого зависит будущее вселенной. Его имя вписывали в картуш, как имя фараона. На многих памятниках имя царя Атона предшествует имени царя Эхнатона. Последний считался сыном небесного владыки и продолжателем его дела – имманентным сыном трансцендентной силы.

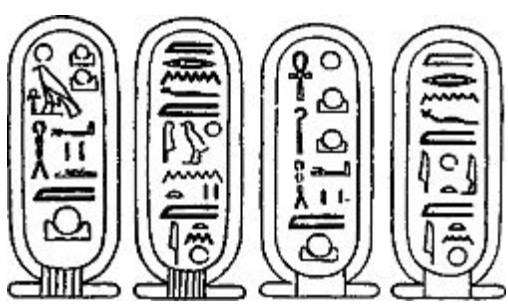
Существовал даже культ картушей Атона: об этом свидетельствует верхняя часть алтаря, обнаруженная в одном из домов Ахетатона, а ныне хранящаяся в Каирском музее (13 255).

Атон есть жизнь, которая дарует жизнь. Владыка неба и земли, он обитает в своем храме с обелиском внутри своего города, столицы Египта.

Учение об этом боге не было зафиксировано в форме доктрины: ведь всемогущество света самоочевидно, его не нужно подкреплять какими-либо догмами. Атон, создавший далекое небо, поднимается туда, чтобы с высоты Страны Света обозревать свое творение. В нем заключены миллионы жизней, и он помогает им реализоваться посредством своих лучей. Его свет проникает и в людские сердца, где становится созидательной силой в ее чистейшем проявлении – любовью.

Атонизм известен нам благодаря немногим текстам, редактором которых, весьма вероятно, был сам Эхнатон: надписям на пограничных стелах, гимнам и молитвам, записанным на стенах гробниц вельмож. Молитвы адресовались либо одному Атону, либо одновременно Атону, царю и царице. В этих текстах есть общие темы и знаменательные совпадения. Возможно, все они восходят к некоему первоисточнику, сочиненному царственной четой, и содержат дословные цитаты из него.

Два текста заслуживают того, чтобы мы привели здесь их полные переводы, – «Малый гимн Атону» и «Большой гимн». Как нам кажется, без ознакомления с ними читатель не сможет составить себе адекватного представления о религии атонизма и ее истоках.



Ранняя (два картуша слева) и поздняя (два картуша справа)

формы царских имен Солнечного Диска Атона.

«Малый гимн Атону»

Этот текст был выгравирован в пяти гробницах эль-Амарны. В трех случаях нижеследующие слова произносит Эхнатон. В двух других – вельможи, получившие право выступать от имени царя.

О живой Атон, владыка вечности, ты великолепен, когда восходишь! Ты – сияющий, совершенный, могучий. Твоя любовь велика, огромна. Твои лучи освещают все лица, твой блеск дарует жизнь сердцам, когда ты наполняешь Обе Земли своею любовью. Благородный бог, породивший себя сам, который сотворил каждую землю, создал все, что только есть на ней: всех людей, крупный и мелкий скот, все деревья, произрастающие из почвы; они живут, когда ты восходишь ради них, ты – мать и отец всего, сотворенного тобою.

Когда ты восходишь, их глаза смотрят на тебя, в то время как лучи твои освещают всю землю; каждое сердце восхваляет тебя, пока ты поднимаешься на небо как их господин. Когда ты заходишь в западной Стране Света, они ложатся, как будто собираются умереть; их головы покрыты, их носы не дышат – и так продолжается, пока ты не появишься вновь в восточной Стране Света. Их руки согнуты в жесте почитания твоего Ка, ты питаешь их сердца своей красотой; когда ты испускаешь свои лучи, люди живут и всякая страна пребывает в празднике.

Певцы и музыканты громко ликуют во дворе храма Хутбенбен и во всех храмах Ахетатона, места Правды, которому ты радуешься. В этих храмах приносятся жертвенные дары, твой высокочтимый сын творит тебе восхваления – о Атон, живущий своими воссияниями, – и вся сотворенная тобою живность резвится перед тобой. Твой благородный сын ликует – о Атон, каждодневно находящий в небе умиротворение, – твое порождение, твой благородный сын, Единственный для Ра; сын Ра не перестает превозносить его совершенство – Неферхепрура, единственный для Ра.

Я – твой сын, который служит тебе, который превозносит твое имя; твое могущество, твоя сила запечатлены в моем сердце. Ты – живой Атон, чей образ прочен; ты сотворил далекое небо, чтобы сиять на нем и

обозревать все созданное тобою. Ты – единственный, но в тебе заключены миллионы жизней; чтобы заставить их жить, ты даешь дыхание жизни их носам. Благодаря видению твоих лучей существуют цветы; все живое, что пробивается из земли, растет, когда ты сияешь. Опьяненные видом твоим, резвятся стада; птицы радостно вылетают из гнезд: они расправляют свои сложенные крылья, чтобы восславить живого Атона, создавшего их.

«Большой гимн Атону»

Гимн записан в гробнице доверенного лица фараона, Эйе. Чтобы облегчить понимание текста, мы разбили его на строфы и ввели заголовки, формулирующие главную тему каждой строфы.

Акт прославления

Прославление Ра-Хорахти, ликующего в Стране Света в имени своем Шу, который есть Атон (да живет он вечно!), великого живого Атона, пребывающего в празднике хеб-сед, владыки всего, что обходит в своем круговом движении Солнечный Диск, владыки неба, владыки земли, владыки Дома Атона в Ахетатоне, [а также прославление] царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего Правдой, владыки Обеих Земель, Неферхепрура, единственного для Ра, сына Ра, живущего Правдой, владыки корон, Эхнатона, великого сроком жизни, и великой царицы, возлюбленной им, госпожи Обеих Земель, Нефер-неферу-Атон Нефертити (да будет она жива, здорова и молода во веки веков!).

Визирь и носитель опахала по правую руку царя, Эйе, говорит: [75]

[Рождение Ра (солнечного начала) и его сияние]

Ты сияешь прекрасно на небосклоне,
Диск живой, начало жизни!
Ты взошел на восточном склоне неба,
И всю землю исполнил своею красою.
Ты прекрасен, велик, светозарен!
Ты высоко над всей землею!
Лучи твои объемлют все страны,
До пределов созданного тобою.
Ты Ра, ты достигаешь пределов.
Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою.
Ты далек, но лучи твои на земле,
Ты пред людьми […] твое движение. [76]

[Отсутствие солнечного начала есть подобие смерти]

Ты заходишь на западном склоне неба —
И земля во мраке, подобно застигнутому смертью.
Спят люди в домах, и головы их покрыты,
И не видит один глаз другого,
И похищено имущество их,
Скрытое под изголовьем их, —
А они не ведают.
Лев выходит из логова своего.
Змеи жалят людей во мраке,
Когда приходит ночь и земля погружается в молчание,
Ибо создавший все опустился за край небес. [77]

[Возвращение Солнца есть праздник духа, сердца и тела; оно дарует божественную радость всей вселенной]

Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне;
Ты сияешь как солнечный диск,
Ты разгоняешь мрак,
Щедро посылая лучи свои,
И Обе Земли просыпаются, ликуя,
И поднимаются люди.
Ты разбудил их —
И они омывают тела свои, и берут одежду свою.
Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя,
когда ты сияешь надо всею землей,
И трудятся они, выполняя работы свои.
Скот радуется на лугах своих, Деревья и травы зеленеют,
Птицы вылетают из гнезд своих,
И крылья их славят душу[78] *твою.*
Все животные прыгают на ногах своих,
Все крылатое летает на крыльях своих —
Все оживают, когда озаришь ты их сияньем своим.
Суда плывут на север и на юг,
Все пути открыты, когда ты сияешь.
Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим,
Лучи твои проникают в глубь моря.

[Солнечное начало порождает жизнь и способствует развитию всех ее проявлений]

Ты созидаешь жемчужину в раковине, [79]

Ты сотворяешь семя в мужчине,
Ты даешь жизнь сыну во чреве матери его,
Ты успокаиваешь дитя – и оно не плачет, —
Ты питаешь его во чреве,
Ты даруешь дыхание
Тому, что ты сотворил,
В миг, когда выходит дитя из чрева
[В] день своего рождения,
Ты отверзаешь уста его,
Ты созидаешь все, что потребно ему.
Когда птенец в яйце и послышался голос его,
Ты посылаешь ему дыхание сквозь скорлупу и даешь ему жизнь. Ты назначаешь ему срок Разбить яйцо,
И вот выходит он из яйца,
Дабы подать голос в уготованный тобою срок.
И он идет на лапках своих, когда покинет яйцо.

[Солнечное начало – это единство и множественность; оно создает различия между живыми существами]

О, сколь многочисленно творимое тобою
И скрытое от мира людей,
Бог единственный! Нет другого, кроме тебя!
Ты был один – и сотворил землю по желанию сердца своего,
Землю с людьми, скотом и всеми животными,
Которые ступают ногами своими внизу
И летают на крыльях своих вверху.
Чужеземные страны, Сирия, Куш, Египет —
Каждому человеку отведено тобою место его.
Ты созидаешь все, что потребно им.
У каждого своя пища,
И каждому отмерено время жизни его.
Языки людей различаются меж: собою,
Несхожи и образы[80] их,
И цвет кожи их,
Ибо отличил ты одну страну от другой.

[Солнечное начало распределяет свои благодеяния, не отдавая предпочтения никому]

Ты создал Нил в преисподней
И вывел его на землю по желанию своему,

Чтобы продлить жизнь людей, —
Подобно тому, как даровал ты им жизнь, сотворив их для себя,
О всеобщий Владыка, у томленный трудами своими,[81]
Владыка всех земель, восходящий ради них,
Диск солнца дневного, великий, почитаемый!
Все чужеземные, далекие страны созданы тобою и живут милостью твоею, —
Это ты даровал небесам их Нил, чтобы падал он наземь, —
И вот на горах волны, подобные волнам морским,
И они напоят поле каждого в местности его.[82]
Как прекрасны предначертания твои, Владыка вечности!
Нил на небе – для чужестранцев
И для диких животных о четырех ногах,
А Нил, выходящий из преисподней, – для Земли
Возлюбленной [то есть Египта].[83]

[Солнечное начало управляет мировой гармонией. Оно создает все существующее, но само остается единым]

Лучи твои кормят все пашни:
Ты восходишь – они живут и цветут.
Ты установил ход времени, чтобы вновь и вновь рождалось сотворенное тобою, —
Установил зиму, чтобы охладить пашни свои, жару,[84]
чтобы
Ты создал далекое небо, чтобы восходить на нем,
Чтобы видеть все, сотворенное тобою.
Ты единственный, ты восходишь в образе своем,
Атон живой, Сияющий и лучезарный, далекий и близкий!
Из себя, единого, творишь ты миллионы образов своих.
Города и селения, поля и дороги, и
Река Созерцают тебя, каждое око устремлено к тебе,
Когда ты, диск дневного солнца[85]

[Царь Эхнатон – единственный, кто постиг солнечное начало; «передвижения» солнечного начала устанавливают ритмы жизни; все блага сотворенного мира предназначаются прежде всего для царя Эхнатона и его супруги Нефертити, а потому царственная чета несет ответственность за этот мир]

Ты в сердце моем,

И нет другого, познавшего тебя,
Кроме сына твоего Неферхепрура, единственного у Ра,
Ты даешь сыну своему постигнуть предначертания свои и мощь свою.
Вся земля во власти десницы твоей, ибо ты создал людей;
Ты восходишь – и они живут,
Ты заходишь – и они умирают.
Ты время их жизни, они живут в тебе. [86]
До самого захода твоего все глаза обращены к красоте твоей.
Останавливаются все работы, когда заходишь ты на западе.
Когда же восходишь, то велишь процветать […] для царя. [87]

Спешат все твари с тех пор, как ты основал твердь земную.
Ты пробуждаешь всех ради сына своего,
исшедшего из плоти твоей,
Для царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего правдою,
Владыки Обеих Земель, Неферхепрура, единственного у Ра,
Сына Ра, живущего правдой, Владыки венцов Эхнатона, великого,
– да продлятся дни его!
– И ради великой царицы, любимой царем,
Владычицы Обеих Земель Нефернефруитен Нефертити,
– да живет она, да будет молода она во веки веков!

Атон и каждодневное возрождение царя

Атон – «владыка *хеб-седа»,* и потому он может обеспечить царю возможность магического самообновления. Лучи Атона даруют фараону миллионы *хеб-седов.* Возрождаясь к жизни вместе с Атоном, Эхнатон, подобно своему божественному отцу, живет вечно.

Существенное значение имеет то обстоятельство, что, как отметила Марианна Дорресс, благодаря Атону праздник *хеб-сед* повторяется для царя каждый день. Согласно египетским текстам, всякий раз, когда Атон поднимается на небо, чтобы освещать землю, лучи бога нисходят на царя, его любимого сына. Солнечные лучи-руки протягивают миллионы праздников возрождения фараону, который сам есть порождение света. Атон передает царю свое долголетие, то есть бесконечное количество

утр и вечеров.

В знак этого возрождения, свершающегося в ритме утреннего и вечернего ритуалов, Эхнатон облачается в особую белую тунику – как делали все цари, которые жили до него.

Атон, радость и любовь

При появлении Атона все сердца переполняются радостью. На земле наступает праздник света. Из каждой груди вырываются радостные клики: Атона приветствуют как царя.

Культ Атона проистекает из восторга перед красотой сотворенного богом мира. Эхнатон игнорирует ночь и смерть. Он воспевает то, что живет, то, что движется, то, что воплощает в себе динамизм бытия (вкушение пищи, дыхание, радость, любовь).

Каждого рассвета ждут как возрождения, как нового дара жизни, предлагаемого всем существам. От милости Атона зависят человеческая радость, телесное здоровье, смех детей; его творческая энергия обусловливает произрастание цветов и плодов. Те, кто прославляет имя Бога в молитвах, получают самые сладостные его дары – дыхание ветра и воду. Когда Атон сияет, все живые создания ощущают прилив энергии: животные радостно резвятся, птицы перелетают с места на место. Сердца переполняются приятным теплом, и сам процесс дыхания доставляет удовольствие.

Атон – это также сила любви; благодаря ему одушевленные создания сосуществуют, не уничтожая друг друга, и пытаются достичь некоей гармонии. Атон, «связывающий все на свете узами своей любви», равно внимателен как к малым, так и к великим вещам. Его мысль есть «событие, порождающее жизнь», ничто не остается не охваченным его любовью.

Тот, кто помещает Атона в свое сердце, никогда не узнает горя и нищеты, ибо постоянно с восторгом созерцает Бога, присутствующего во всех вещах. До нас не дошло патетических воззваний к Атону, просьб об исцелении или другой помощи; религия Атона – это религия радости. Щедрость природы, в обилии производящей пищу, воспринималась как ощутимое доказательство благости Атона.

«Атон, – говорит Пендлбери, – есть только и исключительно бог-творец. Он создал всех живых существ и позаботился об удовлетворении их потребностей, но на этом его работа кончается. Он не проявляет ни малейшего желания вознаграждать добро или наказывать зло».

Но если божественный свет не заключает в себе нравственного, или «гуманного», аспекта, то от него, тем не менее, зависит человеческая участь. И Атон, и фараон носят эпитет «Судьба, которая дарует жизнь». Самим фактом своего появления Атон отвечает на все вопросы, какие только могут возникнуть у живых существ. Свет Атона есть сама жизнь в ее абсолютном и совершенном выражении – жизнь, охватывающая как земное бытие, так и вечное существование в потустороннем мире.

Глава XV
МОНОТЕИЗМ?

Многие из тех, кто интересовался амарнской эпохой, специалисты и неспециалисты, делали вывод, который, переходя из одной книги в другую, стал восприниматься как почти непререкаемая истина: как бы мы ни оценивали достоинства и недостатки религиозного опыта Эхнатона, этот царь был первооткрывателем монотеизма. Его концепция единственного бога означала полный разрыв с древним политеизмом и предвосхитила то божественное откровение, которое получил Моисей.

Нам этот вывод представляется более чем спорным. И вот почему.

В гробнице Неферхотепа, которая датируется эпохой Хоремхеба, Атон назван «видимым телом Ра». Взаимоотношения между двумя формами божественного света имеют существенное значение. Ра – это свет как божественное и абстрактное по своей природе начало, как чистое действие, созидающее жизнь. Ра является одновременно невидимым и зримым. Атон, неотделимый от этой первобытной энергии, есть ее воплощение, зримая манифестация. Анализируя главные тексты атонизма, мы уже отмечали, что в них акцентируются результаты появления света – прежде всего та радость, которую он пробуждает во всех живых существах.

Теологические имена Атона не оставляют никаких сомнений относительно природы этого божества. Божественное начало именуется «Ра-отец, который явился в (образе) Атона». Эхнатона называют «единственным для Ра», который, в свою очередь, есть «властитель Страны Света» – места, откуда на рассвете поднимается на небо Атон. Своей пятой дочери Нефертити дала имя Нефер-неферу-Ра, «Совершенно совершенство Ра», шестой – Сетеп-эн-Ра, «Избранница Ра».

Зависимость Атона от Ра вполне очевидна. Атона невозможно считать единственным богом, исключающим существование всех других божественных форм. Он сам был одной из таких форм и отделился от первичного света, чтобы стать вдохновителем определенной эпохи, определенного царствования.

Каждая божественная сила уникальна в плане своих взаимоотношений с первичным началом. Амона, например, тоже называли Единственным, «Единственным со многими руками» (папирус Булак 17) – эпитет, который вполне подошел бы и для

Атона. Раз уж мы заговорили об этом, заметим в скобках, что в Древнем Египте не могло быть фундаментального антагонизма между таким-то и таким-то богом, не могло возникнуть «войны» между культами – потому что египтяне не выражали свою религиозную мысль в виде догм.

Вернувшись к солнечной религии Гелиополя, средоточием которой был образ Ра, Эхнатон придал ей новую выразительность, выдвинув на первое место «малое» божество традиционного пантеона, Атона. Фараон превратил Атона в своего рода царя богов, которому все они, включая Амона, должны были отныне воздавать особые почести.

Атон – это свет, радость, движение. Прославляющие его тексты не упоминают смерти и воскресения, то есть феноменов, относящихся к ведению Осириса, судьи умерших и владыки загробного мира. В амарнском искусстве нет изображений осирических символов и культов.

Стела Хетиу дает нам ключ к решению этой загадки, ибо начинается так: *Приветствие тебе, Осирис, оправданный на суде! Ты восходишь как Ра в Стране Света; его Диск – это твой Диск; его образ – это твой образ; его могущество – это твое могущество.* С точки зрения Эхнатона, Ра, владыка небесных пространств, и Осирис, владыка подземного мира, представляют собой одно существо. Фараон «интегрирует» личности Осириса и Ра, делает потусторонний мир частью владений света, а смерть – частью той радости, что дарует солнечное сияние.

В такой идее нет ничего «еретического». Она была выражена уже в самом древнем корпусе египетских религиозных текстов, *Текстах Пирамид.* Эхнатон не отрицал и наличие осирического (то есть подлежащего воскрешению) начала в себе самом. В гробнице 55 в Долине Царей (в связи с этим памятником возникает множество вопросов, о которых мы еще поговорим) были обнаружены так называемые «магические кирпичи», предназначавшиеся для защиты Эхнатона в потустороннем мире. Царское имя, надписанное на них, весьма знаменательно: Осирис-Нефер-хепру-Ра. Иными словами, после смерти Эхнатона ждала судьба Осириса, соединившегося с Ра, судьба существа, изменившего свою природу и соединившегося с изначальным светом, – что вполне соответствует древнейшим религиозным представлениям египтян.

В гробнице присутствовали и некоторые другие традиционные предметы погребального инвентаря, например ящик с канопами. Канопы – это сосуды, символизирующие четырех сыновей Хора. В них хранились внутренности умершего, который стал Осирисом. Однако в данном случае один элемент

изменен. Обычно по углам ящика с канопами ставили четыре фигурки богинь. У Эхнатона их заменяют четыре сокола – образы солнечного бога Ра-Хорахти. Фараон, следовательно, пожелал и здесь подчеркнуть «слиянность» Осириса и Ра.

По египетским представлениям, сталкиваясь с необходимостью совершать различные работы в потустороннем мире, воскресшие прибегают к помощи маленьких магических фигурок, *ушебти* (это слово означает «отвечающие»). Фигурки «отвечают» на призыв воскресшего, который посредством особых формул заставляет их исполнить требуемое. Так вот, в Музее искусств Метрополитен хранится ушебти фараона Эхнатона из кварцита, изображающее человека в классической «осирической» позе: со скрещенными на груди руками, которые сжимают «знаки жизни». Эта фигурка отличается от традиционных незначительными деталями: «осирическая» бородка заменена накладной царской бородкой; архаический парик украшен царским уреем.

Старший офицер Хат также имел ушебти, которое ныне хранится в Каирском музее (JE 39590). Фигурка держит в руках две мотыги. На ней надписан текст, в котором Хат просит у «Живого Диска», освещающего все страны, чтобы тот даровал ему сладостное дуновение ветра, долгую жизнь на прекрасном Западе, свежую воду, вино и молоко – для его, Хата, *ка,* то есть бессмертной творческой силы. Все эти пожелания вполне традиционны.

Очень важно, что на всем протяжении амарнской эпохи сохранялась практика мумификации, главная цель которой состояла в том, чтобы превратить смертное тело в тело бессмертное и таким образом обеспечить возможность идентификации индивидуума с космическим существом, Осирисом. Однако на тех амарнских скарабеях, что сохранились до нашего времени (их клали на мумию, и они должны были исполнять функции сердца при превращениях умершего в потустороннем мире), надписана не глава из *Книги мертвых,* как было принято в Египте Нового царства и последующих эпох, но молитва Атону.

Одна тема совершенно отсутствует в религии атонизма – тема подземного, ночного путешествия Солнца, в ходе которого божественное светило сталкивается с опасными испытаниями и подвергается риску быть уничтоженным. Символика Атона – дневная, радостная, светоносная. Она никак не связана с географией потустороннего мира, подробно представленной, например, в настенных росписях гробниц Долины царей и в таких текстах, как *Книга о потаенном пространстве* («Амдуат»).

Но если религия Атона обходит молчанием опасности подземного мира и суд Осириса, она все же уделяет некоторое внимание миру теней. Всякий раз, когда Солнце исчезает на Западе, души верных приверженцев Атона впадают в своего рода летаргический сон, который есть подобие смерти. Им остается лишь ждать утреннего возвращения Атона, которое возродит их к новой жизни. При приближении ночи любая душа обязана войти в свое тело и становится пленницей этой темной и неподвижной тюрьмы. Когда видимое «тело» Солнца исчезает, вселенная застывает. Только благодаря ритуальным действиям фараона, которые сопровождают новый восход Солнца, души умерших возрождаются и становятся живыми душами – спутниками светила в его путешествии по небу.

Хотя блеск Атона совершенно затмил в глазах египтян некоторые аспекты потусторонней жизни, подданные Эхнатона продолжали сооружать для себя гробницы, эти жилища вечности, врата, ведущие из земного мира в мир иной.

Египтяне считали необходимым поддерживать «циркуляцию энергии» между душами и миром живых; они, собственно, и не ощущали никакой пропасти между зримым и сокрытым от взора. В их представлении смерти как таковой не существовало: она была лишь началом серии трансформаций, метаморфоз, подчиняющихся вечным законам. Душа праведника, например, регулярно оживает под лучами Атона и с удовольствием возвращается в сад у своего дома, вдыхает освежающее дуновение ветерка, утоляет жажду прохладной водой.

Душа в образе птицы периодически выходит из гробницы, чтобы, предварительно совершив ритуальное очищение, приветствовать восходящее Солнце и насладиться его светом. Душа в соответствии с обычаем, существующим с самого начала египетской цивилизации, надеется также, что живые будут с уважением вспоминать ее имя, то есть сохранят ее глубинное естество. Помня это имя, наследники умершего человека сумеют обеспечить ее вечную жизнь, принося многочисленные жертвы. Душа будет питаться, но уже не конкретными веществами, а тонкой эссенцией, которая содержится в подносимых ей продуктах и напитках, их жизненной энергией.

Во время жертвенных ритуалов, которые ежедневно свершались в честь Атона, души тоже приглашались на священное пиршество и становились сотрапезниками Бога, занимая свои места на просторном дворе его храма.

Однако практика оформления гробниц в эпоху Амарны претерпела глубокие изменения. Теперь центральной темой «декоративной программы» становится сам Эхнатон; вельможи в

сценах и текстах, украшающих их последние жилища, рассказывают в основном о своих социальных и духовных связях с царем. Они предпочитают сохранять для вечности те эпизоды из своей повседневной жизни, которые были отмечены личным присутствием фараона.

К «вездесущему» образу царя прибавляются образы членов его семьи; в гробничных росписях часто фигурирует Нефертити, сопровождаемая своими дочерьми. Изображения дополняются текстами, благо на стенах гробниц всегда оставалось достаточно места, куда можно было вписать гимны и молитвы Атону.

Члены царской семьи, чья роль в амарнской религии была очень значимой, принимают на себя функции традиционных божеств. Самое заветное желание жителя Ахетатона заключалось в том, чтобы лицезреть царя и царицу, эти воплощения божества, а также самого Атона в миг его восхождения, которое происходит одновременно на небе и в бессмертной сущности солнечной четы.

Были ли у Атона соперники?

Приверженность населения Египта к осирическому культу кажется большинству египтологов неоспоримым фактом. Позволим себе и на этот раз не поверить им на слово. Знаменитые «паломничества» в Абидос, священный город Осириса, никогда не были массовым явлением. Действительно, особо праведные люди посещали этот таинственный и закрытый город, где немногие посвященные принимали участие в мистериях Осириса, – но для большинства египтян содержание последних оставалось неведомым. Мало кто имел доступ и к эзотерическим текстам, в которых разъяснялись осирические мифы и ритуалы. Жители Египта в своем большинстве знали лишь имя Осириса, да еще то, что этот бог гарантировал праведным бессмертие души. «Осирическая лихорадка», характерная для позднего периода египетской истории, множество посвятительных надписей, наводящих на мысль о широких религиозных манифестациях, подобных лурдским, – ничего этого в эпоху Эхнатона еще не было.

То обстоятельство, что Атон заменил Осириса в роли гаранта вечной жизни, возможно, не вызвало у египтян никаких особых эмоций. Вряд ли рядовые жители Египта разбирались в утонченной теологии бога света – как, впрочем, и в теологии Амона. Они довольствовались сознанием того, что сакральные силы продолжают властвовать над повседневностью и что судьбы людей по-прежнему зависят от действий богов.

Умерший перед алтарем с жертвенными дарами. Боковая панель ларца Перпаути и его супруги Ади. Раскрашенная сикомора. Собрание Восточного музея при Даремском университете (Великобритания). Типичное изображение для заупокойного культа, которое при произнесении магической формулы должно было воплотиться в реальность. Интересно, что в этой сцене умерший, его сын (стоит) и алтарь изображены как тени.

Были ли у Атона «соперники» в его собственной столице? Некоторые египтологи полагают, что дело обстояло именно так. Эрман, например, писал: «Когда сегодня, по прошествии нескольких тысячелетий, мы пытаемся представить себе государство амарнской эпохи, то невольно испытываем искушение видеть лишь безмятежный мир, купающийся в солнечных лучах. Молодая царственная чета с маленькими дочерьми, великолепный город с чарующими храмами, дворцы и виллы, сады с прудами – все это в наших глазах окружено ореолом радостной веры, которая будто бы не знала иных чувств, кроме благодарности Творцу, благому и справедливому по отношению ко всем людям, включая чужеземцев. Подобные вещи, если бы они существовали в действительности, следовало бы считать удивительным и редким исключением из мировой истории. Но увы! Радующий нас блеск был только внешним; беды и заботы не обошли стороной амарнский двор. Несмотря на все усилия царя, большинство народа отвергло новую веру и продолжало втайне поклоняться своим древним богам».

Отказаться от взгляда на жизнь в Ахетатоне как на своего рода земной рай и в самом деле необходимо, однако идея Эрмана о *тайном* поклонении египтян прежним богам кажется нам весьма спорной. Царь просто не мог не знать, что часть египетского населения в эль-Амарне и других местах продолжала

религиозную практику своих предков и что большинство его подданных вовсе не отдавали свои сердца исключительно одному Атону.

Жители Ахетатона носили имена, в которых упоминались традиционные божества. Царь никого не принуждал менять такие имена на другие. В ходе раскопок были обнаружены многочисленные амулеты и мелкие культовые предметы, посвященные таким божествам, как Бес, Исида, Тауэрт и даже Амон. В доме некоего Птахмосе, например, находилась стела с восхвалением бога Птаха. Среди золотых украшений, найденных в 1822 году неподалеку от царской гробницы, было одно кольцо с кабошоном, имеющее форму лягушки (богини Хекат), сидящей на скарабее. С внутренней стороны кольца выгравировано имя «Мут, госпожи неба», супруги Амона. Невозможно предположить, что все эти вещи попали в Ахетатон уже после того, как жители покинули город. Следовательно, «народная» религия существовала параллельно с официальным культом Атона.

Весьма спорной оказалась находка Питри: он обнаружил странные маленькие фигурки и интерпретировал их как «скандальные карикатуры на царскую семью». Речь идет об изображениях колесниц, запряженных обезьянами. Каждой колесницей правит возничий, тоже обезьяна, рядом с которым стоит обезьяна-самка. Эхнатон и Нефертити? Маловероятно. Можно сослаться на другие фигурки, тоже изображающие обезьян: зверьки играют на арфе, занимаются акробатикой, едят, пьют. Иконография фигурок скорее соотносится со сказочными сюжетами: это могли быть поделки скульпторов или детские игрушки. Видеть во всех подобных изображениях политическую сатиру на царственную чету было бы абсурдно – тем более что символика обезьяны в Египте не носит негативной окраски. Подвижных обезьянок, животных умных, египтяне приручали и держали на поводке; но в то же время они поклонялись большим обезьянам, павианам, каждое утро приветствующим восход Солнца, и другой обезьяне, которую считали воплощением бога мудрости Тота.

Народные верования сохранялись в Ахетатоне, как и в других городах Египта. «Маленькие люди» оставались верными традиции, хотя с уважением восприняли и появление нового божества, Атона, от которого теперь зависели их счастье и благосостояние. Фараон – это не политическая фигура, а царь-бог. У него не может быть «соперников», поскольку его символическое естество представляет собою ось, связующую небо и землю. Именно через него на всю страну изливается духовное и материальное благополучие. А потому, как бы ни менялись от

царствования к царствованию те формы, в которых предпочитает являть себя божество, это никак не влияет на статус фараона.

Не монотеизм и не политеизм

Так был ли Эхнатон создателем монотеизма?

Вопрос сформулирован неудачно. Два тысячелетия религиозной эволюции Запада породили убеждение в том, что монотеизм есть высшая форма религии, а политеизм давно устарел.

Однако древние египтяне явно не разделяли подобной точки зрения. Да и вообще, монотеизм и политеизм – это две формы догматизма, равно непригодные для выражения природы сакральных сил.

Очень важно понять следующее: египтяне *не верили* – ни в одного бога, ни во многих богов. Они *обладали определенными знаниями* о божественных силах *и экспериментировали,* пытаясь эти знания расширить. Чтобы добиться бессмертия, нужны знания, а не вера. Отсюда – огромное значение в египетской культуре текстов и ритуалов, которые воспринимались как истинная наука о бытии.

Чему же учили священные тексты и ритуалы? Тому, что каждое божество есть выражение Единого, но это Единое не исключает множественности. Монотеистическая концепция единственного бога, исключающая возможность существования других богов, свидетельствует не о прогрессе религиозного сознания, а, напротив, об ущербности восприятия сакрального. В каждом египетском храме почитался *один* бог и его манифестации. «Бог единственный, сам преобразующий себя в миллионы форм, – говорится, например, об Амоне, – в нем заключены все боги».

Египетская «религия», собственно говоря, есть нечто, связующее индивида с сакральным миром – посредством множества путей, которые все ведут к одному центру. Но человек не в состоянии непосредственно увидеть этот центр, ибо не обладает достаточной духовной «компетентностью». Вот почему вера, сколь бы искренней она ни была, не может заменить знание, которое рождается из символической и ритуальной практики.

Эхнатон, конечно, никогда не имел намерения «создавать» монотеизм или бороться против политеизма. Проблема такого типа совершенно чужда египетскому мышлению. Египетская духовность была знанием о циркуляции энергии между Единым и множественностью, между центром и периферией. Каждый

фараон должен был, прибегнув к помощи определенной божественной силы, найти свой путь к этому знанию.

Атон – универсальный бог?

По мнению английского египтолога Гардинера, Эхнатон довольствовался тем, что его личное мистическое учение утвердилось в пределах Амарны, и совершенно не интересовался окружающим миром. Однако выдвигалась и прямо противоположная гипотеза. Разве храмы Атона не строились в Гелиополе, Мемфисе, Гермонте и, без сомнения, также в других регионах Египта? Почему бы не предположить, что Эхнатон пытался создать религию, которая, распространившись на весь Египет, затем приняла бы универсальный характер? «Какая держава мира, – спрашивает себя Вейгал, – могла бы победить империю, уникального бога которой понимают и чтут на всем пространстве от нильских порогов[88] до далекого Евфрата?»

А что если, опираясь на эту гипотезу, попытаться доказать, что «универсалистскую» политику проводил уже Тутмос III, что он «дополнил» свои военные победы религиозной экспансией? Ведь не случайно Аменхотеп III, отец Эхнатона, был восприимчив к различным религиям своего времени и «собирал» в Египте чужеземных божеств?

Атон сделал различными языки и внешние признаки народов, но даровал свои блага всем живым существам. Следовательно, этот бог мог стать ферментом религиозного единения для всех стран, которые поддерживали отношения с Египтом. Так почему бы нам не отказаться от ложной идеи о том, что имперская власть Египта держалась исключительно на военной силе и постоянно находилась под угрозой, и не принять концепцию рождения сообщества народов, основанного на едином культе?

Образ сокола, древний символ солнечного могущества, был по-настоящему понятен только самим египтянам. Быть может, Эхнатон счел необходимым заменить его другим символом, символом Солнечного Диска, потому что значение последнего было доступно для восприятия людей разных стран? Ведь каждый человек понимал благотворность воздействия солнечного света и мог удовлетвориться таким элементарным подходом к объяснению сути божества.

Сегодня подобное «универсалистское» видение Атона представляется нам неоправданно романтичным. Оно предполагает наличие у фараонов стремления к обращению инакомыслящих в свою веру – в то время как египетская религия

никогда не имела миссионерской окраски. Тутмос III, например, хотя жестко проводил колонизаторскую политику, всегда оставлял территориям, которые находились под протекторатом Египта, религиозную автономию.

Конечно, сакральная сила солнечного света универсальна по самой своей природе. Атон – в принципе – не знает границ. Однако сказанное следует понимать именно в метафизическом плане, не превращая Эхнатона в некий анахронический образ фараона – «крестоносца».

Глава XVI
ЭХНАТОН – ДУХОВНЫЙ НАСТАВНИК

Функции владыки Обеих Земель представляли собой неразрывное единство проявлений духовной и светской власти. Священные обязанности и административное управление страной образовывали целостную в своей гармоничности систему, которая и обеспечивала благополучие подданных или, иными словами, присутствие богов на земле.

Царь Египта был одновременно государственным деятелем, жрецом, ученым и посвященным в мистерии. Сама множественность требуемых от фараона компетенций показывает, что трон Египта занимали выдающиеся личности.

Эхнатон не был исключением из правила. Более того, он особо подчеркивал свою роль посредника в передаче людям священных знаний, то есть, по примеру многих своих предшественников, считал себя еще и духовным наставником.

Сразу же после своей коронации Эхнатон принял титул «(самый) великий из видящих» или, согласно другой интерпретации, «видящий Великого [бога]». Это не было случайностью. Избранный фараоном титул, который обычно носил верховный жрец Гелиополя, священного города Солнца, относился к числу самых древних и почетных. Период наибольшей славы гелиопольского жречества был связан с эпохой Древнего царства, то есть датируется временем за много веков до правления Эхнатона.

Тем не менее, царь решился возродить столь далекое прошлое. Приняв титул верховного жреца Гелиополя, новый фараон заявил о себе как о существе, «видящем» (то есть, в соответствии с египетскими представлениями, «созидающем») мир в его целостности.

Эхнатон стал единственным жрецом Атона, или, по крайней мере, единственным лицом, облеченным полномочиями говорить от имени Атона. В тексте одной из пограничных стел, кажется, уточняется, что, если фараон на время покинет столицу, назначенный им верховный жрец не сможет заменить его и принести «великую жертву» в священном дворе главного храма Атона. Царь сам совершит этот важный ритуал там, где будет находиться.

Мегаломания Эхнатона? Вовсе нет. Речь идет о соблюдении традиции фараонов. Один только царь имеет право совершать сокровенную культовую мистерию – приносить абстрактную

жертву божеству. Ведь назначенные царем жрецы суть всего лишь его заместители.

Эхнатон – «дающий познать имя Атона». Никто, кроме него, не знает истинной природы Бога. «Царь, – пишет Франсуа Дома, – был в юридическом и метафизическом смысле наследником и наместником единственного Творца. Он один мог по-настоящему почитать своего Бога, потому что одному ему Бог открыл свои замыслы и свое могущество».

Эта теологическая идея восходит к эпохе пирамид, когда фараон, «средоточие» египетского общества, считался своего рода сосудом, который воспринимает божественную энергию и затем, подобно сияющему солнцу, распространяет ее повсюду.

Эхнатон, сын Бога, был царем-жрецом, как великие фараоны первых времен Египта. Он объявил себя единственным посредником между Богом и людьми – не из тщеславия, но потому, что человеческий индивид слишком ограничен, чтобы открывать врата мира богов. Фараон же не является индивидом. Фараон – это бессмертный дух Египта, живой символ сообщества египтян, «космический человек», в котором каждый индивид находит подобающее ему место.

Эхнатон – одновременно слуга Бога и Бог. Эта реальность отражена в иероглифических надписях («божественных словах»), в которых царь Египта часто обозначается самым скромным из титулов – титулом «слуга». По отношению к Богу царь является самым внимательным и сосредоточенным слугой, умеющим понимать непознаваемое и незримое. Перед людьми же он предстает в блеске и всемогуществе – не потому, что этого желает он сам, но потому, что обязан передать людям то, что получил.

Свет Атона пробудил сознание царя. Долг Эхнатона – поделиться этим откровением с людьми, передать другим свой опыт переживания сакрального. Поэтому он становится духовным наставником. Многие тексты сообщают, что Эхнатон ежедневно беседовал с учениками и пытался объяснить им природу Атона. *«О, как процветает,* – говорит царь, – *тот, кто внимает моему жизнетворному учению, кто всегда направляет взгляд свой на Атона. Всякий, кто внимает ученью моему, – (истинный) слуга; мое сердце умиротворено всем, что ты [Атон] совершаешь для меня».* Царь *«обращает мощь свою против тех, кто игнорирует учение его, милости свои – к тем, кто знает его совершенное жизнетворное учение, внимает ему и действует в соответствии с его законом».*

Что это – позиция тирана или диктатора? Маловероятно, потому что Эхнатон не навязывает другим собственную доктрину, личные впечатления о божестве, но разъясняет общезначимые

теологические принципы, касающиеся природы божественного света. Один вельможа оставил нам следующее признание: *«Эхнатон проводит дни, инструктируя меня, – столь велико мое рвение в исполнении его учения».* А Эйе похвалялся: *«Мой господин возвысил меня, ибо я исполнял его учение; я слышал его голос непрестанно; мои глаза видели его совершенство каждый день. Мой господин, знающий подобно Атону, сделал праведность своим счастьем. О, как процветает тот, кто внимает его жизнетворному учению!»* Скульптор Бек[89] тоже был удостоен многочисленных бесед с царем.

Развивал ли Эхнатон в большей степени, чем другие фараоны, учение о функциях царя? Утверждать это с уверенностью трудно. Несомненно лишь, что он придал учению о царственности более широкую огласку – недаром вельможи в своих гробничных надписях упоминают частные аудиенции, которые получали у царя.

Каждый фараон, по определению, является сыном Ра – солнечного начала. Эхнатон не отрицал этого родства, но дополнил соответствующую концепцию неслыханным заявлением: он является также сыном Атона, вышедшим из плоти Атона; сыном, которому Атон дарует власть над всеми странами. *«Это ты создаешь мир,* – обращается царь к своему богу. – *Каждый видит, как ты царствуешь на небе, но никто не знает тебя – кроме меня, сына твоего от плоти твоей».*

Каждое утро Атон заново создает мир. Природа, которая засыпает и исчезает на заходе Солнца, заменяется другой природой, похожей на прежнюю, но все же иной. Атон начинает с того, что возрождает самого себя, а также царя, свой точный образ на земле. «*Ты порождаешь царя утром,* – говорится в амарнском гимне, – *и в то же время порождаешь твою собственную манифестацию; ты созидаешь его [царя] как твой образ – тогда же, когда созидаешь Диск; царь Правды выходит из Вечносущего».*

Эхнатон, которого облекает царственностью божественное начало (что соответствует традиционным представлениям), становится царем на земле и Атоном в небе. Атон и царь суть два аспекта одного и того же феномена, проявления его потустороннего и земного бытия. *«Пока существует небо со всем, что находится в нем,* – обращается к царю Эйе в надписи из своей гробницы, – *отец твой Атон будет восходить на небе, дабы каждодневно творить твою защиту, потому что он тебя создал».*

На восточной стене той же гробницы (колонки текста 1–5) записана молитва, в которой говорится, что лучи Атона нисходят на его сына, царя. Руки божественного Солнца протягивают

рожденному им ребенку миллионы *хеб-седов,* праздников обновления. Атон постиг заветное желание царя, он его любит и создает как Атона, наделяя вечным сроком жизни. Атон созидает фараона каждый день как свою форму, «строит» его по своему образу и подобию, потому что царь применяет закон Правды и живет Правдой.

Следует обратить особое внимание на эту идею «строительства» посредством света. Во все эпохи фараона воспринимали как своего рода произведение искусства. Сообщество богов «строит» царя как храм, «формует» его на гончарном круге, «создает» как некий шедевр.

Божественный статус Эхнатона подтверждается знаменитым рельефом из царской гробницы в эль-Амарне, изображающим поклонение утреннему Солнцу. Фигура Эхнатона (рядом с ним стоит царица), который обращен лицом к пробуждающейся природе и к воздающим ему почести чиновникам, несоразмерно велика по сравнению с другими персонажами сцены. Фараон явно не принадлежит к миру людей, скорее он напоминает «космического человека» и представляет свой народ в его целостности.

На барельефе, который ныне хранится в Кембридже, мы видим Эхнатона в сопровождении чиновника с титулом «жрец». Значит ли это, что существовал культ обожествленного Эхнатона? В такой гипотезе нет ничего невозможного. Быть может, основатель города Атона пожелал, как позднее Рамсес II, акцентировать дистанцию между земным Эхнатоном и небесным началом царственности, которое в период его правления воплотилось в его личности. В качестве вечного сына Солнца, который каждое утро рождается заново в образе Солнца, то есть в своем божественном аспекте, Эхнатон вполне мог стать объектом ритуального почитания, не имеющего ничего общего с культом личности. Ведь в таком случае почести воздавались бы не индивиду Эхнатону, а «неземной» составляющей личности фараона. Именно в этой перспективе мы должны понимать следующие пожелания, обращенные к царю:

Пусть его богатства будут столь же обильными, как песчинки на побережьях, как чешуйки рыб… Пусть он отпразднует столько хеб-седов, сколько перьев у птиц и листьев на деревьях.

Глава XVII
БОГИНЯ НЕФЕРТИТИ

Имени Нефертити часто предшествует фраза: Нефер-нефе-ру-Атон, «Совершенно совершенство Атона». Царица, следовательно, должна была воплощать в себе «совершенство» бога, обозначенное египетским термином *неферу* (который также переводят как «красота», «благость», «справедливость»). Все то, что называют *нефер,* достигло состояния гармонии, которая не является статичной или инертной. Подобное совершенство подразумевает возможность новой эволюции.

Нефертити носит также эпитет *«ублажающая Атона своим сладкозвучным голосом и своими руками, которые держат систры».* Эта роль великой жрицы-музыкантши вполне традиционна. Обычно ее исполняла начальница женской коллегии служительниц Хатхор – богини, с которой отождествляли Нефертити.

В городе Солнца Нефертити была облечена значительными ритуальными обязанностями. Она активно участвовала в многочисленных церемониях и даже возглавляла некоторые из них. Она, возможно, имела под своим началом особое святилище, «Место отдыха Атона», и руководила обслуживавшими его жрицами.

Однако, без сомнения, этим дело не ограничивалось. В тексте одной из гробниц Ахетатона[90] говорится, что *«Диск восходит, дабы явить свою милость Нефертити, и заходит, удвоив свою любовь к ней».*

«Большой гимн Атону», записанный на восточной стене гробницы Эйе, адресован самому Атону, Эхнатону и Нефертити. Очень важно то обстоятельство, что этот ключевой текст завершается упоминанием «великой царицы, любимой царем», Нефертити. Создается впечатление, что госпожа Египта конкретизирует мысль своего супруга, придавая ей значение вечной реальности. Ссылка на царицу выполняет магическую функцию: усиливает эффективность высказывания, «запечатывает» произнесенные царем слова, превращает весь гимн в цепь откровений, предназначенных для того, чтобы «напитать» человечество светом.

Подчеркнуть таким образом роль царицы – значит предоставить ей место на самой вершине государственной пирамиды, самым непосредственным и явным образом ассоциировать ее с властью фараона. Но это, вне всякого

сомнения, предполагает признание за ней божественного статуса, идентичного статусу Эхнатона. Подобные почести могут воздаваться не исторической Нефертити, но лишь царице в ее сакральной функции, то есть манифестированной небесной силе. Госпожа Обеих Земель на всех изображениях находится рядом со своим супругом, «Единственным для Ра». Атон протягивает ей, как и царю, иероглифы, обозначающие праздники возрождения, *хеб-седы.* Следовательно, она живет вечно и является символическим воплощением вечности на земле.

Имеется и еще одно подтверждение существования богини Нефертити: присутствие статуй царицы в большом храме Атона в Ахетатоне. На каменных фигурах высечены картуши с именами Атона: по два на груди, по два на предплечьях и по одному в центре, поверх пупка. Если существовал культ этих статуй, то они наверняка могли изображать только богиню.

Как и у других цариц, исполнявших функции фараона, имя Нефертити в надписях дублируется. Обращения к ней начинаются с термина *дуа,* «поклонение, моление», который обычно используется только для обозначения действия, выполняемого по отношению к богам или к царю в его божественном аспекте.

Наконец, следует обратить внимание на весьма примечательную иконографическую деталь. Обычно по углам полностью отделанных саркофагов ставили четыре фигурки богинь. В амарнском искусстве их заменили статуэтки Нефертити. Иными словами, царица соединяла в себе черты всех богинь, без которых не могли обойтись осирические ритуалы воскресения. Это подкрепляет нашу гипотезу, согласно которой царственная чета не отвергла осирическое учение, но интегрировала его в символику Атона. Царь и царица – и только они – образовывали настоящий пантеон, заменивший всех богов, которых затмил свет Атона.

Нефертити была одновременно Исидой и Нефтидой, двумя главными богинями осирического мифа. Она была также Хатхор, главной богиней солярного мифа. И, наконец, – по нашему мнению, – она была богиней Нефертити, главной богиней культа Атона, центром которого стала новая столица.

Глава XVIII
ХРАМЫ АТОНА

Большой храм Атона, имевший длину около 800 м по оси запад – восток и ширину 300 м по оси север – юг, был украшением и духовным центром новой столицы Египта. Он располагался перпендикулярно дворцу, сориентированному с севера на юг.

Это здание, которое называлось «Дом ликования Атона», помещалось внутри огороженной территории, именовавшейся *пер-хеб,* «Дом праздника», и напоминало солнечные храмы Древнего царства. Понятие «праздник», в Древнем Египте весьма значимое, играло ключевую роль в культе Атона – бога, каждое появление которого пробуждало радость во всей природе.

К сожалению, сегодня мы не можем увидеть большой храм Атона таким, каким его задумал царь. После смерти Эхнатона здание подверглось полному разрушению; от него не осталось ничего, кроме фундамента. И все же благодаря тому, что строители храма пользовались особой техникой, мы располагаем возможностью достаточно точно представить себе творение Эхнатона.

«Вначале, – объясняет Жак Вандье, – в целинной земле были выкопаны траншеи под фундамент, на том месте, где предполагалось возводить стены. Затем эти траншеи заполнили известковым раствором и наметили, с помощью натянутых шнуров, возможно обмакнутых в черную тушь, точные контуры стен. Почву на всей поверхности, отведенной под храм, тоже покрыли известковым раствором и, когда он застыл, нарисовали на нем контуры всех будущих архитектурных элементов». Этот фундамент с разметкой, после разрушения храма защищенный слоем мусора, сохранился практически в первозданном виде. Таким образом, благодаря чудесному стечению обстоятельств, в нашем распоряжении оказался точный план, нарисованный на слое штукатурки, и мы можем, почти не рискуя ошибиться, реконструировать здание.

Храм Атона разительно отличался от других культовых сооружений XVIII династии. Обычный храм представлял собой анфиладу открытых дворов и залов, которая заканчивалась маленьким темным помещением, наосом, где, собственно, и обитало божество. Один только царь имел доступ к наосу и совершал там каждое утро обряд «реанимации» божества, необходимый для того, чтобы мир людей продолжал

существовать.

Следовательно, традиционный древнеегипетский храм не был доступен для верующих. Некоторые из них допускались в первые залы под открытым небом, но только жрецы имели право вступать в закрытые помещения, общался же с богом один фараон – в самой потаенной части храма.

Храм Атона отвечал иным требованиям. Правда, идея пути к Богу сохранилась – как, соответственно, и анфилада залов. Однако в храме не было затемненных помещений: ни один зал не имел крыши. Ведь истинный храм Атона – это все небо. Его проекцией на земле может быть только здание, открытое навстречу огромному небу, с которого без всяких ограничений льется на землю сияющий свет.

Вступая в большой храм, верующий оказывался на пути, который начинался от монументальных ворот, вел через аллею сфинксов, ряды деревьев, серию небольших пилонов, украшенных шестами с вымпелами, анфиладу больших дворов – и заканчивался самым священным пространством, где были установлены многочисленные алтари.

Эхнатон, подобно Солнцу, всегда оставался зримым. Бог и его представитель на земле общались постоянно, во всех помещениях храма. Их не отделял друг от друга никакой «экран».

Тем не менее, фундаментальная структура этого священного здания не отличалась от традиционной: она определялась идеей продвижения от наружных помещений к внутренним, от внешних ворот к святая святых. Переходы из одной залы в другую были этапами, предваряющими главное действо: принесение жертвы божеству самим фараоном.

Следует отметить две примечательные особенности храма. Во-первых, в нем обнаружили триста шестьдесят кирпичных цоколей – от алтарей, на которые приносили жертвенные дары. Возможно, это число имеет символический смысл и связано с сакрализацией времени и пространства, единственным повелителем которых считался Атон: дело в том, что египетский год состоял как раз из трехсот шестидесяти культовых дней (плюс пять дополнительных дней, отмечавших переход от старого к новому году).

Во-вторых, в храме находилась большая стела с изображением Эхнатона и членов его семьи, поклоняющихся Солнцу. Эта стела выполняла функцию пирамидального камня из гелиопольского храма: Эхнатон заменил древний символ образами себя самого, своей жены и дочерей.

Связь с гелиопольской традицией прослеживается вполне отчетливо. Средоточие большого храма Атона, то место, где

божество «ликует», именовалось *хут бенбен,* «Двор бенбена»; бенбеном же называли камень, который первым поднялся из первобытных вод, священный центр Обеих Земель, пребывающий в святая святых великого храма Гелиополя. Именно на этот таинственный камень впервые поднялось Солнце – в самом начале времен. На нем же отдыхал и Феникс – птица света, олицетворяющая бессмертие духа. Эхнатон возродил эту очень древнюю символику, соединив образ Атона с великой солярной традицией времен египетского «золотого века». «Новый» культ в действительности был возвращением к заре цивилизации, когда впервые возникло учение о свете, нашедшее выражение в строительстве самых гигантских бенбенов – пирамид.

В большом храме Атона размещалось множество статуй обожествленных царя и царицы. Его стены были покрыты рельефами, которые в основном изображали принесение жертв Атону солнечной четой. От всего этого великолепия до нас дошли лишь жалкие фрагменты; впрочем, они позволяют предполагать, что в храме находились и колоссы – без сомнения, похожие на карнакские и изображавшие Эхнатона в образе Атона, как «отца и мать» всех живых существ. Вероятно, большая часть статуй представляла Эхнатона и Нефертити стоящими перед алтарем или исполняющими другие действия, связанные с повседневным культом.

Храм, как и всегда в Египте, был одновременно сакральным и экономическим центром города. Вокруг ограды здания, согласно макету-реконструкции, который можно увидеть в Луксорском музее, располагались склады, улица ремесленных мастерских, пивоварня; земледельцы доставляли сюда домашнюю птицу. Все, что производила земля Египта, сначала попадало в храм, а затем, получив сакральный статус, распределялось среди населения.

«Верховный жрец» Атона Мерира, очевидно, исполнял также должность главного управляющего храма. В своей гробнице он изображен рядом с царем во время инспекционной поездки. Он показывает Эхнатону различные части храма, хранилища, хлевы, мастерские.

Налаженное функционирование хозяйства центрального храма было непременным условием процветания всего Египта. Эхнатона ни в коей мере не следует считать оторванным от земных дел мистиком – в этом смысле он мало чем отличался от других фараонов. Культ Атона, как, впрочем, и культ любого другого божества, требовал, прежде всего, сооружения храма, который, помимо чисто культовых помещений, включал бы в себя целый «священный город», средоточие главных органов хозяйственного организма страны.

Ремесленники и представители других (самых разных) социальных слоев были интегрированы в сакральную реальность храма. Вот почему на его стенах можно увидеть, например, изображения солдат из колесничного подразделения, направляющихся вместе со своими колесницами и лошадьми к святилищу Атона. К ним присоединяются нубийцы, музыканты из гвардии, певцы, флейтисты, лютнисты: они, как и все люди, получающие жизнь от Атона, желают принести богу благодарственную жертву.

Некоторые фрагменты, если мы не ошибаемся в их интерпретации, позволяют заключить, что во внутренних помещениях большого храма Атона попадались и изображения царской семьи в интимной обстановке – например, в момент, когда супруги наслаждаются прохладой в тени беседки из виноградных лоз. Подобное нововведение, если оно действительно имело место, можно объяснить тем, что Эхнатон и Нефертити считали себя божественными сущностями, достойными того, чтобы их облик был запечатлен внутри священной ограды.

Теория, согласно которой Атон получил в дар от царя только один город и один храм, неверна. Конечно, Атону необходимо было посвятить «девственное» место, свободное от каких бы то ни было прошлых влияний. Однако, когда строительство главной резиденции бога завершилось, для него стали создавать и другие святилища. Помимо Фив, где храмы Атона продолжали функционировать, можно сослаться на Гелиополь, Мемфис, города Дельты; без сомнения, по одному храму существовало также в Нубии и в Сирии. Это – нормальный ход событий, если учитывать, что мы говорим о главном боге страны. Известно, что в правление Эхнатона мастера работали по всему Египту, от северной до южной границ, и даже в провинциях, подчиненных египетскому контролю.[91]

В подобной практике нет ничего необычного, но она доказывает – если нижеследующее утверждение вообще нуждается в доказательствах – что власть Эхнатона распространялась на всю территорию Египта. Образ Эхнатона как монарха, обрекшего себя на добровольное заточение в таинственном городе и окруженного врагами, не соответствует действительности. После завершения строительства Ахетатона фараон пожелал, чтобы Атон присутствовал и во многих других храмах (в качестве «гостя» местных божеств).

Однако столица всегда оставалась главным центром солнечного культа – потому, что там находилась царственная чета.

И еще одна деталь, касающаяся большого храма Атона: возможно, источником вдохновения для его строителей послужило святилище вытянутой формы, сооруженное Тутмосом I в Карнаке. Святилище стало ядром храма Амона, который затем стал развиваться независимо от первоначального плана. Не захотел ли Эхнатон и здесь дойти до самых истоков, восстановить древнейшую, «первобытную» форму храма?

Глава XIX
ПОВСЕДНЕВНЫЙ КУЛЬТ

Эхнатон назначил верховным жрецом Атона человека, чье имя мы уже упоминали: Мерира, «Возлюбленного Ра». (Кстати, само это имя еще раз подтверждает наличие непосредственной связи между Ра и Атоном.) Мерира имел гробницу в Ахетатоне. Однако в сценах из этой гробницы жертвы Атону приносит не он, а царь, царица и две их дочери – Меритатон и Макетатон. Над солнечным диском помещается единственное известное в египетском искусстве изображение радуги.

Этот верховный жрец был, без сомнения, главным управляющим большого храма Атона, а значит, следил за подготовкой церемоний и за их исполнением. Отправлять культ в его целостности мог только фараон, который, как мы уже говорили, принял титул верховного жреца Гелиополя – «(самый) великий из видящих».

Судя по изображениям на талататах, Эхнатон один приносил жертвы, но при этом ему ассистировали первый жрец царя-бога, главный жрец-чтец (специалист по ритуалам) и «(самый) великий из видящих» – жрец, которому царь передал свой собственный титул.

Культовая церемония состояла из двух основных частей: шествия к главному алтарю через анфиладу залов, с остановками перед менее значимыми алтарями, и «свершения великого жертвоприношения» перед главным алтарем с обильной снедью. Египетский термин для жертвоприношения, *семаа аабет,* указывает на связь этого акта с понятием праведности.

По реконструкции Бадави часть жертвенников располагалась в северной, а другая – в южной части храма; одни из них использовались в ритуалах, сопровождавших восход Солнца, а другие – в ритуалах, отправлявшихся на закате дня. Каждый день года, полностью ритуализированного, становился выражением могущества Бога – подателя духовных и материальных благ.

Танцы и пение составляли неотъемлемую часть культа. Музыканты и музыкантши образовывали религиозную касту, инициированную в определенные ритуалы; их задача заключалась в том, чтобы привести человеческие души в согласие с душами богов. Любопытно, что музыканты не должны были видеть Атона и носили повязку, которая оберегала их глаза от палящих лучей и помогала сосредоточиться на своем искусстве; музыкантши, напротив, такой повязки не имели – без сомнения, по причине

своей близости к небесному «Золоту».[92] Диск питался нематериальной субстанцией музыки и пения – утонченной жертвой, которая проникала непосредственно в его естество и способствовала гармоничному излучению божественной энергии, гарантирующему благополучие на земле.

За этой оживленной и радостной фазой ритуала наступала фаза тишины и созерцания – когда Диск поднимался на востоке. Царь и царица (которым подражали все присутствующие), затаив дыхание, смотрели, как первый солнечный луч пронзает тьму, а затем провозглашали рождение светила, столь могущественного, что оно вот-вот заселит живыми существами весь мир.

То, что мы описали, представляло собой значительное упрощение традиции. Так, в Карнакском храме фараон, свершая рассветный ритуал (наиболее сложный из всех), сначала открывал двери наоса и будил бога. Затем он читал длинный текст, который должен был – каждый раз заново – сделать присутствие бога на земле максимально эффективным.

Ритуалов такого типа в Ахетатоне уже не было. Тем не менее, сохранялось центральное действо культа: жертвоприношение. Фараон возглашал имя Атона и подносил Богу Маат («Правду»).[93] Приношение Маат означало «возмещение» богу-творцу того закона жизни, который он открыл людям.[94] «Невозмещение» было бы равносильно искажению закона. Фараон обязан был «возместить» Творцу его благодеяния. Религия атонизма сохранила, хотя и в упрощенной форме, эту фундаментальную идею, на которой строится вся египетская цивилизация.

Атон и фараон, его представитель на земле, равно зависят от Маат, универсального закона. Эта мысль, четко выраженная в тексте пограничных стел, постоянно воплощалась в культовой практике. Считалось, что только при условии уважения закона Маат жертвоприношения бывают эффективными и обеспечивают процветание Египта.

Религия Атона не отрицала и другой традиционной идеи – идеи высокой значимости слова. Формулы сакрализации, пусть и упрощенные, по-прежнему должны были произноситься вслух. Заветное желание тех, кто поклонялся Атону, заключалось в том, чтобы услышать голос фараона в храме камня *бен-бен:* ведь все, что говорит царь, обязательно сбывается. Потому-то он и должен пользоваться словом, хранителем которого является, чтобы привлекать к алтарю лучи Атона.

«Приватные» формы культа

Многие амарнские тексты доказывают, что религия атонизма сохранила фундаментальное понятие *ка* – созидательной энергии нечеловеческой природы, которая может воплощаться во все живое, не трансформируясь в процессе своих манифестаций. Поэтому после смерти человеческое существо «возвращается к своему *ка»,* к первобытной энергии, из которой оно произошло и которую более или менее удачно использовало в период своего пребывания на земле.

Религия Атона не только не изменила традиционных представлений об элементах личности *(ба, ка,* имя), но даже способствовала развитию «приватного» культа, следы которого были обнаружены в домах жителей города Солнца. Эти люди поклонялись уже не предкам или традиционным божествам, а царственной чете, которая приносит жертвы Атону и получает от него жизнь. Как можно убедиться, посетив зал Атона на первом этаже Каирского музея, некоторые горожане имели у себя дома настоящие наосы в форме фасада храма, которые служили жертвенниками для отправления культа царской семьи – священного посредника между человечеством и Атоном. В соответствии с символикой, принятой в амарнском искусстве, наиболее распространенным объектом почитания была триада: Эхнатон, Нефертити и одна из их дочерей.

На маленьких памятниках из известняка, защищенных деревянными створками, мы видим изображения царской семьи в спокойной, домашней обстановке. Например, супруги играют со своими дочерьми под защитой солнечных лучей.

Изготовлялись также статуэтки (некоторые – на пьедестале в форме буквы «L»), представлявшие Эхнатона. Царь изображался стоящим на коленях, с руками, поднятыми, чтобы приветствовать Атона при его восхождении на небо. Статуэтка монарха обычно сочеталась с маленькой стелой, на которой были выгравированы царские картуши, освещаемые лучами Атона (касаясь имен фараона своими лучами-руками, Бог сообщает им жизнь). Под картушами – связанные узлом характерные растения Верхнего и Нижнего Египта, древнейший символ неразрывного единства Обеих Земель. Еще ниже – изображения представителей чужеземных народов (нубийцев, ливийцев, азиатов) в позе подчинения египетскому царю.

Итак, частные лица, многие из которых продолжали поклоняться традиционным богам, могли также иметь у себя маленькие памятники, напоминавшие о сути культовой практики и теологии атонизма (в том их аспекте, что был непосредственно связан с царской семьей).

Глава XX
ЦАРСТВЕННЫЕ СУПРУГИ И ИХ ДОЧЕРИ

Фараон – космическое существо. В нем соединены мужское и женское начала. Что касается египетского государства, то верховную сакрализованную власть в нем осуществляет царствующая *чета.* Эту вечную для Египта истину Нефертити и Эхнатон олицетворяли с особой наглядностью.

Лучи Атона, божественного Солнца, на изображениях освещают не одного Эхнатона, но Эхнатона и Нефертити. Правда, тексты утверждают, что царь, служитель Атона, является единственным, кто поистине знает Небесного Отца. Однако царица, благодаря супружескому единению, разделяет это трансцендентное знание. Эхнатон и Нефертити неразделимы, подобно Ра и Хатхор. В частных молельнях, как мы уже говорили, горожане приносили свои жертвы Атону, пользуясь посредничеством царственной четы, которая была единственным связующим звеном между вселенной богов и миром людей.

Ни в эпоху Древнего царства, ни в эпоху Эхнатона человек не мог обращаться непосредственно к божеству. Слишком большая пропасть отделяла индивида от божественной реальности. Только фараон, который обладает одновременно небесным и земным естеством, обеспечивает благотворное присутствие бога (полностью сохраняющего свою небесную природу) на земле. Войти в контакт с божественными силами возможно только через царственную чету. Поэтому царь и царица участвуют во всех важных событиях своего правления – как гражданских, так и религиозных.

Эхнатон и Нефертити выказывают свою взаимную любовь, обнимая друг друга, – даже на глазах у собравшихся людей. Речь идет не о простом выражении привязанности, но о настоящем ритуале. Лучи Атона «обнимают» страну, Атон держит царя в объятиях своих лучей-рук,[95] Эхнатон же сжимает в объятиях Нефертити. Этот жест показывает, как справедливо отметил Клод Траунекер, что фараон «живет Правдой» – универсальным законом, который воплощен в его любимой супруге и которого ни время, ни люди не в силах изменить.

В своих «вечных жилищах» египтяне никогда не изображали профанные сцены. Если там представляли повседневную жизнь, то лишь для того, чтобы перенести ее в потусторонний мир. Обнимая друг друга, царь и царица совершают магический акт, символизирующий любовь, которая соединяет Свет и его

творение.

Иногда мы видим изображения обнаженных царственных супругов: они сидят за пиршественным столом (гробница Хуйи), одевают на себя украшения (гробница Эйе), направляются к храму (гробница Ахмеса). Египтяне не ощущали никакой неловкости при виде обнаженного тела. На полях нередко работали без одежды. В святая святых храма царь, чтобы встретиться с Богом в его абстрактной форме, вступает обнаженным. В том, что члены царской семьи в своих частных апартаментах не носили одежды, нет ничего необычного. Но то, что подобные интимные сцены становились предметом изображения, является характерной чертой именно амарнского искусства. Нефертити и Эхнатон, видимо, желали подчеркнуть – и таким способом тоже, – что ничто не отделяет от божественного света царскую чету.

В представлении Эхнатона его семейная жизнь была наиболее совершенным символом божественной жизни. Она давала людям Египта пример такого повседневного бытия, которое подобает праведному человеку, желающему обрести внутреннее видение Атона. «Супружеская любовь, – пишет Пиренн, – есть, следовательно, высшая манифестация божества. Вот почему царь не только не прятал свою интимную жизнь от подданных, но всегда появлялся перед народом в сопровождении супруги и открыто демонстрировал свою нежность к ней».

На большинстве изображений бог Атон, манифестированный в образе Солнца, неразделим с сакральной сущностью, которую составляют царь и царица. Эхнатон и Нефертити – верховный жрец и верховная жрица нового солнечного культа; они вместе совершают культовое служение ради благополучия и процветания Египта. Чтобы Атон не остался абстрактной идеей, действенной лишь в мире богов, царь и царица должны сделать его могущество ощутимым для всей вселенной. Воля Творца реализуется через посредство царской четы; жизнь, которую он дарует человечеству, может быть «вручена» последнему только царем и царицей.

Итак, сцены, в которых супружеская любовь играет первостепенную роль, далеко не случайны; они имеют вполне определенный теологический смысл: показывают, что любовь царя и царицы открывает путь к гармоничному существованию всего египетского сообщества.

Жить в Амарне значило наслаждаться светом царственной четы. И знать, что духовным средоточием города Атона являются жертвоприношения Солнцу – именно они позволяют небесному светилу каждое утро заново создавать мир. Если мы не ошибаемся в своей интерпретации, царь всегда приветствовал

утренний свет, а царица – вечерний. Таким образом, супруги олицетворяли собой полный суточный цикл, соответствующий космическому циклу.

Шесть дочерей

У Эхнатона и Нефертити не было сыновей. Воспринимали ли они это обстоятельство как личную драму? Были ли разочарованы отсутствием наследника? Может быть, но с уверенностью утверждать подобное нельзя. Наследник трона не обязательно избирался из числа царских сыновей.

Нефертити произвела на свет шесть дочерей. Три первые, Меритатон, Макетатон и Анхесенпаатон,[96] родились в Фивах – до шестого года правления и, следовательно, до переезда в город Солнца. Четвертая, Нефер-неферу-Атон, родилась в Ахетатоне между шестым и девятым годами. Две последние, Нефер-неферу-Ра и Сетеп-эн-Ра, родились между девятым и двенадцатым годами.

Уже простое прочтение этих имен позволяет констатировать, что до девятого года царских детей посвящали Атону. Магическим защитником имен тех девочек, что родились позже, является Ра. Такая эволюция заслуживает внимания и противоречит гипотезе, согласно которой «нетерпимый» и «фанатичный» Атон исключал присутствие всех других богов.

Во всех шести именах фигурирует божественный Свет – сначала Атон, потом Ра. Это – главный элемент каждого имени, который и гарантирует вечное существование его обладательнице.

С царскими дочерьми связано несколько тайн. Самая интригующая из них касается физического облика девочек. На некоторых изображениях маленькие принцессы обнаруживают характерную физическую черту: выраженную долихоцефалию, то есть совершенно необычную удлиненную форму черепа.

По этому поводу предлагалось много интерпретаций. Думали, например, что художники, движимые эстетическими побуждениями, намеренно преувеличивали анатомическую особенность, свойственную царской семье; говорили, что изображены, возможно, вовсе не удлиненные черепа, а большие тесно прилегающие шапки или какие-то иные модные головные уборы. Выдвигалась даже гипотеза о хирургической операции, делавшейся якобы в ритуальных целях, – искусственном удлинении черепа, который затем должен был бы символизировать высокую духовность своего обладателя.

Некоторые африканские народы действительно производили подобные «растягивания», и именно по религиозным соображениям.

Мы не верим, что все дочери Эхнатона страдали патологической деформацией черепа; «хирургическая операция», как нам кажется, плохо согласуется с египетской ментальностью времени XVIII династии. Напротив, сама символика удлиненного черепа могла привлекать Эхнатона – что, вероятно, и побудило царя запечатлеть ее художественными средствами.

Со второй тайной, кажется, разобраться легче. Почти во всех текстах, где упоминаются дети царствующей четы, уточняется, что шесть принцесс являются дочерьми Нефертити, однако имя их отца не называется. Некоторые исследователи делают на основе подобных умолчаний грубый вывод: учитывая «патологическую» внешность царя, они утверждают, что Эхнатон был не способен иметь детей, и что имя настоящего отца шести принцесс тщательно скрывалось.

Однако амарнское искусство противоречит такой интерпретации, опирающейся на ложную гипотезу о болезни царя. Оно свидетельствует о непритворной нежности Эхнатона к его детям. Проявления отцовской любви фараона можно отнести к числу самых явных и искренних.

Рождение каждого ребенка в царской семье воспринималось как божественное благословение, как манифестация божественного Света. Потому даже жителям Ахетатона милостиво предоставляли возможность созерцать сцены так называемой «частной» жизни царственных супругов. Эхнатон и Нефертити всячески подчеркивали свои роли отца и матери. Художники должны были запечатлевать многочисленные счастливые моменты, когда родители выказывали глубокую нежность к своим дочерям.

До эпохи Эхнатона царская семья считалась воплощением священного достоинства; любая фамильярность или сентиментальность в ее изображениях или текстах о ней были совершенно неуместны. Эхнатон не отказался от древних ценностей, но изменил средства их выражения. Ведь если семья действительно священна, то почему не показать любовь мужа к своей жене, любовь отца к своим детям?

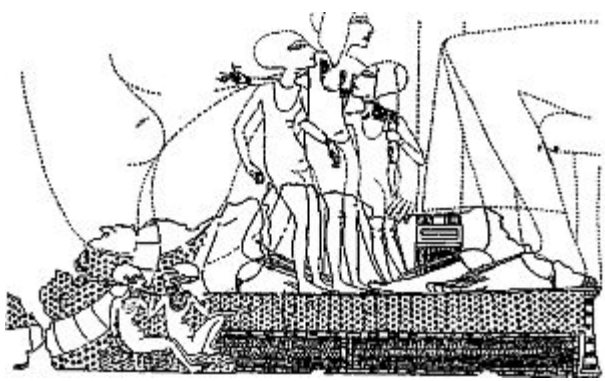
Амарнская формула клятвы хорошо передает подобное состояние духа. Чтобы подкрепить свои слова, царь говорит: «Это так же верно, как то, что мое сердце радуется царице и ее детям».

На одном поврежденном барельефе сохранилась трогательная сцена: царица, сидя на коленях царя, держит на руках одну из своих маленьких дочерей. Скромная статуэтка

запечатлела другой интимный эпизод: Эхнатон ласково обнимает невысокую женскую фигурку. Долгое время исследователи видели в последней одну из его дочерей; но, может быть, правильнее было бы отождествить ее с самой Нефертити.

В гробницах влиятельных придворных встречаются изображения не только царственных супругов и их детей, но также родителей фараона, Аменхотепа III и Тийи. Сколь новаторскими ни были бы используемые здесь художественные средства, не стоит забывать, что сама тематика изображений – ритуальная и вполне традиционная для Египта.

На очень многих стелах концепция семьи выражена с помощью всего трех персонажей, поклоняющихся Солнцу: Эхнатон (самая большая фигура), позади него – фигура поменьше, Нефертити, и, наконец, самая маленькая фигурка – одна из их дочерей. Одна из рук, которыми заканчиваются солнечные лучи, подносит к устам царя и царицы знак жизни; другая рука «намагничивает» голову Нефертити. Подобные композиции имеют строго геометрическую структуру, что акцентирует идею божественного единства, которое воздействует на мир людей через посредство семейной триады.



Реконструкция фрагмента настенной росписи из центрального дворца в эль-Амарне. Принцессы играют у ног своих родителей. Пунктирными линиями обозначены предполагаемые восстановления. Именно эту сцену описал В. Набоков в «Лолите» (часть первая, глава 5): «Вот две из еще несозревших дочек Ахнатона и его королевы Нефертити, у которых было шесть таких – нильских, бритоголовых, голеньких (ничего кроме множества рядов бус), с мягкими коричневыми щенячьими брюшками, с длинными эбеновыми глазами, спокойно расположившиеся на подушках и совершенно целые после трех тысяч лет».

Маленькие принцессы получили традиционное образование,

представлявшее собой чередование игр и работы. У Макетатон были примечательные игрушки: миниатюрная писцовая палетка, каламы для письма. Вообще в Египте девочки, как и мальчики, учились читать и писать. Некоторые из них даже осваивали «культуру» писцов.

Чересчур поверхностное знакомство с амарнским искусством может навести нас на мысль, что Эхнатон, этот крайний индивидуалист, отказался от блеска, окружавшего древних царей, и предпочел вести жизнь простого человека, банального отца семейства. Думать так – значит забыть, что Эхнатон был, прежде всего, фараоном, то есть царем, ритуальным образом возведенным на престол, инициированным в мистерии и облеченным всем духовным наследием своих предков. Эхнатон превосходно сознавал, что не является индивидом, как другие, и что все его действия имеют значение моделей поведения.

Обилие изображений царской семьи было обусловлено метафизической концепцией, а не субъективным вкусом: ведь, с точки зрения царя, божественный поток изливается на землю только через семейную общность.

Интимные сцены из жизни царской семьи, представленные на барельефах, носят чисто ритуальный, а не анекдотический характер. Изображается *священная* семья. Она обеспечивает присутствие на земле божественных сил, и потому, собственно, трудно говорить о каких-либо различиях между «семьей» богов и воплощающей ее царской семьей. В соответствии с ясно выраженной божественной волей граница между двумя мирами упраздняется. Утверждаются не подлежащие изменению отношения между фараоном и божеством – уже не силой и суровостью, которые были свойственны Древнему царству, а нежностью и умением радоваться жизни, присущими счастливой семье.

Остается упомянуть еще об одной смелой гипотезе, которую не следует безоговорочно отвергать: не может ли быть так, что в мире, где первенствующую роль играла символика, Эхнатон и Нефертити намеренно акцентировали женское начало и число шесть, на самом деле не отражавшее реальное количество их детей? У некоторых египтологов сложилось убеждение, подкрепленное пока достаточно скудными свидетельствами, что Тутанхамон был сыном Эхнатона от Нефертити или одной из второстепенных жен. Этот факт мог считаться не заслуживающим упоминания в официальных надписях – потому, например, что Атон пожелал возвеличить именно женское начало в лице царицы и ее женского потомства.

Соперница Нефертити?

Для многих людей Эхнатон и Нефертити являются образцом идеальной пары, объединенной любовью, которая противостоит всем невзгодам.

Однако недавнее появление – в сфере внимания египтологов – некоей Кийи заставляет нас подвергнуть сомнению этот притягательный образ. Эхнатон, оказывается, имел вторую жену. Так что же, нам следует забыть о совершенной любви между царем и царицей? Не будем торопиться и попытаемся проявить осмотрительность. Кийа действительно существовала. Она носила титул «супруги царя», который, правда, нередко бывал лишь почетным наименованием.

Имела ли она близкие отношения с Эхнатоном? Это весьма маловероятно. Египтяне не возвели моногамию в закон, но мы не располагаем ни одним достоверным примером, который подтверждал бы наличие у них бигамии. Что касается фараонов, то они вели семейную жизнь с «великой супругой царя», которая считалась единственной царицей Египта. При дворе жили и «второстепенные» супруги; некоторые из них были иноземными принцессами, отданными замуж за фараона ради скрепления мирного договора.

Быть может, именно такова была судьба Кийи, но тому нет никаких доказательств.

По правде говоря, мы мало что знаем об этой Кийе. Некоторые даже думают, что «Кийа» – второе имя Нефертити, но такая точка зрения плохо согласуется с дошедшими до нас свидетельствами. Имя Кийи никогда не сочетается с титулом «великая супруга царя» и не заключается в царские картуши. Когда Нефертити исчезает из изображений, Кийа не занимает ее место.

Некоторые специалисты по амарнской генеалогии находят гипотезу о существовании царской супруги Кийи удобной. Не была ли она матерью еще одной дочери Эхнатона и, может быть, даже матерью Тутанхамона?

Точных ответов на эти вопросы, к сожалению, дать нельзя. На памятниках, где фигурировало имя Кийи, оно было изглажено или заменено другим. Как будто не заслуживало того, чтобы его помнили последующие поколения.

Как бы то ни было, Кийа не причислялась к царской семье. Мы не видим ее в тех культовых сценах, где Эхнатон и Нефертити свершают свое служение, озаренные любовью Атона.[97]

Глава XXI
ЖИЗНЬ В АХЕТАТОНЕ

Повседневная жизнь в городе Солнца была подчинена ритму ритуалов, свершаемых в честь Атона. Царь, царица и их дочери ежедневно покидали пределы своего великолепного дворца и направлялись к большому храму. Горожане часто могли видеть, как проезжают по дороге их властители: стоя на ногах, иногда обнявшись, на позолоченной колеснице, которая сияла подобно дневному светилу. «Жизнь, процветание, здоровье!» – кричала толпа, в то время как царь одной рукой правил, а другой поддерживал за плечи супругу.

Эта поездка на колеснице сама по себе имела значение ритуала – перехода от бренного пристанища царя, его дворца, к вечному жилищу Бога, большому храму. Кроме того, выезд на колеснице позволял продемонстрировать самым эффектным образом священное единство солнечной четы (которая представала взорам зрителей, залитая светом лучей Атона).

И действительно, с точки зрения египтян, Эхнатон и Нефертити были воплощениями божественных сил. Иными словами, приветствуя их, жители города Солнца приветствовали настоящих богов. Подтверждением такой интерпретации может служить одна иконографическая деталь рельефа из гробницы Ахмосе. Стоя на колеснице, запряженной двумя конями с султанами из страусовых перьев, царица обратила лицо к царю, который ее обнял. На этот раз мы видим рядом с ними одну из принцесс: опершись на передок повозки, девочка смотрит прямо перед собой. Лучи Солнца, заканчивающиеся человеческими руками, подносят знак жизни к слитым в ритуальном поцелуе устам. Более того, одна из солнечных рук касается конской уздечки. А значит, Атон лично правит колесницей; не что иное, как божественный Свет задает скорость и направление ее движению.[98]

Наблюдая эту «процессию» в колеснице, население города Солнца приобщалось к культу Атона. Проехав по «царской дороге», главной транспортной артерии Ахетатона, царь и царица вступали на священную территорию храма.

После окончания ритуала царственная чета возвращалась во дворец. Там Эхнатон давал многочисленные частные аудиенции (в числе прочих лиц – своим ученикам). Фараон много общался со своими главными помощниками. Покидая пределы дворца, он иногда разговаривал и с рядовыми жителями столицы. Многие

горожане могли, при том или ином случае, услышать царские наставления, которые касались светоносной и жизнетворной природы Атона. Нефертити тоже участвовала в вероучительской деятельности супруга, осуществлявшейся в основном в ходе публичных аудиенций.

Одной из самых типичных сцен амарнской жизни было «явление» царя в его лоджии, помещавшейся над мостиком, который соединял жилую и официальную части дворца. Подобно Солнцу, которое поднимается на горизонте и пронзает своими лучами неопределенные краски утреннего неба, Эхнатон любил показываться народу. Стоя в этой лоджии, он бросал ожерелья из золота, солнечного металла, чиновникам, которые верно служили империи. Эйе, например, запечатлел в росписях своей гробницы милости, которых его удостоил Эхнатон. В тот день, когда этот вельможа получал награду из рук фараона, в городе царило радостное оживление: люди собирались отовсюду, чтобы полюбоваться на прекрасное зрелище; дети бегали и кричали. Каждый восклицал: «Это для Эйе! Фараон осыпает его золотом и сокровищами!»

Прорись рельефа из гробницы Панехси в эль-Амарне. Эхнатон (на первой колеснице), Нефертити (на второй) и их дочери (на третьей и четвертой) совершают свой каждодневный выезд из Северного дворца к Большому храму Атона в центре Ахетатона. Их сопровождают придворные на колесницах и пеший эскорт.

На стеле, хранящейся в Каирском музее, домоправитель Ани изображен в момент после окончания подобной церемонии. С четырьмя только что полученными золотыми ожерельями на шее он разъезжает в колеснице по столичным улицам, чтобы продемонстрировать всем свое безграничное счастье. По этому случаю Ани надел свои лучшие одежды – великолепное белое платье и парик, увенчанный благовонным конусом.[99] Вельможа испытывает глубокое удовлетворение: ведь награда, которую он получил, свидетельствует о том, что царская семья его очень ценит. Колесницей правит не он, а другой человек, чье имя тоже сохранилось: Тиаи. У последнего удлиненный череп (в

соответствии с одной из амарнских эстетических систем), тогда как сам Ани изображен в более «классическом» стиле.

Подобные сцены награждений не являются чисто «протокольными». В действительности они имеют сакральный характер. Не только золото считалось «продуктом» божественного Солнца, воплощением его света, но и «окно явлений» воспринималось как «небесное окно» – то самое, что упоминается в древнейших религиозных текстах. Через это отверстие космической природы изливается на землю солнечный свет. Эхнатон, таким образом, отождествляется по своей функции с созидательной энергией, которая дарует жизнь, – в виде металла, содержащего в себе солнечный свет.

Во время этих торжеств, а также концертов на открытом воздухе и пиршеств для народа, Нефертити всегда находилась рядом с Эхнатоном. Именно царская чета в ее целостности расточала милости своим верным слугам.

Культ, публичные и частные аудиенции, церемонии награждений – такова была жизнь в городе Солнца, где царь, как бы бдительно ни охраняла его личная гвардия, всегда оставался доступным для своих подданных. Храмовые служащие, ремесленники, торговцы, неквалифицированные работники жили в Ахетатоне точно так же, как и в других городах Древнего Египта: каждодневный, иногда очень тяжелый труд чередовался с многочисленными периодами отдыха.[100] Только теперь традиционные праздники были заменены частыми публичными «явлениями» царской семьи и другими приятными церемониями.

Царская трапеза, изображенная в гробнице Хуйи, домоправителя царицы-матери Тийи, производит чарующее впечатление. Слуги вносят в обеденную залу дворца разнообразные вкусные блюда, в то время как музыканты «дают концерт», играя на арфах и лирах. Традиция блестящих фиванских пиршеств не была забыта – как, впрочем, и фиванская мода. Элегантные дамы, переехав в Ахетатон, продолжали состязаться в изяществе и красоте. Для своих платьев они предпочитали выбирать самые тонкие, почти прозрачные льняные ткани, которые позволяли видеть плавные изгибы их тел. Из аксессуаров более всего ценились сложные парики, ювелирные украшения, бахромчатые шарфы-пояса.

В самом богатом квартале Ахетатона располагалось много роскошных вилл, ни в чем не уступавших своим фиванским аналогам. Водоемы и сады сообщали городу Солнца то ощущение радости жизни, которое египтяне во все эпохи считали одним из главных компонентов счастья.

За все время правления Эхнатона ни один неприятный

инцидент не потревожил мирной жизни столицы. Во всяком случае, тексты ни о чем подобном не упоминают. У нас нет свидетельств, даже косвенных, о каком-либо возмущении против власти фараона. Это значит, что царская чета правила во взаимном согласии, и что культ Атона практиковался в спокойной обстановке.

Жители Ахетатона вели безмятежное существование, мало чем отличавшееся от жизни фиванцев. Единственное отличие состояло в том, что здесь, в столице, совершались церемонии в честь божественного Солнца, которые ежедневно привлекали толпы народа в центральный квартал, где располагались храм и царский дворец.

Глава XXII
ЛЮДИ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ ЦАРЯ

Для того чтобы реформировать религию, создать новое искусство, построить столицу, Эхнатон (как, впрочем, и всякий фараон) должен был окружить себя группой советников, друзей и чиновников высших рангов. Поэтому воображение подсказывает, что он, наверное, устроил грандиозную «охоту на ведьм», желая избавиться от противников и оппозиционеров и заменить их своими верными учениками, которые проводили бы целые дни, воскуряя ему фимиам.

Источники сохранили для нас имена некоторых влиятельных должностных лиц времени Эхнатона и позволяют восстановить истину. У царя просто не было возможности перевернуть – как по мановению волшебной палочки – египетскую административную систему. Каковы бы ни были его намерения, ему понадобилось определенное время, чтобы изменить структуры местной власти, не помешав государству нормально функционировать, учреждениям – работать, писцам – обеспечивать правильное распределение продовольственных пайков[101] и т. д. Экономика амарнской эпохи, как кажется, не изменилась по сравнению с предшествовавшим периодом. Эхнатон не осуществил никакого переворота. Во многих случаях он оставлял прежних чиновников на их местах.

Некоторые влиятельные фиванские вельможи не утратили своего ранга при Эхнатоне: например, Ипи, градоправитель Мемфиса, продолжавший и далее исполнять эту должность; Бек, начальник скульпторов Ахетатона, сын одного из скульпторов Аменхотепа III; визирь Рамосе, который был настоящим «связующим звеном» между традиционным Египтом и Египтом Эхнатона. Сыновья многих чиновников законно унаследовали должности своих отцов и благополучно работали – как в старых крупных городах страны, так и в новой столице.

Один из самых интересных примеров такого рода – история начальника скульпторов Бека, которую мы сейчас расскажем. Его отец работал в священном городе Гелиополе, очевидно, в храме бога Ра. Царь Аменхотеп III заметил его достоинства, а позднее – достоинства его сына. Благодаря надписи из Асуана мы знаем, что Бек был одним из учеников Эхнатона. Фараон излагал ему свое учение, предоставлял частные аудиенции, чтобы посвятить в тайны света Атона. После своего назначения на должности начальника скульпторов и начальника строительных работ Бек,

вне всякого сомнения, стал одним из создателей амарнского стиля и автором нескольких шедевров, которые мы можем созерцать еще и сегодня. Возглавив главную мастерскую столицы, он руководил элитарной группой художников, которая выполняла заказы дворца. Архитекторы, скульпторы, художники Египта не следовали своей индивидуальной фантазии, но выполняли определенную символическую и теологическую «программу». Роль этих людей оценивалась очень высоко. Слово «скульптор», написанное иероглифами, в буквальном переводе означает «тот, кто дает жизнь». Художник, который собственной рукой вносит дух в косную материю, является обладателем секрета самой жизни. Вот почему во все эпохи начальник строительных работ фараона был одним из самых влиятельных государственных деятелей.

На одной стеле из собрания Берлинского музея сохранилось любопытное изображение Бека. Памятник, на котором скульптор представлен вместе со своей женой Тахерет, посвящен «Хорахти, живому Атону». У Бека огромный живот и отвислые груди. Тело его жены тоже деформировано, оно отличается слишком тяжелыми бедрами. Иными словами, оба персонажа изображены в соответствии с критериями официального искусства в его самом радикальном варианте. Образы Бека и его жены восходят к иконографии фараона как «отца и матери» всего сущего, известной нам по карнакским колоссам.

В сложном мире египетской высшей администрации главные рычаги власти, если не считать самого царя, находились в руках двух визирей. Во времена Аменхотепа III визирь Юга, Рамосе, проявил на своем месте особый талант и, кроме того, зарекомендовал себя как исключительно глубокий мыслитель.

Его фиванская гробница – главный источник, свидетельствующий о переходе от фиванской религии Амона к религии атонизма. Дело в том, что часть украшающих ее стены сцен передает дух эпохи Аменхотепа III и выполнена в самом чистом фиванском стиле, тогда как другая часть выражает идеи, характерные для правления Аменхотепа IV, будущего Эхнатона. Это – поразительный факт, который еще раз доказывает, что не было никакого конфликта, что переход от одного правления к другому и от прежней религиозной концепции к новой совершился гармоничным образом, что план фараона осуществился без каких-либо затруднений.

А, следовательно, не было и разрыва между старым и новым периодом в плане хозяйственного управления; Эхнатон подтвердил полномочия Рамосе и даже расширил сферу его ответственности.

Визирь ежедневно общался с царем и предоставлял последнему подробный отчет о своей деятельности. От него требовалось, как говорится в одном тексте, чтобы «все дела пребывали в здравом и невредимом состоянии». Визирь ни на миг не должен был забывать, что он носит на шее символический знак богини космического порядка и универсальной гармонии.

Одновременно с Рамосе или после него должность визиря исполнял еще один человек, Нахт, живший в южном квартале Ахетатона. Оба они были администраторами высшего ранга, выдержанными и компетентными, которые вполне справлялись с задачей обеспечения благополучного существования жителей новой столицы.

Разумеется, невозможно было требовать, чтобы все жрецы фиванских храмов покинули город бога Амона и переселились в Ахетатон. Фараон никогда и не имел намерения превратить Фивы в мертвый город. Поэтому часть религиозного и административного персонала, находившегося под началом верховных жрецов Амона, осталась на своих местах – так же, как и работники фиванской городской администрации.

Эхнатон, подобно всем фараонам, нуждался в преданных сотрудниках – и в личных друзьях, и просто в компетентных людях, которым можно было спокойно поручить то или иное ответственное дело. Амарнские тексты позволяют предположить, что Нефертити и Эхнатон сами подбирали людей для своего окружения и находили кандидатуры на ключевые посты в Ахетатоне. Мы знаем имена и должности некоторых из этих людей.

Мерира, уже упоминавшийся выше, был «верховным жрецом Атона» и следил за правильным ходом церемоний в большом храме этого бога. Хатиаи, управляющий царскими строительными работами и архитектор, отличался тем, что не скрывал своего благосостояния. Обогатившись на царской службе, он построил себе роскошное жилище, которое непрестанно совершенствовал. Хатиаи настолько гордился своим домом, что велел замуровать старый вход, дабы вынудить гостей обходить здание кругом: теперь они волей-неволей должны были любоваться изящным садом и молельней[102] этого настоящего маленького дворца.

В отличие от него начальник строительных работ Маа-Нахт-Тутеф занимал скромный дом в центре города. Что же касается знаменитого скульптора Тутмосе, то он тоже ценил преимущества обеспеченной жизни. В одном из помещений его мастерской был обнаружен знаменитый раскрашенный бюст Нефертити.

Ахмосе, хранитель царской печати и писец, называл себя «величайшим из великих, первым из придворных, тех, кого царь

любит каждый день». Пареннефер был кравчим Его Величества, человеком «с чистыми руками». Ранефер выполнял особо деликатную миссию: он был возничим царской колесницы и заботился о лошадях Эхнатона. Придворного врача звали Пенту. В надписях его имя сопровождается титулом «первый служитель Диска». Майя, армейский генерал, «наполнял свои уши Правдой, исходившей из уст царя, когда находился в его присутствии». Он причислял себя к тем, кого фараон «возвеличил» за их личные добродетели и заслуги.

Итак, многие вельможи эль-Амарны были «новыми» людьми, обязанными своим богатством и карьерой исключительно Эхнатону. Один из них даже носил имя, которое переводится так: «Меня создал Эхнатон». Сам же царь называл своих приверженцев «теми, кому он [фараон] дал развиваться», а владельцы гробниц ничтоже сумняшеся объявляли царя «богом-творцом людей, созидающим как великих, так и малых».

Эхнатон отстранил от кормила центральной власти прежних должностных лиц и организовал собственную администрацию, предложив важные посты своим приверженцам. В самом этом факте нет ничего необычного.

Однако заявление домоправителя царицы Тийи, некоего Хуйи, заставляет расценивать «кадровую политику» Эхнатона как весьма специфическую. По словам Хуйи, фараон выбирал кандидатуры своих сановников не из числа благородных вельмож, как было принято, но из представителей самых низших слоев общества. Другой амарнский чиновник подтверждает столь неожиданное откровение, объясняя, что обязан своим положением прямому вмешательству царя: до этого он прозябал в нищете. Волею Эхнатона он стал доверенным лицом царя, к мнению которого прислушиваются, и приобрел значительное состояние. Он наивно сообщает нам, что безгранично удивлен, так как никогда не предполагал, что однажды достигнет подобного процветания. Третий персонаж без обиняков говорит, что его отец и мать были лишены самого необходимого, а сам он практически опустился до положения нищего. Царь Эхнатон самолично накормил и утешил его, после чего ввел в круг своих приближенных и удостоил высокого административного ранга.

Пареннефер получает в награду от царя золотые ожерелья. Прорись рельефа из гробницы Пареннефера в эль-Амарне.

Я был бедняком, – объясняет этот человек, – *но царь меня создал, он меня возвысил. Я не владел имуществом, а он позволил мне приобрести слуг, стать хозяином земель, общаться с великими, тогда как мое происхождение было низким.*

Все эти свидетельства как бы резюмируются в тексте, который прославляет милости Эхнатона таким образом: *Он – Нил для человечества, он кормит людей; он – мать, которая дает рождение миру. Не бывает ни нищеты, ни неудовлетворенных потребностей у того, кого любит царь.*

Во всех подобных высказываниях Олдред видит лишь лесть, «дипломатические» декларации, корыстные восхваления. По его мнению, амарнские «нувориши», которые во всеуслышание заявляют о своей благодарности и радуются, что избежали нищеты, – это обыкновенные придворные лжецы; их цель – создать у Эхнатона ощущение личного могущества, заставить поверить, что именно он является источником их благосостояния.

Немецкий египтолог Кеес, напротив, полагает, что признания новых амарнских сановников следует принимать всерьез. С его точки зрения, гипсовые маски (найденные в мастерских скульпторов), благодаря которым мы знаем лица многих жителей Ахетатона, доказывают, что большая часть вельмож имела скромное происхождение. Черты лиц, часто довольно грубые, как будто свидетельствуют о том, что амарнская элита сильно отличалась по своим внешним признакам от фиванской.

В этой связи можно также вспомнить, что при Эхнатоне начался процесс вытеснения классического языка, который употреблялся в Фивах, простонародными формами речи. В язык амарнского периода проникают многочисленные неологизмы азиатского происхождения, что объясняется космополитизмом столичной культуры.

Другие детали, например относительно высокий уровень комфортабельности даже самых скромных домов Ахетатона, наводят на мысль, что Эхнатон стоял у истоков того идейного

течения, которое некоторые интерпретаторы – пожалуй, чересчур смело – квалифицируют как «социализм, еще не получивший своего названия». По нашему мнению, трудно отрицать, что Эхнатон открыл маленьким людям дорогу к власти и богатству, изменив систему подбора кандидатур на высшие имперские должности.

Попытки представить Эхнатона наивным мечтателем, чувствительным к самой грубой лести, не убеждают. Такая черта плохо подходит фараону, а, кроме того, у нас есть доказательства, подтверждающие, что Эхнатон вполне был способен проявить твердость и не полагался слепо даже на тех людей, которых сам возвысил. Хороший пример тому – Май, хранитель царской печати, учетчик скота и носитель опахала по правую руку царя. Он занимал довольно видное место в Гелиополе, но достиг гораздо более высокого положения в эль-Амарне, где приобрел доверие Эхнатона. Тем не менее, его карьера оборвалась в одночасье по воле царя; в гробнице Май его имя было повсюду изглажено, а изображения покрыты слоем штукатурки – в знак того, что этого человека более не существует.

Эхнатон, как мы могли убедиться, был по своему призванию духовным наставником и при любом удобном случае лично излагал свою доктрину тем, кто имел глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. Он любил вступать в прямой контакт со своими подданными, что и позволяло ему, как говорится в египетских текстах, «создавать людей». Главным критерием, руководствуясь которым Эхнатон назначал человека на ту или иную должность, была способность предполагаемого кандидата понимать сущность Атонова света, причем не только в мистическом, но и в самом что ни на есть реалистическом аспекте – чиновник должен был уметь применять учение царя в своей повседневной деятельности. Для царя мало что значили семейное происхождение чиновника или его принадлежность к определенному социальному слою, но в такой политике не было ничего нового. Уже в эпоху Древнего царства люди из низов общества иногда достигали самых высоких должностей. Знаменитый Имхотеп, например, в начале своей карьеры (до того, как попал на службу к царю) был простым резчиком сосудов.

Обвинять всех «выдвиженцев» Эхнатона в лицемерии несерьезно. У них не было необходимости притворяться в том, что они поклоняются Атону и чтут царя, представителя Бога на земле. Эхнатон, выслушав человека и составив себе о нем определенное мнение, принимал то решение, какое хотел. Без сомнения, он иногда ошибался в оценке компетентности своих новых администраторов. Некоторым из них, вероятно, не хватало

опыта. Другие так радовались свалившемуся на них богатству, что отчасти забывали о связанных с ним обязанностях. В качестве примера можно сослаться на некоего Туту, вероятно сирийца по происхождению, который исполнял должность начальника сокровищницы. Некоторые данные позволяют предполагать, что этот персонаж не отличался скрупулёзной честностью, и как руководитель оставлял желать лучшего.

Выдвинуть против него более конкретные обвинения мы сейчас не можем. Сказать больше значило бы фальсифицировать имеющиеся в нашем распоряжении документы. То, что царь окружил себя новыми людьми, – неоспоримый факт. Однако в подобном решении не было ничего революционного. Каждый фараон, придя к власти, поступал так же. Эхнатон позволил некоторым людям низкого происхождения разбогатеть на государственной службе – но и это нельзя считать чем-то экстраординарным. Другие фараоны, жившие до него, вели себя сходным образом. Остается узнать, была ли такая «кадровая политика» систематической или случайной. Второй вариант ответа представляется нам более правильным. Эхнатон проявил мудрость, привлекая к своему двору и старых фиванских чиновников, и новых людей, «созданных» им самим. Можно ли это расценивать как социальную эволюцию Египта? Похоже, что да. Как революцию? Определенно нет.

Остается еще один невыясненный момент. Открыл ли Эхнатон доступ к египетским административным постам иноземцам (будь то сирийцы, вавилоняне или микенцы)? Много ли чужеземцев вообще было в Ахетатоне, и играли ли они какую-то другую роль, кроме коммерческой? В эпоху Нового царства египетское общество приобрело космополитичный характер. Многие египтяне побывали за границей, а люди из других стран приезжали в Египет. Экономические контакты стали довольно частыми. Скорее всего, новая столица не отгораживалась от иноземных влияний, но, к сожалению, точно определить их характер и значение не представляется возможным.

«Отец бога» Эйе и генерал Хоремхеб

В окружении фараона было два персонажа, которые заслуживают нашего особого внимания.

Эйе, носивший жреческий титул «отец бога» (или «божественный отец»), возможно, был дядей Эхнатона. Он исполнял очень важные обязанности в Фивах, при дворе Аменхотепа III, одним из первых переехал в новую столицу и там

ничуть не утратил своего влияния – скорее даже приумножил его. Некоторые исследователи считают его наиболее могущественным государственным деятелем периода правления Эхнатона. Во всяком случае, точно известно, что он был одним из самых приближенных к царской чете людей. На одном изображении из его гробницы он, обнаженный, свободно беседует с Эхнатоном и Нефертити.

Эйе, искушенный во всех хитросплетениях египетской административной системы, и умевший избегать любых ловушек на своем пути, обладал уникальным по своей ценности опытом. Хорошо зная элиту страны (так как в прошлом ему не раз приходилось выполнять сложные и деликатные поручения), он был идеальным связующим звеном между Фивами и новой столицей. Без сомнения, именно поэтому он сумел продержаться на первых ролях и при предшественнике Эхнатона, и при нем самом, и потом – неизменно демонстрируя замечательную способность маневрировать и острое дипломатическое чутье придворного.

Эйе подчеркивает в своих надписях, что получал духовные наставления непосредственно из царских уст. Беседы между монархом и его первым слугой происходили весьма часто. Эйе удостоился многих титулов и почетных званий: «любимца совершенного бога»,[103] царского писца, носителя опахала по правую руку царя, начальника колесничного войска, начальника всех строительных работ Его Величества. Если верить текстам из его гробницы, Эйе пользовался доверием во всей стране. Эхнатон каждодневно осыпал его милостями, ибо считал очень компетентным человеком. Потому-то Эйе и был поставлен во главе высших сановников. Будучи человеком долга, он выслушивал повеления фараона и тут же их выполнял. Царь усыновил его. Эйе проявил себя перед владыкой Обеих Земель как безупречно правдивый и честный человек. Он был служителем *ка* Его Величества и радовался каждый раз, когда видел фараона во дворце. Будучи поставленным во главе вельмож и царских приближенных, Эйе знал, кто из них приятен царю, мудрому и «знающему подобно Атону». Эйе, ненавидевший ложь, олицетворял для царя Маат, закон жизни.

Эйе просил царя даровать ему счастливую судьбу, долголетие, надлежащее погребение в скальной гробнице, которую фараон ему уже пожаловал (в окрестностях Ахетатона).

Этот совершенный слуга получил все, чего хотел. Он дожил до глубокой старости. Что касается его гробницы, то она является одним из главных источников для исследователей религии Атона. На ее стенах записаны основополагающие тексты атонизма:

«Большой гимн Атону», другие гимны Атону и царю, молитвы. Возникает даже мысль, что гробница Эйе представляла собой настоящее святилище, посвященное учению Эхнатона.

Разумеется, Эйе получил в дар от царя множество золотых ожерелий – в присутствии восхищенной толпы. Никогда ни один придворный не был удостоен подобной милости. Однако материальные блага, коими царь вознаградил этого талантливого человека, не должны заслонять в наших глазах его религиозной роли. Заслуги Эйе не ограничивались чисто административной сферой. Пожелания, которые он высказывает в одном тексте из своей гробницы, характеризуют его как верного приверженца Атона. Эйе просит у царя: *Дозволь мне целовать священную землю, шествовать впереди тебя с приношениями для Атона, твоего отца, которые суть дары твоего* ка. *Дозволь, чтобы мое* ка *жило и процветало ради меня… Чтобы имя мое произносилось в священном месте по твоей воле, а я оставался бы твоим любимцем, который следует повсюду за твоим* ка, *чтобы я пребывал в милости твоей, когда наступит старость.*

Эйе стремился к мудрости, а не к личной власти. Частые упоминания *ка* позволяют заключить, что, по представлению Эйе, государственный сановник, сколь высокое место он бы ни занимал, должен заботиться прежде всего о *ка* – творческой энергии, от которой зависит все. Недаром Эйе говорит, что на земле он «следовал повсюду» за царским *ка,* иными словами, видел сакральный аспект этой жизненной энергии. Если фараон дозволял кому-то из своих подданных обрести священный статус, то лишь потому, что все слова этого человека, произнесенные на земле, были истинными. Перед лицом вечности имеет значение лишь одно качество – правдивость.

Знаменитый генерал Хоремхеб тоже принадлежал к когорте крупных государственных деятелей, глубоко преданных своему долгу и стремившихся выполнять его с достоинством и эффективностью. Кинематограф был особенно несправедлив к генералу Хоремхебу, которого превратил в неотесанного солдафона и пьяницу. Трудно представить себе более грубое искажение реальности! Титул «генерал» не должен вводить нас в заблуждение. Хоремхеб был, прежде всего, «царским писцом», то есть образованным человеком и знатоком права. В Египте руководящие посты в армии нередко предоставлялись «гражданским» лицам, так как административная компетентность считалась весьма ценным качеством для сановника, который должен был управлять войсками и распределять материальные ресурсы. Хоремхеб был не единственным военачальником в Ахетатоне, но он, вероятно, осуществлял общее руководство,

надзирая за функционированием армейских служб, за содержанием солдат и состоянием казарм.

Хоремхеб защищал порядок. Из одного трудного для интерпретации документа, кажется, можно понять, что в Фивах совершались грабежи гробниц, однако благодаря Хоремхебу (который, очевидно, возглавлял действия полиции) этим преступлениям был быстро положен конец.

Хоремхеб до конца оставался верным слугой Эхнатона. В период правления солнечной четы генерал довольствовался тем, что честно выполнял свои обязанности и повиновался приказам. Он вряд ли догадывался о том будущем, которое его ожидало, и разговор о котором нам еще предстоит.

Глава XXIII
РЕВОЛЮЦИОННОЕ ИСКУССТВО?

«Изменить искусство, – пишет Дэниэл-Ропс в своей книге об Эхнатоне *(Царь, опьяненный Богом),* – значило внести вклад в великую религиозную революцию, избежать контроля со стороны жречества Амона над любыми изображениями богов, освободиться от священных канонов».

Действительно, произведения искусства амарнского периода легко узнаваемы: их странный стиль, который некоторым людям кажется чудовищным, сразу же приковывает к себе внимание зрителя. Эхнатон, будучи подлинным творцом, создал оригинальное искусство, соответствовавшее его пониманию человека и вселенной; для него основание новой столицы подразумевало необходимость появления такого искусства, которое могло бы гармонично выразить мироощущение нового времени. Однако вправе ли мы утверждать, что Эхнатон вызвал из небытия искусство, прежде совершенно неведомое, искусство, опровергающее традиционные египетские критерии красоты?

Гробница Рамосе в Фивах дает нам любопытный фрагмент для решения этой головоломки. Дело в том, что часть гробницы упомянутого крупного сановника декорирована в соответствии с классическими канонами, другая же часть – в соответствии с требованиями амарнского искусства. Следовательно, в одном и том же месте сосуществуют два очень разных стиля. Эта удивительная «взаимотерпимость» достигает кульминации в сцене, где Эхнатон и Нефертити одаривают золотыми ожерельями своих верных приверженцев: озаряемая лучами божественного Солнца, царская чета распространяет магическую добродетель, воплощенную в золоте украшений.

Стиль амарнского искусства – преувеличенно изогнутые очертания тел, странные объемы, фигуры, удлиненные и деформированные сверх допустимых разумом пределов, – отражает исключительный момент в развитии египетского мировосприятия. Однако мы видим, что параллельно с этими новаторскими исканиями при Эхнатоне продолжали работать художники, которые сохранили классический стиль периода Аменхотепа III.

Некоторые исследователи предполагали, что при дворе Эхнатона существовала некая группа мастеров, которая отстаивала классицизм, несмотря на все новые веяния, и что «еретик» позволял «свободным художникам» разрабатывать те

темы, какие им нравились.

Такая интерпретация совершенно неправдоподобна, поскольку она не учитывает особенности организации египетского государства. Фараон, главный «начальник работ» в стране, поистине задавал ритм дыхания египетскому искусству; коллегии мастеров ему подчинялись и никогда не становились рабами собственных фантазий.

Тогда, может быть, нам следует считать «классические» произведения, датируемые амарнской эпохой, но не соответствующие стилистическим требованиям Эхнатона, продукцией более раннего времени, которую царь просто узурпировал, заменив имя отца, Аменхотепа III, на свое собственное?

Эта гипотеза явно неудовлетворительна: ведь, если бы она соответствовала действительности, Эхнатон попытался бы интегрировать традиционные произведения в свою собственную сакральную эстетику, которую самолично преподавал мастерам, как мы знаем из текстов.

Поэтому очевидно, что Эхнатон не собирался разрушать наследие Египта, разорять памятники прошлого и строить из их обломков новое искусство, отвергающее традиционные представления о красоте. Он был далек от того, чтобы пренебрегать неизменными законами египетского искусства, а хотел лишь обогатить их приобретениями своего личного опыта.

Каковы же главные темы амарнского искусства? Прежде всего, сама царская семья, отправляющая культ Атона. Мы видим, как она поклоняется Атону и благодарит Бога за его благодеяния, мы ощущаем ее мистический экстаз перед сиянием божественного светила. Будучи сосудом, принимающим в себя свет, царская семья «динамизирует» жизнь, которая изливается с неба, делая ее благотворной для всех людей.

Эта замечательная идея находит выражение также в тех сценах, где царь и царица, стоя в «окне явлений», раздают награды своим слугам. Речь идет не столько о материальных «подарках», сколько о символическом действе, в ходе которого человек, усвоивший учение Эхнатона, становится, как и сам царь, участником божественной реальности.

Впервые в египетском искусстве появляются совершенно удивительные сцены семейной жизни. Царь, например, играет со своими дочерьми или держит на коленях супругу; царь обнимает одну из своих дочерей; царь и царица, оба обнаженные, принимают в своих покоях некоего сановника и его жену. Вспомним также о принцессе, которая ест утку, – никогда прежде акт еды не изображался в такой реалистической манере.

Следует отметить и ряд технических новшеств: например, явную склонность к комбинированным скульптурам, выполненным из разных пород камня. Тела статуй часто изготавливали из белого известняка, головы – из яшмы, руки – из кварцита, ноги – из гранита. Мастера явно руководствовались религиозными соображениями, учитывали символику материалов. В амарнском искусстве часто использовали яркие блестящие детали: инкрустации из многоцветных стеклянных паст, фаянсовую плитку.

На амарнских изображениях присутствует множество животных. Они резвятся на свободе, в своего рода раю, где природа не зависит от человека.

Как нам кажется, речь идет отнюдь не о наивном натурализме царя-мечтателя, погруженного в сладостное созерцание иллюзорного райского сада. Древние были слишком близки к природе, чтобы не замечать, наряду с ее красотами, таящиеся в ней опасности. Но природа, как и царская семья, представлялась им живым свидетельством божественного присутствия. Амарнское искусство изображает не просто птицу из плоти и крови, но птицу-символ – воздушное начало, которое является одной из вселенских созидательных сил; вот почему мы никогда не увидим, как эту птицу подстрелит охотник или унизит, поймав в ловушку, птицелов.

Натурализм такого рода был главным выразительным средством искусства, созданного царем. Впрочем, он свойствен всей египетской культуре: ведь уже со времен Древнего царства стены гробниц украшали восхитительные сцены, с поистине волшебным мастерством запечатлевшие флору и фауну Обеих Земель.

Нельзя отрицать, что Эхнатон разработал настоящую философию природы (как творения Света). Однако это учение не было ветвью, отпавшей от ствола традиционной религиозной философии, – потому что, как и последняя, основывалось на признании и уважении Маат, вечной нормы космического бытия.

Не будем заблуждаться: мастера, которые по воле царя выполняли точную символическую программу, никак не могли придерживаться эстетики, идеализирующей природу саму по себе, вне сакрального контекста. Болотные растения, водоемы, взлетающие птицы, резвящиеся телята, рыбы – все это было для них воплощением первобытного пейзажа, изначального процветания, «золотого века» Творения, когда ничье злонамеренное присутствие еще не нарушало гармонии космоса, совершенным образом упорядоченного в соответствии с вечным законом созидающего духа.

Фараон воссоздает эти мгновения благодати, делает их реальными самим фактом своего присутствия; он гарантирует это равновесие, вне которого для человека не существует никакой возможности достижения мудрости.

Перечисленные изобразительные мотивы, известные с самого начала существования египетского искусства, обусловлены не случайным выбором, но абсолютной необходимостью. Созерцание именно этих «пейзажей вечности» возвышает душу до состояния полноты.

Некоторые искусствоведы пытались выявить в амарнском искусстве следы иноземных влияний. Гипотеза об азиатском влиянии ныне не пользуется популярностью, что же касается предположения о влиянии Крита, то оно пока полностью не отвергнуто.

Известно, что после разгрома знаменитого города Кносса и разграбления других критских городов мыслители и художники этого острова были вынуждены покинуть свою страну. Многие из них переселились в Египет, и при желании в амарнских изображениях растений и животных можно усмотреть некое продолжение критского искусства.

Однако мы должны признать, что гипотеза об иноземных влияниях ничего не объясняет и потому не оправдывает себя. Амарнское искусство является типично египетским. Его темы вполне традиционны – несмотря на то, что некоторые из них разрабатываются в весьма специфическом стиле, а определенным сценам отдается предпочтение перед другими.

Нам остается упомянуть о самой трудной проблеме амарнского искусства – проблеме изображений самого Эхнатона. Мы все храним в памяти его образ: чудовищно деформированное лицо; дисгармоничная внешность, наводящая на мысль о болезни. Был ли и в самом деле этот величайший мистик в египетской истории столь отталкивающе уродлив?

Вспомним об одном чрезвычайно важном свидетельстве, которое, кажется, позволяет выбрать правильное направление для нашей дискуссии. Речь идет о погребальной гипсовой маске, обнаруженной в эль-Амарне. Весьма вероятно, что она сохранила для нас подлинные черты Эхнатона: это лицо, спокойное и безмятежное, явно принадлежало нормальному человеку; оно не заключает в себе ничего «чудовищного».

Если мы сочтем эту маску решающим свидетельством, то волей-неволей должны признать: Эхнатон почему-то хотел, чтобы его изображали в столь странном обличье. Чтобы объяснить этот курьезный факт, иногда ссылались на неумение провинциальных художников, которые якобы могли создавать лишь неудачные

портреты. Подобный аргумент просто смехотворен – как, впрочем, и мнение тех, кто считает портреты Эхнатона карикатурами, созданными его противниками.

Артур Вейгал предложил первый ключ к правильной интерпретации, заметив, что амарнский стиль отчасти был возвращением к архаической эпохе, ко времени царей-богов древнейшего Египта, в которых видели единственных хранителей божественной силы. «Уродства», которые нас шокируют, суть не что иное, как амарнская адаптация сурового, иногда геометризированного стиля эпохи Древнего царства. Такое сопоставление представляется очень удачным – тем более что соответствия художественного плана находят точную параллель в сфере солнечной религии.

Изображение супруги Амуна богини Мут в андрогинной форме. Миниатюра из «Книги мертвых».

«Я совершенно не верю, – заявляет Франсуа Дома, – что Аменхотеп IV обладал физическими характеристиками, которые изображают знаменитые статуи Карнака. Последние являются выражением царской теологии». А Пиренн объясняет: «Женоподобное тело Аменхотепа IV ничуть не более патологично, чем соколиная голова Ра».

И в самом деле, бог Атон является «отцом и матерью» всех людей. Потому его представитель на земле, царь Эхнатон, должен изображаться как двуполое (или бесполое) существо – облик которого, собственно, и запечатлен в странных карнакских статуях. «Царство Божие, – справедливо заметил Мережковский, – наступит тогда, когда двое сольются в одно, мужское начало станет женским и не будет уже ни мужского, ни женского начала». Аналогичную мысль мы находим в гностическом Евангелии Фомы. В текстах эпохи Птолемеев (например, из храма в Эсне) также настойчиво акцентируется символ андрогинности – «духовного состояния», свойственного божественному единству.

Что касается физических деформаций как таковых, то

разумно было бы признать: наши глаза не подготовлены к восприятию образа «теологического Эхнатона», слишком далекого от наших эстетических критериев. Очевидно одно: поставленная перед художниками задача заключалась не в передаче реального физического облика Эхнатона, а в изображении символического персонажа.

Эту эстетику, соответствующую определенной теологии, которая, в свою очередь, является «программой» конкретного царствования, следует оценивать не с точки зрения наших эмоций, но именно как выражение египетской духовности. Эхнатон вовсе не стремился «революционизировать» египетское искусство, все главные законы которого продолжал соблюдать. Просто, как каждый фараон, он пытался создать художественную форму, которая гармонировала бы с духом его царствования. Его мастера, прежде всего, должны были выражать мысль о том, что движение тел и жизнь всех одушевленных созданий зависят от света божественного Солнца.

Глава XXIV
ГОД ДВЕНАДЦАТЫЙ: МИР И ВОЙНА

На двенадцатый год правления, в восьмой день второго месяца сезона *перет,* радостное событие всколыхнуло безмятежную жизнь города Солнца. Были организованы грандиозные торжества в честь приезда посланцев от разных чужеземных стран с «приношениями» для Эхнатона и Нефертити.

«Ради этой церемонии, – пишет Олдред, – фараона и царицу доставили в их официальном паланкине к месту парада, где под большим позолоченным балдахином были установлены два трона; за ними стояли шесть принцесс со своей свитой. Здесь царственные супруги принимали послов азиатских и африканских стран, которых вводили пред очи фараона визирь и другие высокопоставленные сановники; послы привезли богатые подарки для своего нового божественного суверена и собирались молить его быть милостивым по отношению к их странам».

Для этой церемонии, рассчитанной на большое стечение народа, была выбрана площадка на свежем воздухе, в восточной части города. Атмосфера отчасти напоминала ту, что бывает на детских праздниках. Как мы уже говорили, присутствовали шесть принцесс. Во время церемонии они играли и болтали друг с другом. Одна из них забавлялась с маленьким олененком. Трогательная деталь – тем более что это последний раз, когда мы видим на изображении царскую чету в полном составе. Очень скоро смерть нанесет свой удар.

Египетские солдаты вели себя особенно восторженно. Они шумно радовались, пели, устраивали шуточные поединки. Для них вид чужеземцев, воздающих почести фараону, был равносилен подтверждению прочности мира.

Мы процитируем два текста, выразительно описывающих эту ситуацию. Первый из них записан в гробнице Мерира II:

> *Год 12-й, второй месяц зимы, восьмой день (правления) царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего Правдой, владыки Обеих Земель, Неферхепрура, сына Ра, живущего Правдой, владыки корон, Эхнатона, наделенного долгим сроком жизни, и великой супруги царя, любимой им, Нефернеферуатон, Нефертити… Его Величество воссияло на троне отца своего, Атона, в то время как князья всех чужеземных стран доставили свои приношения и почтительно просили у него мира, чтобы*

вдыхать дыхание жизни.

Второй текст происходит из гробницы Хуйи. Там, после датировочной формулы, говорится:

> *Эхнатон и Нефертити появились под большим балдахином из светлого золота, чтобы принять приношения стран Хару и Куша,[104] Запада и Востока. Даже острова, (что находятся) в середине моря,[105] прислали свои приношения царю, который воссел на великом троне Ахетатона, чтобы принять приношения всех стран.*

Царь и царица, нежно держа друг друга за руки, смотрят на шествие представителей стран, которые признали верховную власть фараона. Нубийцы в длинных опоясаниях несут мешки с золотым песком, золотые кирпичики и кольца,[106] слоновую кость; ведут на поводках леопардов, антилоп, пантер. Азиаты, которых можно узнать по заостренным бородкам, дарят фараону сосуды, оружие, щиты, колесницы (в разобранном виде), льва, коня. Жители сказочной страны Пунт[107] доставляют благовония. Дары ливийцев, идентифицируемых по перьям, воткнутым в их волосы, состоят из страусовых яиц и перьев. Наконец, критяне предлагают фараону великолепные драгоценные сосуды.

Эхнатон и Нефертити, сидящие под балдахином, принимают «приношения» Нубии и Куша. 12-й год правления. Позади царственной четы, тоже под балдахином, стоят шесть принцесс. В двух нижних регистрах справа изображены праздничные игры (борьба, фехтование на палках и др.). Прорись рельефа из гробницы Мерира II в эль-Амарне.

Все к лучшему в этом лучшем из миров. Разве вышеописанная публичная церемония не явилась блестящим доказательством того, что фараон правит всем миром и что могущество Обеих Земель остается неоспоримым?

По видимости, так оно и было. Однако не скрывалась ли за внешней поверхностью менее обнадеживающая реальность? Имелись ли у устроителей церемонии какие-то особые мотивы, не нашедшие отражения в официальных отчетах о празднестве по случаю приношения дани?

Олдред убежден в этом. Будучи специалистом по амарнской эпохе, он считает, что Эхнатон, выставляя себя властителем, которому подчиняются все (как внутри страны, так и за ее пределами), отмечал свое восшествие на престол в качестве единственного царя. По мнению этого египтолога, Аменхотеп III, отец Эхнатона, умер после двенадцати лет совместного правления с сыном. Принимая иноземных послов, Эхнатон самым наглядным образом продемонстрировал свой приход к власти.

Некоторые специалисты отвергают эту гипотезу. Поскольку ни в одном тексте точная дата кончины Аменхотепа III не приводится, все наши предположения на этот счет суть не более чем догадки.

Между девятым (самое раннее) и двенадцатым (самое позднее) годами правления произошло еще одно несчастье – умерла мать Эхнатона, Тийа. Тийа имела резиденцию в Мединет-Гуробе, в Фаюме (недалеко от Ахетатона). Она, вероятно, много ездила по стране. И, без сомнения, часто наведывалась в новую столицу, где в ее честь устраивали праздничные пиршества. Некоторые высшие сановники были ее личными протеже – например, Хуйа, ее домоправитель, который владел скальной гробницей в эль-Амарне.

Эхнатон приобщил свою мать к культу Атона. Он даже построил для нее маленький храм, где в форме статуй были представлены две четы: Аменхотеп III с Тийей и Эхнатон со своей матерью. Вся семья, таким образом, имела божественный статус. На одном изображении из амарнской гробницы Хуйи мы видим Эхнатона, который вводит свою мать в святилище, именуемое «сенью Ра» (или, согласно другой интерпретации, «тенью Ра»). Это событие произошло во время праздника, когда царица Тийа нанесла визит своему сыну.

Символическое название храмов такого типа, существовавших еще в эпоху Древнего царства, представляет особый интерес, но интерпретировать его нелегко. Оно связано с идеей «фильтрации» солнечной энергии – идеей, которая присутствует в целом ряде древних традиций, представляющих Солнце как порою благодатное, а порою и вредоносное божество. Египетская мифология рассказывает нам о Солнце, которое посредством своего сияния дарует жизнь всем одушевленным существам; однако, когда то же сияние становится слишком

интенсивным, оно сеет смерть. Можно предположить, что функция храмов, именуемых «сень Ра», состояла именно в том, чтобы лишить солнечную энергию ее вредоносных качеств и распространить по всему миру благотворное влияние совершенного, «очищенного» Солнца.[108]

Эхнатон вводит свою мать Тийу в построенное для нее святилище «сень Ра». За ними (справа, в нижнем ряду) следуют дочь Тийи Бакетатон, несущая листья салата, ее свита и (справа, в верхнем ряду) свита царицы Тийи. Прорись рельефа из частной гробницы в эль-Амарне.

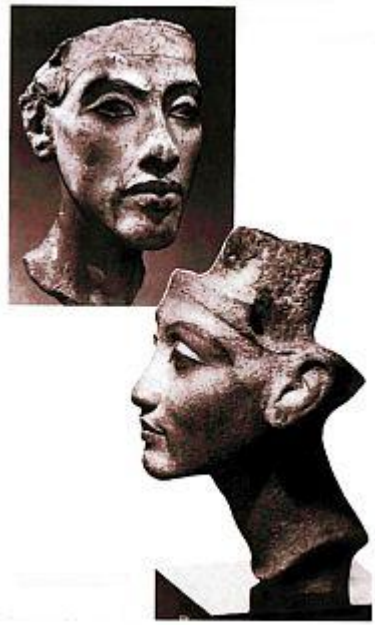
В конце двенадцатого года правления царицы Тийи уже не было среди живых. Эта потеря явилась для царя тяжелым испытанием. Его мать прекрасно разбиралась в международных делах и, вероятно, не раз помогала царственным супругам принять правильное решение. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть нижеследующее письмо царя Митанни, адресованное Тийе:

> *Что касается меня, то все обстоит хорошо. Пусть и у тебя все будет хорошо. С твоим домом, с твоим сыном пусть все будет хорошо. С твоими войсками, со всем твоим имуществом пусть все будет в полном порядке. Ты знаешь, что я всегда испытывал дружеские чувства к Аменхотепу, твоему мужу, и что твой муж:, со своей стороны, всегда испытывал дружеские чувства ко мне… Ты гораздо лучше, чем кто-либо, знала обо всех вещах, о которых мы (с ним) разговаривали между собой. Никто другой этого не знал… Ты должна продолжать посылать*

дружеские посольства, одно за другим. Не прекращай это делать. Я не забуду дружбы с твоим мужем. А в настоящий момент я гораздо больше, чем когда-либо раньше, – в десять раз, нет, еще гораздо, гораздо больше – испытываю дружеские чувства к твоему сыну Эхнатону. Ты знала слова твоего мужа, но не послала мне целиком тот почетный подарок, который твой муж приказал мне послать. Я просил у твоего мужа статуи из литого цельного золота… Однако твой сын велел изготовить деревянные статуи, покрытые тонким слоем золота. Если в стране твоего сына золота так же много, как праха, то почему твой сын пожалел для меня эти статуи?… Он не дал мне даже того, что обычно давал его отец.

(Письмо из Амарнского архива, EA 26.)

Тийа была глубоко предана политике мира, которую проводил ее муж, Аменхотеп III. Ее знание текущих дел позволяло ей эффективно поддерживать эту политику, и, возможно, она выполняла при Эхнатоне – на самом высоком уровне – функции, если можно так выразиться, министра иностранных дел. Процитированное письмо, кажется, доказывает, что Эхнатон иногда совершал ошибки или бывал небрежен. Задача Тийи состояла в том, чтобы предотвращать неприятные последствия подобных ложных шагов. После ее кончины фараон лишился мудрых советов и оказался вынужденным единолично решать международные проблемы, в которых, по всей видимости, не очень хорошо разбирался.



Вверху*: Гипсовый слепок со скульптурной головы Эхнатона (в натуральную величину), обнаруженный в мастерской скульптора Тутмоса в эль-Амарне. Египетский музей в Берлине.*

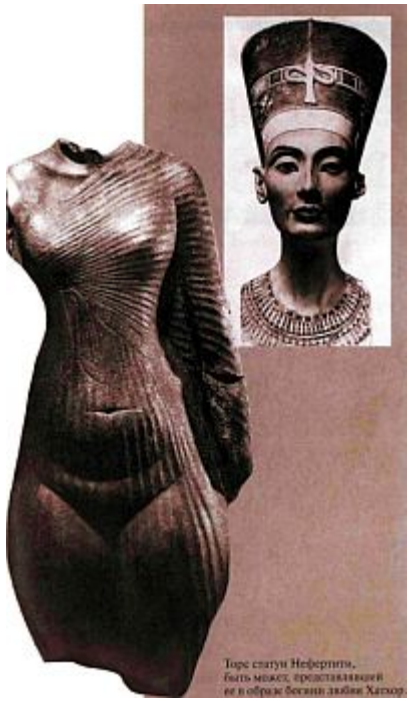
Внизу*: Незаконченная голова для составной статуи царицы Нефертити, обнаруженная в мастерской скульптора Тутмоса. Кварцит. Египетский музей в Берлине.*

Сверху*: Голова царицы Тийи. Тис, серебро, золото и стекло (из синей стеклянной пасты, покрывающей тканую основу, сделан парик). Высота 9,5 см. Собрание Египетского музея в Берлине. Судя по иконографическим признакам, голова была выполнена уже после смерти Аменхотепа III, в правление Эхнатона.*

Снизу*: Эхнатон и Нефертити в сопровождении играющих на систрах дочерей подносят цветы Атону. Известняковый рельеф, найденный в царской гробнице в эль-Амарне, который, вероятно, служил моделью для скульпторов. Первая половина правления. Каирский музей.*

Иноземные гвардейцы, бегущие рядом с колесницей Эхнатона (азиаты и нубийцы). Известняковый талатат. Частная коллекция супругов Норберт Шиммель, Нью-Йорк.

Вид раскопок центральной части Ахетатона. В правом нижнем углу – помещение, где в 1933 году были обнаружены клинописные таблички с письмами переднеазиатских правителей фараону.



Вверху справа*: Бюст царицы Нефертити, обнаруженный в мастерской скульптора Тутмоса в эль-Амарне. Раскрашенный известняк. Египетский музей в Берлине.*

Внизу слева*: Торс статуи Нефертити, быть может, представлявшей ее в образе богини любви Хатхор. Темно-красный кварцит. Собрание Лувра.*

Голова второй супруги Эхнатона Кийи. Крышка для одной из четырех одинаковых каноп. Кальцит и инкрустации из цветного стекла. Высота 17,8 см. Происходит из Долины царей в Фивах. Музей Метрополитен в Нью-Йорке. На голове Кийи характерный для нее «нубийский парик», который был украшен царскими

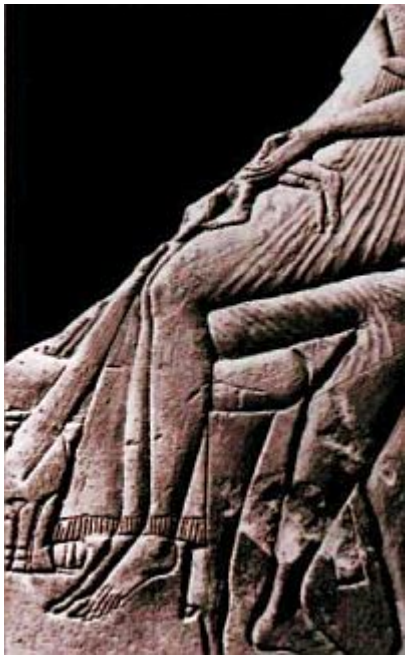
налобными змеями (возможно, из полихромного стекла; они не сохранились).

Вид на Долину царей в Фивах.

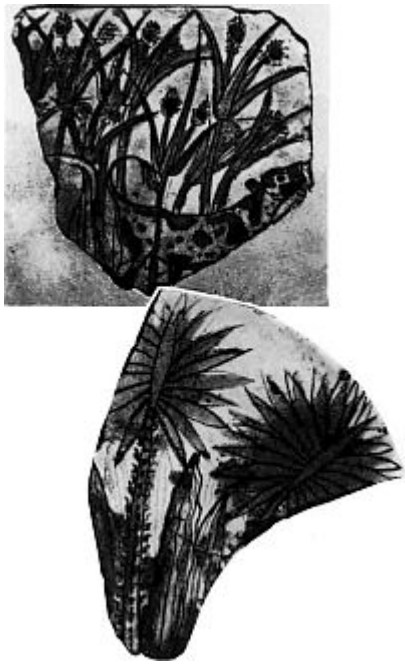
Эхнатон играет со своей дочерью. Фрагмент стелы из частного святилища в одном из амарнских особняков. Известняк. Египетский музей в Берлине.

Нефертити, целующая старшую дочь. Известняковый талатат. Найден в Гермополе, ныне хранится в Бруклинском музее Нью-Йорка. Изображение Нефертити было намеренно повреждено, а ее имя изглажено.

Вторая супруга Эхнатона Кийа в «нубийском парике». Деталь талатата из Гермополя. Ныне хранится в Новой глиптотеке Карлсберга, в Копенгагене. Сопровождавшее изображение имя Кийи было заменено на имя старшей дочери Эхнатона Меритатон, а очертания парика изменены с целью передать свойственную принцессе вытянутую форму черепа.



Нефертити, сидящая на коленях Эхнатона, и две их дочери. Фрагмент рельефа из святилища в частной вилле, эль-Амарна. Известняк. Собрание Лувра.



Полихромные изразцы, украшавшие общественные здания в Ахетатоне. Теленок, играющий в зарослях (собрание Лувра), и пальмы (Бруклинский музей в Нью-Йорке).

Косметическая ложечка в форме букета цветов. Слоновая кость. Высота 20,8 см. Собрание Бруклинского музея.

Девочка Небетия, прислужница певицы Ми. Деревянная статуэтка, высота 21,3 см. Происходит из Мединет Гуроба, ныне хранится в частной коллекции.

Верхняя часть ушебти Эхнатона (фигурки, которая в загробном мире должна была ожить и выполнять общественные работы вместо своего хозяина). Музей Метрополитен в Нью-Йорке.

Статуэтка обезьяны из голубого фаянса. Высота 5,4 см. Происходит из эль-Амарны. Собрание Бруклинского музея. Обезьянка придерживает лапами какой-то фрукт или мяч. Фигурка могла предназначаться для посвящения (богине Хатхор?) или, например, использоваться как гиря для весов.

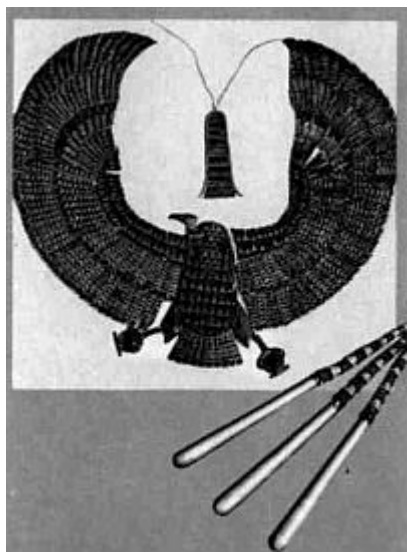
Фаянсовое изображение танцующего божка Беса, который был очень популярен как в Малькате, так и в Ахетатоне. Высота 8,5 см. Хранится в Египетском музее Берлина. Судя по иконографии, эта статуэтка была сделана в правление Аменхотепа III.

Саркофаг кошки принца Тутмоса. Известняк, высота 64 см. Происходит из Мит Рахинэ. Собрание Каирского музея. Кошка изображена так, как принято было изображать умерших людей, – перед алтарем с жертвенными дарами. Она названа «Осирисом (обозначение любого умершего) Кошкой, правогласной (то есть оправданной на загробном суде)».

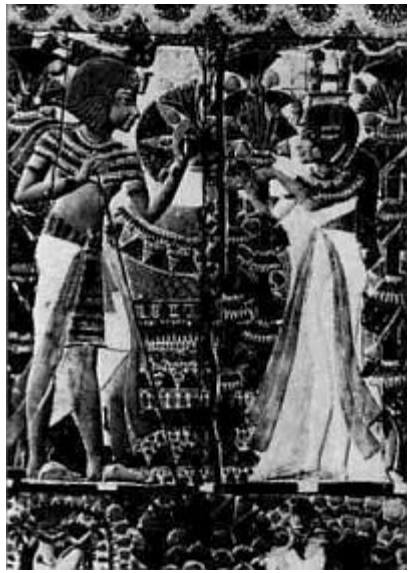
Вверху*: Фаянсовая чаша с изображением музыкантши, играющей на лютне. Диаметр 14 см. Собрание Лейденского музея. Девушка обнажена, если не считать ожерелья и пояса из бус, который пытается развязать обезьянка. На правом бедре у нее татуировка – изображение бога Беса. На голове – диадема, благовонный конус и цветы лотоса.*

Внизу*: Сундучок Перпаути и его супруги Ади. Раскрашенная сикомора. Высота 42 см, длина 52 см. Происходит из Фив, ныне хранится в Восточном музее Даремского университета (Великобритания). Кнопка на крышке нужна для того, чтобы удобнее было перевязывать сундук бечевкой. На длинной боковой стороне изображены умерший с супругой и их дети (в стиле росписей фиванских гробниц). Изображение на торцовой стороне (газели, обгладывающие дерево) обнаруживает явное передне-азиатское влияние. Это обстоятельство, а также странные для Египта имена Перпаути и некоторых его детей позволяют сделать предположение об азиатском происхождении этой семьи, жившей, видимо, в правление Аменхотепа III.*

Символы царской власти – бич и посох – из гробницы Тутанхамона. Представляют собой стержни из бронзы с надетыми на них ободками из листового золота и темно-синей смальты. Высота каждого предмета 33,5 см. Собрание Каирского музея.



Золотое ожерелье Тутанхамона, изображающее богиню-грифа Нехбет, с инкрустациями из разноцветной смальты (темно-синей, бирюзовой и красной) и обсидиана. Высота 39,5 см, ширина 48 см. Собрание Каирского музея.



Тутанхамон и его супруга Анхесенамон в саду. Панель ларца из слоновой кости, найденного в гробнице Тутанхамона. Сцена символизирует любовь, соединяющую царственную чету. Налобные змеи царицы и развевающийся цветной пояс подчеркивают ее статус наследницы престола. Собрание Каирского музея.

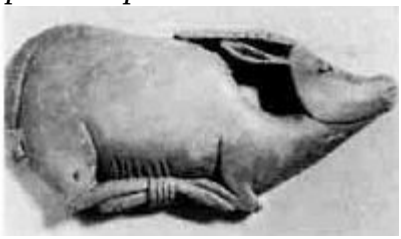
Золотая маска мумии Тутанхамона, инкрустированная лазуритом, сердоликом, полевым шпатом, разноцветной смальтой. Высота 54 см. Собрание Каирского музея.

Уникальная сцена из погребальной камеры гробницы Тутанхамона в Долине царей. Царь Эйе (в жреческом облачении, справа) выполняет ритуал «отверзания уст» (то есть оживления) для мумии Тутанхамона (представленного в образе Осириса, слева).

Генерал Хоремхеб получает в награду от Тутанхамона золотые ожерелья. Фрагмент рельефа из мемфисской гробницы Хоремхеба. Известняк, высота 90,5 см. Собрание Лейденского музея.

Стеклянный кувшинчик из цветного стекла (для благовоний или умащений). Высота 13,5 см. Вашингтон, Смитсоновский институт, Свободная художественная галерея. Для изготовления подобных сосудов, известных со времени Тутмоса I (1504–1492 гг. до н. э.), стеклянная паста укладывалась слоями вокруг ядра, которое затем удалялось. При этом достигалось чередование разноцветных волнообразных линий – темно-синих, голубых, ярко-желтых, белых.

Косметическая ложечка с изображением девушки, играющей на лютне. Дерево, следы краски. Высота 21 см. Музей египетской археологии Питри при Университетском колледже в Лондоне.



Косметическая коробочка в виде газели, связанной для принесения в жертву. Глазурованный фаянс. Высота 4,45 см, длина 9,8 см. Собрание Музея искусств в Толедо.

Гребень из акации с изображением каменного козла. Высота 6,6 см, длина 5,6 см. Собрание Лувра. Каменный козел ассоциировался с богиней Хатхор; кроме того, его покорная поза могла символизировать смирение переднеазиатских стран перед властью Египта.

Смерть царицы-матери произошла в трудный для страны момент. В правление ее сына политическая ситуация в Азии, как мы вскоре увидим, резко изменилась. Эхнатон, очевидно, не был способен произвести серьезный анализ обстановки и сделать необходимые выводы.

Где же была погребена знаменитая царица Тийа? Вне всякого сомнения, в Фивах. Ее саркофаг поместили внутрь внешнего гроба-ковчега с дверцами из ливанского кедра и золотым засовом. На панелях ковчега она была изображена рядом с сыном, под благодетельными лучами Атона. В вечный путь ее сопровождали лари, сосуды из алебастра, фаянсовые баночки с притираниями, туалетные принадлежности. Мумия Тийи, к сожалению, не была найдена (или ее просто не идентифицировали), и точное место погребения царицы до сих пор остается загадкой.

Эхнатон – милитарист или пацифист?

Современная художественная литература представляет Эхнатона исключительно как пацифиста, как противника насилия, как нежное и слабое существо, жаждущее любой ценой избежать войны. Египтологи пытались напомнить читающей публике, что до нас дошли изображения Эхнатона в традиционной позе фараона, поражающего врага. Эта тема не

была исключена из амарнской иконографии. Известно даже изображение, на котором руки-лучи Атона протягивают царю изогнутый меч и палицу для свершения ритуала убийства врага. Более того, на многих рельефах мы видим египетских солдат, сохранились и изображения военнопленных.[109]

Вероятно, двенадцатым годом правления следует датировать военную акцию фараона в Нубии. Стелы из Бухена и Амады доказывают, что египетское войско было послано в некий район, где находились золотые прииски, и там жестоко подавило мятеж местных племен.[110] Правда, в данном случае речь идет скорее не о войне, а о полицейской операции. Нубия в эпоху Нового царства была настоящей колонией Египта и подчинялась его законам. Фараон не мог допустить в этой провинции никаких беспорядков. В Нубии жило много египтян, функционировали египетские храмы, в частности святилище Атона. Нубийцы служили в египетской армии. Дети нубийских племенных вождей получали образование в Египте.

Хоремхеб со своей супругой Мутнеджмет на троне. Стела позади этой двойной гранитной статуи повествует о восшествии Хоремхеба на престол. Крылатый сфинкс, изображенный на боковой стороне трона, представляет богиню Тефнут, охраняющую имя царицы. Египетский музей в Турине.

Эхнатон не был ни пацифистом-мечтателем, ни поборником войны любой ценой. Он довольствовался тем, что пытался продолжать внешнюю политику, начатую Аменхотепом III и Тийей: укрепление мира, основанного на договорах с иностранными державами. На юге, в Нубии, египетской армии и полиции иногда приходилось вмешиваться в ход событий, чтобы

восстановить порядок, который оказался под угрозой. Однако уже многие годы в этом египтианизированном регионе не происходило ничего серьезного.

Напротив, на северо-востоке, в азиатских странах, частично находившихся под египетским контролем, обстановка радикально изменилась. Благодаря случайной археологической находке в нашем распоряжении оказались документы, позволяющие восстановить картину событий той эпохи.

В1887 году в руинах эль-Амарны обнаружили около трехсот пятидесяти табличек из высушенной на солнце глины. На табличках были записаны клинописные тексты, которые сразу же заинтриговали ученых. Поначалу находка показалась слишком удачной, чтобы в нее можно было поверить, и таблички сочли фальшивками. Однако после более тщательного исследования стало понятно, что документы были подлинными и представляли собой дипломатическую переписку между царем Египта и многими правителями иноземных стран.

Увы, раскопки велись нелегально! Обстоятельства открытия так и остались неясными. Сколько всего табличек было обнаружено изначально? Уточнить это не представляется возможным. К сожалению, антиквары и частные коллекционеры быстро заинтересовались этими скромными памятниками, которые имели, конечно же, определенную продажную стоимость. В настоящий момент известно триста восемьдесят две таблички. Тексты написаны на аккадском языке, который в ту эпоху часто использовался в переписке между правителями разных государств.

Ученые долго думали, что эти таблички представляли собой оригинальные архивные материалы, которые амарнский «министр иностранных дел» тщательно классифицировал и хранил; однако в действительности дело обстояло несколько иначе.

Царь Египта общался с иноземными правителями через посредство посланцев, чья функция считалась весьма важной. Эти посланцы доставляли по назначению письма фараона и привозили ему ответы или новую информацию.

Фараон, разумеется, владел грамотой и был достаточно образован; каждое утро он получал от своих советников информацию о внутреннем и внешнем положении. Послания иноземных правителей ему зачитывали вслух, чтобы он был в курсе дела; писцы переводили клинописные письма на египетский язык и делали одну или несколько копий на папирусе. Эти иероглифические копии и составляли настоящий архив; их классифицировали в соответствии со строгими требованиями

египетской административной системы. Что же касается глиняных табличек, то они превращались в ненужный «мусор», и от них в конце концов избавлялись.

Оригинальные египетские архивы города Атона, возможно, подверглись уничтожению; напротив, часть табличек сохранилась до нашего времени в руинах города – именно потому, что, с точки зрения египетских государственных чиновников, они уже не представляли никакого интереса. Эти живые документы, бесспорно, исключительные по своему характеру, позволяют нам проникнуть в самое средоточие дипломатии того неспокойного периода и лучше понять события, которые погубили дело Эхнатона. Правда, мы владеем лишь малой частью этой официальной корреспонденции, а потому должны пользоваться ею с осторожностью. И все же таблички из эль-Амарны приподнимают покров тайны над той драмой, что завязывалась на протяжении правления Эхнатона.

Работы А. Альтмана показали: политическая стабильность египетских «протекторатов», таких как Библ или Амурру, была нарушена вскоре после азиатских походов Тутмоса IV. Процесс деградации, угрожающий безопасности Египта, начался задолго до правления Эхнатона.

Хеттский царь Суппилулиума резко нарушил равновесие сил на международной арене древнего Ближнего Востока, где все еще доминировал Египет. До его воцарения военное преобладание империи фараонов на Ближнем Востоке мало кто решался оспаривать. Однако Суппилулиума был человеком амбициозным, и хотел превратить свою страну в великую державу. Он начал с того, что подчинил беспокоившие его племена внутри собственных границ, прекратил междоусобные раздоры и тем самым положил конец серьезному нестроению, которое угрожало его власти в стране. Восстановив порядок, он успокоил провинции и собрал войска, которые обеспечил превосходным командным составом.

Сиро-Палестина, находившаяся под египетским контролем, была разделена на три провинции, во главе которых стояли наместники. Первый из них имел резиденцию в Газе и отвечал за Ханаан, то есть Палестину и часть финикийского побережья до Бейрута. Второй жил в Симире и надзирал за страной Амурру, которая простиралась от Библа до Угарита (не захватывая последний) и реки Оронт. Третий жил в Кумиди. В это ведение была отдана провинция Упе, включавшая город Кадеш, южную Сирию, часть северной Палестины и Дамаск.

Азиатские державы поддерживали контакт с Египтом через посредство посланников и послов, которые имели при себе

сопроводительные документы, обеспечивавшие им свободный проезд. Процитируем для примера один документ подобного рода, которым пользовался чрезвычайный посол царя Митанни:

> *Царям Ханаана, слугам моего брата, фараона. Так говорит владыка Митанни. Настоящим письмом (подтверждаю, что) я отправляю моего посланца по срочному и особо важному делу к фараону, моему брату. Никто не должен задерживать его. Обеспечьте ему свободный проезд в Египет и препроводите его к коменданту египетской крепости. Пусть он отправляется в путь немедленно; что же касается подарков, то он никому ничего не должен.*

Взаимоотношения с Ассирией хотя и не были слишком тесными, но основывались на взаимной вежливости.

Если ты питаешь благие и дружеские намерения, – пишет царь Ассирии фараону, – *то пошли мне много золота. Мой дом – твой дом. Напиши мне, и для тебя (тоже) найдут то, в чем ты нуждаешься. Мы – очень далекие друг от друга страны. Разве правильно, что наши посланцы постоянно находятся в пути ради таких (скромных) результатов?*

Тушратта, царь богатой страны Митанни и вассал Египта, тоже желал мира. *Аменхотеп не умер,* – пишет он Эхнатону, – *если ты, его великий сын, рожденный его великой супругой Тийей, держишь бразды власти на месте его.* Каждый царь стремился сохранить расположение фараона, при этом максимально соблюдая собственные интересы.

В прежние времена, – обращается царь Митанни к фараону, демонстрируя полное отсутствие памяти о жестоких конфликтах недавнего прошлого, – *твои предки всегда поддерживали дружбу с моими предками. Ныне же, что касается нашей с тобой постоянной и взаимной дружбы, то ты сделал ее в десять раз более великой по сравнению с тем, что было при моем отце.*

Тем не менее, некий серьезный дипломатический инцидент вызвал недовольство Тушратты, и тот направил в Египет двух посланцев, Пирисси и Тулубри, с очень маленьким эскортом. *И теперь,* – жалуется царь Митанни, – *мой брат не дозволяет им уехать и содержит их под очень строгим надзором. Кто такие мои послы? Они ведь не птицы, разве они улетят? Чем так не угодили моему брату мои послы? Почему ни один из них не может даже навестить другого?*

Мы не знаем, чем закончилось это неприятное происшествие. Ясно одно: отношения между Митанни и Египтом начали портиться, как доказывает следующий отрывок из письма

Тушратты фараону: *Те блага, которые мой брат прежде мне посылал, мой брат их сильно сократил. Поэтому я недоволен… Я стал очень враждебен.*

Хеттский царь был искушен в интригах. Его письмо, направленное Эхнатону после смерти Аменхотепа III, ничем не выдает воинственные намерения автора: *Послания, которыми я обменивался с твоим отцом,* – заявляет Суппилулиума, – *и просьбы, с которыми я к нему обращался, – все это должно продолжаться и между нами. Смотри, царь, чего бы ни попросил у меня твой отец, я ни в чем ему не отказывал. Я соглашался со всем – и все, что я, в свою очередь, хотел получить от твоего отца, он мне полностью предоставлял. А сейчас, брат мой, ты взошел на трон своего отца, и точно так же, как я, обменивался подарками с твоим отцом, мы с тобой тоже должны быть добрыми друзьями. Если я высказывал какие-то пожелания твоему отцу, не пренебрегай ими. Давай вместе осуществим эти пожелания.* И далее хеттский царь напоминает царю Египта, что ждет от него неких ценных предметов, золотых статуй и других даров, достойных могущественного фараона.

Однако поступки хеттского царя быстро доказали неискренность этих любезных слов. Когда Тушратта, царь Митанни, был убит, ассирийцы и хурриты вторглись на зависимые от митан-нийского государства территории. Суппилулиума, который, несомненно, сыграл не последнюю роль в этом преступлении, сумел установить свою власть над Митанни и, таким образом, значительно расширить сферу хеттского влияния. В результате Египет утратил влияние на страну, покорению которой завоеватель Тутмос III посвятил всю свою жизнь, и престиж египетской империи в одночасье померк.

Первая силовая атака хеттов не повлекла за собой неприятных для них последствий. Тогда Суппилулиума решил активизировать свои действия и, предварительно спровоцировав волнения в Сирии и Финикии, оккупировал Северную Сирию. Хеттский царь мастерски сочетал военную силу и коварство. Если он не нападал открыто на какую-то из союзных Египту стран, то внедрял туда сеть шпионов и агитаторов, которые мало-помалу убеждали влиятельных местных вельмож отказаться от ориентации на фараона и пойти на сближение с хеттами. Подобные интриги приносили благоприятные для Суппилулиумы результаты, и он продолжал повсюду сеять беспорядки, столь выгодные для его дела.

Но даже когда могущество хеттского царя стало проявляться в открытую, Эхнатон не счел нужным вмешаться. Он надеялся, что хетты и митаннийцы взаимно ослабят друг друга и что их

армии не принесут решающей победы ни одной из сторон. В тот момент царь Египта допустил ошибку в своих расчетах: он не оценил по достоинству хеттскую державу. Митаннийское государство рухнуло под ударами хеттов, прежде чем египтяне успели что-либо предпринять.

Письмо, посланное царем хеттов фараону, окрашено яростным гневом и по существу представляет собой объявление войны. Вот этот текст, в том виде, в каком его понимают сегодня: *И теперь, что касается таблички, которую ты мне отправил, то почему ты поставил свое имя прежде моего? Кто портит добрые отношения между нами, и разве подобное поведение соответствует обычаю? Брат мой, разве ты сам не писал мне о том, что мы должны быть едины? И если ты воистину мой брат, то почему прежде превозносил мое имя, а ныне относишься ко мне так, как к какому-нибудь трупу!.. Но это твое имя… Я его соскоблю…*

За этим восточным многословием и словесными угрозами угадывается кризис египетской империи.

Города Финикии обращали к фараону и его двору отчаянные призывы о помощи; они с нетерпением ждали прибытия египетского военачальника, способного восстановить порядок. Однако Эхнатон не спешил отдавать себя на волю превратностям войны; он предпочитал путь переговоров и дипломатии.

При таких обстоятельствах контакт между властителями двух самых могучих держав стал насущной необходимостью. Потому Эхнатон известил хеттского царя о своих мирных намерениях, но потребовал сходного заявления и от своего оппонента. Они пришли к соглашению и заключили между собой мир.

Без сомнения, Эхнатон поверил в искренность своего противника и полагал, что на его слово можно положиться. Царь хеттов, со своей стороны, тоже был доволен. Официально все выглядело так, что он – после предварительных равноправных переговоров – заключил мир с фараоном Египта. На деле же ничто не мешало ему, оставаясь в тени, укреплять свою агентурную сеть.

Царь Вавилона, весьма раздосадованный египетско-хеттским «альянсом», почувствовал, что не может более полагаться на поддержку Египта. Он ожидал гораздо более жесткой реакции со стороны Эхнатона и теперь рассудил, что фараон, видимо, косвенным образом согласился признать в скором будущем хеттское верховенство над целым рядом азиатских стран. Поэтому некоторое время спустя царь Вавилона сам заключил союз с царем хеттов.

Последние не собирались долго оставаться в бездействии и

лишь выжидали удобного момента, чтобы использовать свое преимущество. Они помогли одному из своих союзников, царю Амурру, захватить финикийские порты. С этой аферой далеко не все ясно. Предполагают, что египетская армия была-таки послана в Финикию, но потерпела неудачу в своей миротворческой миссии. Возможно, однако, и другое объяснение: оно заключается в том, что военачальник Эхнатона предал своего господина и, капитулировав перед царем Амурру, признал последнего легитимным властителем Финикии!

Этот царь Амурру, по имени Азиру, путем многочисленных интриг извлекал личную выгоду из запутанной ситуации. Приказав убить египетского наместника в Симире, он тут же провозгласил себя преданным сторонником Египта и спокойно занялся грабежом оставшегося без надзора города.

Эхнатон узнал о случившемся, и отправил к изменнику посольство. Азиру, ничтоже сумняшеся, приказал казнить послов и, таким образом, остался хозяином положения. В одном из своих писем к Эхнатону он, не стесняясь, пишет: *Господину во все времена выказывал уважение к великим сановникам царя, моего господина; я не чувствую за собой ни малейшей вины по отношению к царю, моему господину.*

Поскольку Эхнатон – возможно, по причине недостатка информации – не применил против него военную силу, Азиру не остановился на достигнутом. Он стал угрожать самому губернатору важного по своему политическому значению города Тунипа, и этот сановник, напуганный столь близкой опасностью, послал Эхнатону следующую жалобу: *Твой город плачет, умножая свои слезы, ведь для нас нет никакого спасения: мы направляем письма господину нашему, царю, но в ответ не получили ни слова – ни единого словечка.*

Азиру в итоге захватил Тунип – и послал новые богатые дары своим хеттским союзникам. Сразу же после этого он посягнул на еще более знаменитый город, Библ. Царь Библа, Рибадди, был преданнейшим союзником Египта, восхищенным поклонником египетской цивилизации и культуры. С самого начала распознав всю серьезность опасности, воплощенной в Азиру, он направлял ко двору Эхнатона многочисленные письма с просьбами вмешаться и спасти Библ.

Чтобы положить конец изменническим действиям против фараона, он просит пятьдесят колесниц и двести пехотинцев и обещает продержаться с этими силами до прихода египетских лучников. Он объясняет, что враги Египта заключают между собою союзы и что сам он, Рибадди, чувствует себя в Библе как птица в силках. Он постоянно пишет во дворец, но там никто не

обращает внимания на его слова. Царь верит только лжецам и предателям. Единственная реакция фараона заключается в том, что он сетует на обилие писем, поступающих от Рибадди! Почему он, Рибадди, столько пишет? *Да по причине того зла, которое мне чинили прежде,* – отвечает библский правитель, – *и, главное, для того, чтобы ничего похожего со мной не случилось теперь*.

Эхнатон, в конце концов, послал в Библ колесничих и, может быть, даже лучников – но в недостаточном количестве, в неудачный момент и против воли самого Рибадди, потому что маневр был явно плохо подготовлен. Солдаты, потерпев поражение, пали на поле битвы. И это несчастье поставили в вину Рибадди.

Хетты наводнили страну, – разочарованно констатирует старый слуга. – *Они захватили все земли царя, моего господина, и мой господин ничего против них не предпринял. Теперь они мобилизуют войска в хеттских землях, чтобы захватить Библ*. Для спасения города Рибадди просит всего лишь четыреста солдат и тридцать колесниц. Но Дзиру уже приказал своим войскам начинать осаду.

Конец близок. Рибадди все еще умоляет фараона: *Пусть царь, мой господин, вспомнит о своем слуге. Я днем и ночью жду появления царских лучников… Если царь, мой господин, не изменит своих сердечных помыслов, то я умру. Я стар и тело мое поражено тяжелой болезнью… С настоящим письмом я посылаю моего собственного сына, слугу царя… Пусть царь примет во внимание слова своего слуги, пусть он согласится дать лучников, чтобы они удержали Библ!*

Эхнатон совершает новую ошибку. Он консультируется с предателем Азиру, который уже приказал убить многих его верных вассалов. И именно этого человека царь просит изложить свое мнение относительно Библа. Хороший оратор, к тому же, без сомнения, имеющий тайных покровителей при египетском дворе, Азиру без труда убеждает фараона в своих добрых намерениях и в том, что не собирается покушаться на интересы Египта. Рибадди в последний раз взывает о помощи: *Пусть царь, мой господин, выступит в поход, посетит свои земли и вернет все себе. В тот день, когда ты выступишь в поход, все страны присоединятся к царю, моему господину. Кто сможет устоять перед войсками царя?*

Долгожданная помощь так и не пришла. Рибадди, несмотря на угрозы Азиру, все более жадно рвавшегося к новым завоеваниям, отказался открыть врагу ворота родного города. Он заплатил за свое мужество смертью – а Библ оказался вне сферы египетского контроля.

Цепь обрушившихся на Египет несчастий дополнилась

кровавыми набегами кочевых народов суту и хабиру (последних иногда отождествляют с евреями); они сосредоточили свои действия на Палестине, и палестинские князья немедленно начали отправлять Эхнатону многочисленные послания. Драматический отчет об этих событиях содержится в письме Абди-Хибы.[111] Он начинает с патетических заверений в собственной преданности царю и горько сетует на то, что его оклеветали перед повелителем, в то время как именно «могучей деснице» фараона он обязан своим местом. *Пусть царь позаботится о потребном для его земель!* – восклицает он. – *Все земли царя, моего господина, опустошены… Каждый раз, когда приезжали посланцы (фараона), я им говорил: «Земли царя потеряны», – но меня не слушали. Потеряны (для царя) все градоначальники. Нет больше ни одного градоначальника, который оставался бы с царем, моим господином.*

Грабежи способствовали нестабильности обстановки и мешали торговому обмену между Египтом и его вассалами; земледельцы особенно страдали от бесконечных набегов, и многие из них покидали свои участки, пытаясь найти прибежище в Египте. Даже вавилонские купцы однажды подверглись нападению, и их повелитель напрасно обращался с жалобами к фараону.

Почему же ситуация так сильно ухудшилась, почему внешние отношения Египта до такой степени осложнились? Еще в двенадцатом году правления Эхнатон, как обычно, принимал приношения иноземных государств, в том числе азиатских. В обмен он предоставлял этим странам «дыхание жизни» – и они (по крайней мере, номинально) признавали верховную власть египетской империи. Фараон ясно заявлял, что все эти народы суть его «собственность» и что бог даровал их ему, дабы он «охлаждал свой пыл» и усмирял их своей могучей дланью.

И, тем не менее, после двенадцатого года подобные заявления уже не соответствовали реальности: иноземные страны больше не присылали свою дань ко двору Эхнатона. Равновесие, кажется, внезапно нарушилось, и официальная фразеология уже не могла затушевать болезненные изменения, которые происходили в провинциях Египта.

Многие данные указывают как будто на то, что Эхнатон не посылал в достаточных количествах дары иноземным государям – пренебрегая, таким образом, дипломатическими обязательствами, которые владыке Египта не следовало бы недооценивать. Несомненно, это была серьезная ошибка.

Эхнатон сознавал трудности, с которыми столкнулась египетская политика. Он придерживался очень жесткой линии

поведения, что видно, например, по его письму одному из сирийских князей, которое было написано незадолго до хеттского вторжения: *Что касается меня, то у меня, Солнца в небе, все хорошо; мои колесницы и мои солдаты весьма многочисленны; от Верхнего Египта до Нижнего Египта, от области, где восходит Солнце, до области, где оно заходит, вся страна пребывает в прекрасном состоянии и в довольстве.*

Иными словами: египетское могущество столь же велико, как прежде, и войска фараона по-прежнему не знают себе равных. Уже одно это заявление, по убеждению царя, должно было успокоить горячие головы и обеспечить мир. Эхнатон не хотел использовать по прямому назначению ту армию, которой располагал; он считал, что ее «ударная сила» и так достаточно очевидна, чтобы успокоить потенциальных противников. Царь думал, что пацифистская политика, если она основана на солидном фундаменте, даст хорошие и долговременные результаты, тогда как вооруженное вмешательство только обострит ситуацию.

Его отец, Аменхотеп III, придерживался того же мнения, но, в отличие от сына, применял очень гибкую тактику: он умел противопоставлять одни племена другим, способствовать разделению того или иного общества на кланы, препятствовать образованию опасныхдля Египта коалиций. На удивление ловко используя междоусобные раздоры царьков, он крепко удерживал в своих руках контроль над соседними странами.

Эхнатон, уделявший первостепенное внимание духовным проблемам и стремившийся, прежде всего, заложить основы новой веры, зачастую пренебрегал этой разработанной его отцом системой интриг, преимущество которой заключалось в том, что она позволяла поддерживать в провинциях не опасную для имперской власти «ажитацию». Эхнатон, как кажется, не надзирал самолично над сетью своих зарубежных шпионов, возлагая эту ответственность на людей, чья порядочность порой вызывает сомнения. В результате, будучи плохо проинформированным, фараон смотрел на события в суженной, субъективной перспективе.

Кроме того, Эхнатон оказался в трудной экономической ситуации и не располагал теми богатствами, которые были у его предшественников. Аменхотеп III пообещал вассалам Египта прислать много золота, Эхнатон же не смог выполнить этих обещаний. Даже отправляя подарки верным Египту правителям, он совершал серьезные ошибки. Так, царь Вавилона упрекает Эхнатона в том, что фараон прислал ему золото очень низкого качества: *Пусть мой брат,* – жалуется царь Вавилона, –

соблаговолит не доверять (в будущем) никакому чиновнику золото, которое будет мне направлять, но пусть лучше мой господин соблаговолит осмотреть это золото собственными очами, запечатать и (самолично) отправить. Ибо золото, которое мой брат послал мне в прошлый раз, которое мой брат не осмотрел лично, и которое запечатывал и отправлял чиновник моего брата, было низкого качества; и когда его переплавили в горниле, оно не имело хорошего веса.

Несмотря на все заверения в дружбе и братстве, царь Вавилона не скрывает своего разочарования. Разумеется, из вежливости он обвиняет чиновника, ответственного за царскую казну, а не самого Эхнатона; однако подразумевается, что виноват именно фараон, который не проследил за выполнением своего обещания и тем нанес ощутимый ущерб престижу Египта.

Все союзники Египта в большей или меньшей степени выражали свое недоумение по поводу поведения Эхнатона. Они не подозревали о внутренних трудностях Египта и еще не вполне сознавали хеттскую угрозу; их просто шокировало, что фараон не слишком торопится посылать причитающиеся им подарки. Без сомнения, это было одной из причин, по которым иноземные «приношения» перестали поступать в Египет.

Египетская армия, между тем, ничуть не утратила ни своей доблести, ни своего могущества. Была ли она недовольна политикой фараона? Документы не позволяют нам точно ответить на этот вопрос, однако определенно известно, что египетские солдаты не поднимали никаких мятежей и продолжали повиноваться приказам.

Конечно, Эхнатон полагался, прежде всего, на дипломатию и силу убеждения, но он вовсе не был оторванным от жизни мечтателем, не способным заметить кризис египетской цивилизации, который разворачивался перед его глазами, и который он сам (отчасти) спровоцировал. Поэтому логично предположить, что он просто не получал достаточной информации и что некоторые письма (а может быть, и большая их часть) до него не доходили.

Если полиция Ахетатона была такой сильной и хорошо организованной, то объясняется это, без сомнения, тем, что не все люди из окружения царя относились к нему с такой любовью, какую стремились продемонстрировать. Следовало бы, в частности, попытаться разобраться с сановником Туту, который занимал какой-то ответственный пост в амарнском «министерстве иностранных дел». Это он должен был изучать и классифицировать письма, поступающие от вассалов и союзников Египта, – те отчаянные призывы о помощи, которые, по всей

видимости, так и остались без ответа.

Весьма вероятно, что Туту был личным другом Азиру – того самого вассала-предателя, который исподтишка наносил губительные удары правителям, сохранявшим верность Египту.

Хотя в этой сфере очень трудно получить решающие доказательства, мы хотим выдвинуть предположение, что среди окружения Эхнатона были изменники, которые намеренно утаивали от него часть информации, вследствие чего царь имел искаженное представление о реальных масштабах хеттской угрозы.

Александр Море защищал гипотезу, согласно которой Эхнатон видел в боге-Солнце священное связующее звено между египтянами и другими народами. Агрессивный, «националистический» и воинственный бог оставался бы, даже в случае своей победы, чисто египетским божеством; напротив, бог «пацифистский» и «толерантный» мог бы, обходясь без военных конфликтов, завоевать сердца всех людей.

Эхнатон, как известно, собирался построить три великих города, посвященных Атону: один – в Египте, другой – в Нубии… Предполагаемое местоположение третьего пока с точностью не установлено. Эти три города символически представляли бы целостность известного тогда мира, с любовью обращающего свой лик к лучам божественного Солнца. Именно Бог должен был скрепить дружеские узы между народами – а не оружие или богатые подарки. Атон, духовный отец всех одушевленных созданий, упразднил бы различия между народами – ради той «частицы Света», что равно присуща всем живым людям.

Это, конечно, чистой воды романтизм. Эхнатон, несомненно, возвеличил Атона; но он вовсе не имел желания приобщить весь мир к своей доктрине – потому что доктрины как таковой не существовало и потому что сама идея объединения народов на религиозной почве совершенно чужда египетскому духу.

Ясно одно: Эхнатон не мог адекватно реагировать на политическое и военное развитие азиатских стран, так как знал эти страны плохо и, в отличие от некоторых своих предшественников, никогда не посещал их лично, предпочитая действовать в интересах мира «издалека».

Такая позиция привела к весьма тяжелым последствиям. Библ был потерян. Государства Митанни, важного союзника Египта, более не существовало. Сирию захватили хетты. Палестина подвергалась периодическим набегам банд грабителей. В результате своих колебаний Эхнатон утратил инициативу. Он по-прежнему пытался проводить политику союзов и соглашений, но это ничуть не помогало сдерживать амбиции хеттов. Последние

оккупировали Месопотамию и Северную Сирию, окончательно разгромили Митанни, угрожали Южному Ливану. Никакая египетская армия так и не воздвиглась на их пути.

Мог ли Эхнатон остановить наступление хеттов? Специалисты по военной истории Египта утверждают, что да. Однако для того чтобы мобилизовать достаточно сильную армию, требовались особая организованность и значительные затраты на военные нужды. Предпринимать такие усилия – одновременно в социальной и в экономической сферах – Эхнатон не желал.

Недавние исследования позволяют думать, что в последние годы своего правления Эхнатон – если говорить о внешней политике – все-таки не пребывал в совершенном бездействии. Какие-то войска посылались в Сирию – но какого типа операцию они там проводили и насколько успешной она была?

Эхнатон не несет ответственности за упадок египетской империи. Другое дело, что он не сумел этот упадок отсрочить.

Одна скромная, но достаточно странная находка тоже датируется этим самым двенадцатым годом: две печати от винных кувшинов, на которых упомянуто имя Амона. Разве не свидетельствуют они о том, что старый имперский бог не подвергался тотальным неистовым гонениям? «Атонов мир» не основывался на войне против Амона.

Глава XXV
ДРАМЫ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ГОДА

В амарнских текстах редко описываются *события*. Историку, который пытается найти следы каких-то конкретных фактов в *религиозных* текстах и изображениях, посвященных проблемам культа, ритуалов, символов, предстоит нелегкая работа.

И все же мы знаем, что четырнадцатый год правления был отмечен двумя драматическими событиями. Относительно первого из них мы вполне уверены, второе же пока остается гипотетическим.

Смерть ребенка

В четырнадцатом году Макетатон, вторая дочь царственных супругов, внезапно заболела. Сколько лет ей тогда было? Точно сказать трудно. Самое меньшее двенадцать. Несмотря на усиленное лечение, девочка скончалась. Ее похоронили в царской гробнице, которую Эхнатон приготовил для своей семьи.

Художники (что является исключительным для Египта случаем) получили повеление запечатлеть ритуальные сцены траура – и мы, таким образом, имеем возможность приобщиться к великой печали Эхнатона и Нефертити. На барельефах в гробнице эль-Амарны мы видим царя и царицу в слезах, а также какую-то женщину, которая пытается успокоить младенца. На основании этого изображения некоторые исследователи делают вывод, что Макетатон умерла от родов.

Все сцены траура по принцессе передают ощущение отчаяния, которое трогает нас и сегодня. Этот удар судьбы оказался для Эхнатона очень тяжелым и произвел на него глубокое впечатление. Почему Атон, бог Света, бог, которого царь любил всей душой, был столь жесток, что лишил своего сына самой нежной привязанности?

Судя по изображениям на пограничных стелах, которые отмечали пределы сакральной территории города Солнца, принцессы находились под непосредственной защитой Нефертити. Им была предназначена долгая жизнь. И, тем не менее, Макетатон умерла. Что касается трех самых младших дочерей, то на более поздних изображениях мы их больше не видим. Может быть, они тоже умерли?

Следует ли нам принять гипотезу, согласно которой в тот

период на Ближнем Востоке свирепствовала эпидемия чумы, не пощадившая и обитателей египетского царского дворца?

Так или иначе, эта драма не могла не потрясти царскую семью. Потеря ребенка, находившегося под особым покровительством Атона, была несчастьем, которое народ мог истолковать как знак божественной немилости.

То, что происходило после этого года, как бы подернуто сумрачной пеленой. Документов становится все меньше, и их все труднее интерпретировать. Установить последовательность событий невозможно.

После кончины Макетатон, случившейся на четырнадцатом году правления, «линия судьбы» царя и царицы ломается и начинает идти под уклон.

Смерть Нефертити?

Для Нефертити кончина дочери была, несомненно, непереносимым горем. Трудно сказать, появлялась ли царица после четырнадцатого года на официальных церемониях, или же ее место заняли дочери – Меритатон (старшая) и Анхесенпаатон.

В храме Нефертити, носившем название «сень», ее имя было заменено именем старшей дочери, которая, как кажется, заменила мать в культовой практике.

В двенадцатом году (или, быть может, в конце четырнадцатого) Нефертити переселилась во дворец в северном квартале города Солнца. По какой причине?

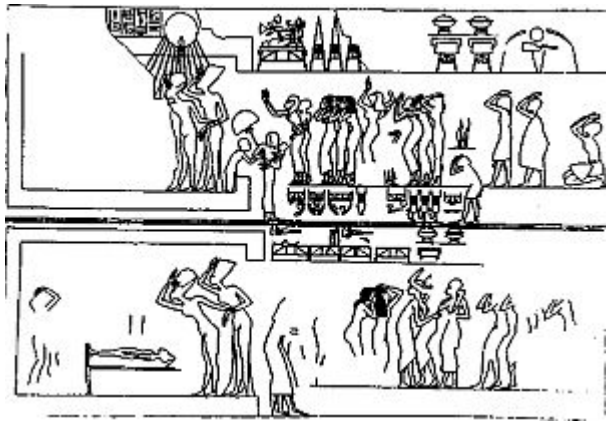
Многие исследователи выдвигали предположения по этому поводу, пытаясь приподнять покров тайны над последними годами жизни Нефертити.

Согласно одной теории, Нефертити отдавала себе отчет в тех серьезных опасностях, которые угрожали Египту из-за ошибочной политики Эхнатона. Она – в той или иной мере – отвергла религию атонизма, чтобы спасти страну от гибели.

Царице будто бы удалось вступить в контакт со жрецами Амона, и они, беседуя с Нефертити, открыли ей глаза на вредоносный характер той практики, начало которой положил ее супруг. Вняв их предостережениям, Нефертити удалилась в северный дворец вместе с мальчиком Тутанхатоном, которому позднее суждено было править Египтом под именем Тутанхамона.

Царица, которой помогал в ее деле «отец бога» Эйе, готовила подростка Тутанхатона к тому, чтобы он захватил власть, отстранив от управления государством Эхнатона – больного и все более терявшегося перед потоком неприятных событий. С точки

зрения Нефертити, это было единственным средством сохранить преемственность царской власти и в то же время обеспечить необходимый возврат к порядку.



Оплакивание умершей принцессы Макетатон. Фигурка женщины с младенцем на руках в верхнем ряду (над которой слуга держит опахало) заставила некоторых исследователей полагать, что вторая дочь Эхнатона и Нефертити умерла во время родов. Вторая справа фигура в верхнем ряду, судя по характерной одежде, изображает визиря. Рельеф из царской гробницы в эль-Амарне.

Видя, что здоровье царя-«еретика» ухудшается, Нефертити пыталась таким образом избежать яростной мести фиванского жречества, которая в скором будущем ожидала всех тех, кто помогал Эхнатону в его миссии. Только Нефертити, в силу своих личных качеств, могла навести мосты между «революцией» Эхнатона и консерватизмом приверженцев Фив.

Обстоятельства благоприятствовали осуществлению надежд царицы. Эхнатон умер, и она представила жрецам Амона в качестве кандидата на трон юного Тутанхатона, которого воспитала по своему разумению. Жрецы признали его, и молодой человек, став законным царем, и, приняв имя Тутанхамон, восстановил могущество Амона.

Эта история со многими перипетиями предполагает, что Нефертити пошла на своего рода предательство: забыла о долгих годах семейного счастья и отринула религию Атона.

Должны ли мы учитывать гипотезу Джона Р. Харриса и Джулии Сэмсон? По мнению этих двух исследователей (которое другие египтологи оспаривают), следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Именем старшей принцессы было заменено не имя Нефертити, а имя второй супруги царя, Кийи. Эта деталь, как и некоторые другие, наводит на мысль, что

соправителя Эхнатона по имени Сменхкара никогда не существовало. В действительности речь идет о втором имени самой Нефертити. Нефертити, которая с самого начала правления Эхнатона обладала очень широкими полномочиями, просто стала фараоном (после смерти своего супруга).

Все это, на наш взгляд, весьма малоубедительно. Решающих аргументов, подтверждающих такое предположение, нет.

Возможно и еще одно объяснение событий: разрыв отношений между супругами произошел не по инициативе Нефертити, но из-за поведения самого Эхнатона, который, будучи напуганным крахом своей «революционной» авантюры, решил пойти на сближение со жрецами Амона и договориться с ними.

Нефертити, верная ортодоксальному атонизму, могла прийти в ярость от такого оборота событий и покинуть своего супруга, чтобы жить в уединении и сохранить свою веру в Атона-Творца – веру, остававшуюся единственным смыслом ее жизни.

Чтобы начать переговоры, Эхнатон направил в Фивы своего соправителя Сменхкара. Встреча должна была проходить очень бурно. Жрецы Амона, в недавнем прошлом поруганные, вероятно, заставили посланца «еретика» принять все их условия и даже пойти на унижение.

Нефертити поняла, что ее место в сердце Эхнатона занял молодой соправитель Сменхкара. Любовь, которая прежде связывала царя и царицу и помогала последней переносить все жизненные испытания, теперь постепенно иссякала.

Узнав о решении своего супруга и жалких результатах дипломатической миссии его соправителя, Нефертити впала в такой неистовый гнев, что приказала убить Сменхкара. По мнению Пендлбери, одного из самых известных археологов, работавших в эль-Амарне, Нефертити умерла не ранее третьего года правления Тутанхатона, при котором исполняла роль регентши (абсолютно преданной культу Атона). Именно царица помешала юному фараону – которому в момент прихода к власти было около десяти лет – поддаться уговорам жрецов Амона и вернуться в Фивы. Таким образом, на самом деле «еретический» период в истории Египта закончился лишь со смертью царицы.

Если мы примем эту версию событий, то должны будем признать, что Эхнатон сам предал свои идеалы – из страха или по причине душевной низости. Царь не имел больше сил, необходимых для решения взятых на себя задач, – однако Нефертити не согласилась отречься от их общего дела. Взяв бразды правления в свои руки, она с необычайной энергией продолжала отстаивать атонизм, и отказывалась от каких бы то ни было уступок фиванскому жречеству.

Она правила страной и после смерти Эхнатона, соблюдая линию поведения, заданную амарнской революцией, – и оберегала чистоту новой веры вплоть до своего последнего дня. Она сделала даже больше: воспитала юного Тутанхатона и попыталась передать свою эстафету ему.

Такая реконструкция событий представляется нам совершенно фантастической, ибо она основана все на том же неправдоподобном постулате: о необходимости вести переговоры со жречеством Амона, якобы находившимся в оппозиции к режиму.

Правда, возможно, была куда более простой и трагичной. В четырнадцатом году (или чуть позже) царица Нефертити, глубоко потрясенная смертью одной или нескольких своих дочерей, скончалась в северном дворце Ахетатона, куда удалилась по причине своего нездоровья.

Смерть в Египте не была событием, которое требует непременной регистрации в государственном учреждении. Она воспринималась как трансформация одушевленного естества, как одна из многих метаморфоз. После кончины важного лица было принято совершать определенные ритуальные действия, продлевающие его личное бессмертие, – но не напоминать о нем непосредственным образом.

Вот почему после смерти царицы скульпторы эль-Амарны подкорректировали многие ее изображения, придав им сходство с ее дочерью Меритатон, которая стала теперь «первой дамой» страны.

Если имя Нефертити в ее «тенистом павильоне» («сени») повсюду заменили на имя Меритатон, то вовсе не потому, что царица впала в немилость или посмела выступить против царя; эта замена имен имела символический смысл. Как подчеркивает Олдред, функция «тенистого павильона» состояла в том, чтобы каждодневно обновлять жизненную силу и творческие способности царицы. Нефертити более не существовало – и святилище передали ее дочери, которая стала его законной владелицей и могла теперь каждодневно обновлять свою силу, выполняя тайные ритуалы женских сообществ Ахетатона.

На протяжении нескольких месяцев Эхнатон потерял свою супругу и одну или несколько дочерей. Уже пораженный в самое сердце смертью Макетатон, царь очень скоро после этого должен был пережить и другое испытание – одиночество единоличного властителя. С самого начала распространения атонизма Нефертити неизменно была рядом с ним. Она разделяла его права и обязанности. И при всех обстоятельствах высказывала свое мнение.

Свет Атона изливался на землю через посредство божественной *четы.* Лишившись Нефертити, Эхнатон уже не мог исполнять теологические и символические функции, которых требовал культ божественного Солнца.

Ему не оставалось ничего иного, как взять себе соправителя.

Глава XXVI
ОТ ПЯТНАДЦАТОГО К СЕМНАДЦАТОМУ ГОДУ: КОНЕЦ ПРАВЛЕНИЯ

Два последних года правления Эхнатона покрыты мраком. Дошедшие до нас источники немногочисленны и разрозненны. Ни один памятник не может быть точно датирован, что исключает сколько-нибудь последовательную историческую реконструкцию.

Что же мы все-таки знаем?

В конце четырнадцатого или в начале пятнадцатого года соправителем Эхнатона стал некий Сменхкара (его имя означает: «Упрочено *ка* Ра»[112]). Заметим, кстати, что в этом имени вновь упоминается Ра, а не Атон. Совместное правление длилось около трех лет, до смерти Эхнатона.

Выбор соправителя фараона относился к числу важнейших государственных актов. Причины, которые побудили Эхнатона остановиться именно на кандидатуре Сменхкара, должны были быть очень серьезными. К сожалению, мы этих причин не знаем.

Кто такой Сменхкара? Сын Аменхотепа III и одной из его второстепенных жен? Брат Тутанхатона? Сын Кийи? У нас нет данных о его происхождении. Ни в одном источнике не упоминаются ни его семья, ни родители.

На известняковых стелах из эль-Амарны, которые ныне хранятся в Берлинском музее, два царя изображены бок о бок. Исследователи предполагают, что речь в данном случае идет об Эхнатоне и его соправителе. К сожалению, дальше предположений мы пока двинуться не можем, поскольку памятники не закончены. На них выгравированы царские картуши, но имена персонажей в эти овалы вписать не успели.

Обратившись к сфере символики, мы сможем прояснить картину в гораздо большей мере. Если Эхнатон и Сменхкара были соправителями в политическом плане, то в плане религиозном они должны были образовывать чету, в которой старший фараон воплощал бы мужское начало, а младший – женское. Сменхкара действительно носил эпитет «любимый Эхнатоном», а чтобы ситуация стала еще более понятной для всех, присоединил к своему имени одно из имен Нефертити, то есть принял на себя символическую роль покойной царицы. Это имя – Нефер-неферу-Атон, «Совершенно совершенство Атона»; обычно в надписях оно предшествовало имени Нефертити.

Джулия Сэмсон на основании только что упомянутой детали и некоторых других защищает крайнюю точку зрения, согласно

которой Сменхкара никогда не существовал. Его образ в ученых сочинениях – следствие неправильной интерпретации источников, ошибок, переходивших из одной книги в другую. Вам нужен пример? Пожалуйста. Описывая каменный блок, найденный в Мемфисе в 1854 году, Николсон говорит об изображенных на нем двух персонажах, не поддающихся идентификации, «которые поклоняются Диску». На самом деле, на блоке нет ни Диска, ни лучей, ни упоминания Атона, то есть формальные доказательства в пользу его датировки амарнским периодом отсутствуют. И, тем не менее, в 1928 году Ньюберри, вслед за Борхардом, идентифицирует эти две фигуры как «Эхнатона» и «Сменхкара». И потом такая идентификация принимается всеми как окончательная истина. Вывод Джулии Сэмсон: Сменхкара – это не кто иной, как Нефертити, ставшая соправителем своего мужа.

Редфорд и другие египтологи считают гипотезу Сэмсон неприемлемой. Нефер-неферу-Атон – не личное имя Нефертити, но теологический эпитет; кроме того, когда оно прилагается к Сменхкара, то пишется по-иному. Эхнатон просто символически передал эпитет покойной царицы своему соправителю – чтобы часть естества Нефертити продолжала властвовать над страной. Эхнатон на всем протяжении своего правления акцентировал темы андрогинности первотворца и божественности царской четы (которая одна способна постичь божественное первоначало во всей сложности его бытия).

Точная роль Меритатон, старшей дочери царственных супругов, также во многом не ясна. На некоторых рельефах ее именем заменены имена Кийи и даже Нефертити. В пятнадцатом году она совершала культовые действия вместе со своим отцом. Была ли именно она обитательницей «дома любимицы»? Можно ли считать, что она не только унаследовала религиозные функции своей матери, но единовластно правила Египтом после смерти Эхнатона?[113]

Выдвигалось предположение, что Сменхкара и Меритатон были супругами. В одной гробнице из эль-Амарны они, кажется, изображены вместе,[114] как царствующая чета. Можем ли мы признать, на том основании, что Эхнатон в этой сцене отсутствует, что он уже умер и перед нами – его наследники?

В шестнадцатом году, ещё при жизни Эхнатона, Сменхкара, видимо, посетил Фивы. В городе Амона был обнаружен храм Сменхкара, где этот фараон, сохранивший свои «Атоновы» имена, тем не менее, изображен приносящим жертвы Амону. Граффито, датированное третьим (последним) годом правления Сменхкара, содержит молитву Амону, составленную от имени *жреца и писца*

жертвенных даров бога Амона в храме Анх-хепру-Ра в Фивах (Анх-хепру-Ра – одно из имен соправителя Эхнатона).

Какова была цель этого визита? Без сомнения, Сменхкара хотел подготовить возвращение царского двора в Фивы. Эхнатон к тому времени был либо тяжело болен, либо уже мертв. Пробил час, когда эксперимент с атонизмом должен был закончиться – без каких-либо особых потрясений.

Переезд двора, государственных учреждений и высших чиновников требовал предварительной административной подготовки. Скорее всего, эта задача была возложена на соправителя Эхнатона. Закончив свою миссию, он исчезает со сцены. Умер или просто оказался не у дел?

В шестнадцатом году, по приказу Эхнатона, египетская армия вступила на территорию Северной Сирии.[115] Фараон тогда еще оставался у власти. Сочтя, что хетты в своих притязаниях зашли слишком далеко, он, наконец, решил преподать им урок. Возможно даже, что войска под водительством генерала Хоремхеба атаковали Каркемиш.[116] Эта военная кампания способствовала укреплению безопасности Египта. Если у хеттов и были какие-то планы вторжения в Египет, они от них отказались, убедившись в боеспособности солдат фараона.

Это было последнее известное нам официальное событие времени правления Эхнатона.

Глава XXVII
СМЕРТЬ ЭХНАТОНА И ПРЕЕМНИКИ ФАРАОНА

Согласно Редфорду, Эхнатон мирно скончался в своей столице летом 1359 года до Рождества Христова. Если точность этой даты можно оспаривать, то первая часть утверждения египтолога кажется вполне правдоподобной: супруг Нефертити воссоединился с божественным Светом, из которого некогда вышел, не возбудив в Ахетатоне никаких особых волнений.

Ни один документ не упоминает о смерти Эхнатона. В этом факте нет ничего необычного. Египетские тексты вообще очень редко содержат сведения о прекращении физического существования царя. Важным считалось другое – обеспечить путем необходимых ритуалов его переход к бессмертию.

Эхнатон, вероятно, был похоронен в царской гробнице Ахетатона, где уже покоились тела Макетатон и Нефертити. Правда, как ни странно, до нас не дошло ни текстов, ни изображений, свидетельствующих о кончине последней.

После трех лет совместного правления с Эхнатоном Сменхкара совершенно исчезает из нашего поля зрения. Меритатон, старшая дочь царственных супругов, тоже более не упоминается.

Зато на исторической сцене появляется новый персонаж – юный Тутанхатон, «Живой образ Атона», которому в момент смерти Эхнатона было, вероятно, около десяти лет. Он провел свое детство в городе Солнца и, кажется, пользовался покровительством Нефертити. Именно этот мальчик стал новым фараоном, приняв имя Тутанхамон, «Живой образ Амона».

Теперь магический акт свершился «в обратном направлении». Эхнатон некогда изменил свое имя, предпочтя Атона Амону. Новый царь отверг Атона, чтобы вернуться к Амону, и после своей коронации в Карнаке остался жить в Фивах.

Кто же выбрал Тутанхамона в качестве наследника «четы» Эхнатона-Сменхкара? Мы этого не знаем. Может быть, сам Эхнатон. Может быть, коллегия мудрых сановников, обнаруживших в нем способности к государственному правлению. Может быть, сама Нефертити, «будучи великой супругой царя», успела до своей смерти назначить Тутанхамона престолонаследником.

Переезд в Фивы и возврат к культу Амона не сопровождались никакими насильственными действиями. На одной стеле из

Берлина мы видим Тутанхатона (еще не изменившего свое имя) в акте поклонения Амону-Ра. Поэтому нам не следует воображать себе распрю богов или месть Амона Атону. Переход от одного государственного культа к другому, должным образом подготовленный и в Ахетатоне, и в, Фивах, свершился в соответствии с нормальной ритуальной практикой возрождения древних культов.

Тем не менее, в знаменитом эдикте Тутанхамона против Эхнатона как будто выдвигаются очень серьезные обвинения:

Храмы богов… были близки к уничтожению, являясь развалинами, поросшими растениями; покои их (были) как то, что не являлось (на) свет, дворы их – дорогою пешеходной. Была земля как бы (в) болезни. Боги отвернулись (от) земли этой. Если молили бога, чтобы попросить вещь (то есть совет) у него, не приходил он […]. Если молились богине всякой (то есть какой-либо) равным образом, не приходила она совсем… [117]

Что это – описание исторической реальности или нравоучительный вымысел? Ни то ни другое. В правление Эхнатона, в те немногие годы, когда в стране царил атонизм, храмы традиционных богов не подверглись разрушению и не пришли в упадок. Однако в момент смерти фараона над Обеими Землями нависла угроза гибели. Страна переживала период хаоса. Казалось, что смертоносный ураган проносится над Египтом. Существовала единственная возможность преодоления опасности: на трон должен был взойти новый царь. Благодаря восшествию на престол Тутанхамона хаос, согласно традиционным символическим представлениям, был изгнан из страны – и она вновь вернулась к первобытным временам, к «золотому веку».

Каждое начало нового правления соответствует «первому разу» – то есть зарождению жизни, чистой манифестации гармонии.

Фиванское жречество не вело никакой религиозной войны с приверженцами Атона. К последним, между прочим, относился и сам Тутанхамон. Этот фараон, правление которого было отмечено возвращением к имперскому богу Амону, первую половину своей жизни провел в городе Атона.

«Люди, чьи имена известны» (иными словами, уважаемые члены богатых и влиятельных фиванских семей), заняли ответственные посты в гражданской и религиозной администрации. Те же, кто был обязан своими высокими должностями исключительно Эхнатону, вернулись к безвестности.

Существует еще одно доказательство того, что между

столицей Эхнатона и Фивами отношения были мирными – в гражданском и религиозном плане. Когда Тутанхамон после нескольких лет правления умер, можно было ожидать, что новым фараоном станет какой-нибудь фиванец, не участвовавший – ни непосредственно, ни косвенным образом – в опыте атонизма.

Однако на самом деле случилось как раз обратное. На царский трон взошел Эйе – ближайшее доверенное лицо Эхнатона, царедворец, который не так давно повелел выгравировать на стенах своей гробницы «Большой гимн Атону».

Некоторые специалисты видят в Эйе превосходный пример оппортуниста, умеющего приспосабливаться к самым трудным ситуациям: ведь этот человек, в свое время пользовавшийся милостями Эхнатона, смог, тем не менее, обрести расположение фиванцев. Обладая дьявольской ловкостью, он якобы плел коварные интриги и добился того, что амарнское прошлое не помешало ему прийти к власти.

Это – слишком осовремененная, политизированная картина, чтобы мы могли принять ее на веру. Эйе, человек пожилой и опытный, пользовался славой мудреца скорее всего потому, что на всем протяжении своей «карьеры» соблюдал закон Маат. К тому времени, когда он стал преемником юного Тутанхамона,[118] у него уже не оставалось личных амбиций. Сторонник примирения враждующих сторон и человек уравновешенного характера, прекрасный знаток администрации и придворного этикета, Эйе мирно процарствовал около двух лет.

В близком окружении фараона Тутанхамона, помимо Эйе, был генерал Хоремхеб. Когда Эйе умер, он взошел на престол, тем самым продолжив «амарнскую» линию преемственности.

Хоремхеб выдвинулся как «сильная личность» после военной кампании в Азии, осуществленной по повелению Эхнатона, которому он верно служил. У него было много времени, чтобы приобрести опыт управления людьми. Став фараоном, он проявил себя не столько как военный, сколько как юрист. Он издал важный декрет, реформировав устаревшие законы, которые стали несправедливыми.

Хоремхеб, возможно, был женат на сестре Нефертити; во всяком случае, он не испытывал никаких враждебных чувств к Эхнатону, своему прежнему господину. Он назначил верховным жрецом Ра в Гелиополе бывшего амарнского сановника, таким образом поддержав древнюю солярную традицию.

Если в анналах египетских царей правление Хоремхеба следует непосредственно за правлением Аменхотепа III, вследствие чего Эхнатон, Тутанхамон и Эйе вообще «выпадают» из истории, то следует уточнить, что этим мы обязаны

рамессидским летописцам, которые жили гораздо позже описываемых нами событий.

Хоремхеб занял непримиримую позицию в отношении хеттов, однако никаких военных действий не предпринимал – хотя и повелел убить одного из сыновей хеттского царя, направлявшегося в Египет, чтобы вступить в брак с Анхесенпаатон, дочерью Эхнатона и Нефертити и вдовой Тутанхамона (которая, попросив себе в мужья иноземного царевича, совершила акт предательства).

Как мы могли убедиться, преемственность царской власти после смерти Эхнатона осуществлялась мирным путем. Не было ни гражданской войны, ни противостояния приверженцев одного и другого бога. Больше того: люди, в свое время близкие к фараону, после его смерти в течение многих лет правили Египтом.

Глава XXVIII
ДВЕ ТАИНСТВЕННЫЕ ГРОБНИЦЫ

Гробницы обитателей города Солнца высечены в скале, возвышающейся над столицей Эхнатона. Таким образом, предполагалось, что их владельцы будут вечно созерцать священную территорию бога Атона.

Этот некрополь можно сравнить с некрополями Бени-Хассана, эль-Берше и Меира. Он имеет столь же величественный и благородный вид. Однако в связи с количеством гробниц, обнаруженных в этом месте (сорок три), возникает проблема: их явно слишком мало по сравнению с числом вельмож, владевших усадьбами в Ахетатоне. Разрешить эту загадку можно только одним способом – предположив, что право на погребение в некрополе Ахетатона царь предоставлял только высшей элите, в то время как все остальные чиновники сооружали свои «жилища вечности» где-то в других местах.

Царскую гробницу обнаружил в 1891 году Барсанти – довольно далеко от столицы. Она расположена в лощине, в шести километрах от устья вади Абу Хаса эль-Бахари, к востоку от города. Трудно представить себе более дикое, унылое и уединенное место.

Гробница настолько труднодоступна, что прошли многие годы, прежде чем английский египтолог Джефри Мартин смог осуществить научную публикацию содержащихся в ней материалов (публикация эта появилась совсем недавно).

Чем был обусловлен такой выбор? Тексты не дают нам никаких указаний на этот счет. Должны ли мы предполагать, что царская семья, для которой предназначалась странная гробница, могла быть погребена только вдали от своих подданных и от столицы живых? Или она просто хотела сохранить место своего погребения в тайне? Или географическое местоположение гробницы было обусловлено какими-то соображениями символического характера, о которых мы даже не подозреваем?

Эль-Амарна – это совокупность трех отдельных элементов: столицы Египта, расположенной на восточном берегу реки (тогда как территория Атона простирается и на другом берегу, в окрестностях Туна эль-Джебель); комплекса гробниц вельмож, высеченных в скале, которая доминирует над городом; и, наконец, царской гробницы, затерянной в пустыне, вне пределов видимости живых, в самом сердце «Красной земли».[119]

Сестра царицы Нефертити Мутнеджмет в детстве. Прорись фрагмента рельефа из частной гробницы в эль-Амарне.

С начала XVIII династии фараонов хоронили в знаменитой Долине царей. Последняя неотделима от фиванских храмов. Эти храмы, «дома миллионов лет», имели в качестве святая святых саму гробницу. Два элемента – царский храм и царская гробница – хотя и были разделены в географическом смысле, образовывали символическое единство.

После строительства новой столицы, Ахетатона, Эхнатон уже не мог избрать местом своего погребения Долину царей. В символическом плане было очень важно, чтобы его вечное жилище находилось к востоку от города живых. Не представляла ли собой царская гробница истинную святая святых большого храма Атона?

Гробница, обнаруженная Барсанти, к сожалению, не была нетронутой. Грабители чудовищным образом изуродовали ее. Однако Джефри Мартин после тщательного изучения археологических материалов сумел сформулировать целый ряд гипотез относительно характера сцен, некогда украшавших стены гробницы, а ныне почти полностью разрушенных.

В оформлении гробницы нашли отражение все главные темы религии атонизма, и, прежде всего – тема поклонения царской семьи богу Атону. На плите из раскрашенного известняка, найденной в одной из комнат этой огромной гробницы, мы видим царя, который в сопровождении царицы и двух своих дочерей подносит цветы сияющему Диску. Лица и тела персонажей сильно деформированы, уродливы. Нефертити неузнаваема, ее облик производит отталкивающее впечатление. Все изображение в целом кажется карикатурой. Что это – набросок скульптора или

своего рода *ex-voto?*

Эта уединенная гробница принадлежала не одному царю. В ней было много комнат, предназначенных для царских детей. Именно там похоронили принцессу Макетатон. Ей выделили комнату, стены которой, расписанные сценами траура, напоминали о горе царской четы.

В гробнице не обнаружили никаких следов традиционных мотивов заупокойного культа, осирической мифологии. Это «жилище вечности» целиком посвящено Атону и представляет собой законченный архитектурный комплекс, священное пространство, где, как предполагалось, царская семья должна была изменить свою природу под воздействием божественного Света.

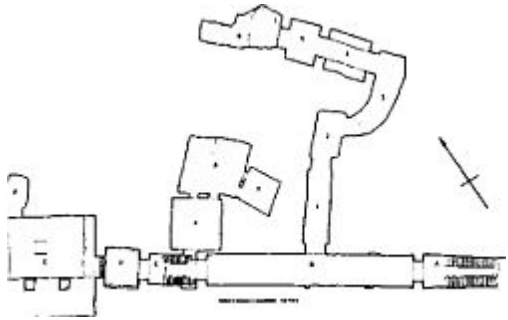
Джефри Мартина ожидал сюрприз. Позади царской гробницы он обнаружил еще одну. Второй памятник находится в слишком плохом состоянии, чтобы можно было прийти к каким-то определенным выводам. Тем не менее, мы вправе предполагать, что эта вторая гробница предназначалась для Нефертити. Вечное прибежище семьи фараона, сооруженное «в духе атонизма», состояло, следовательно, из двух элементов – и было точным архитектурным соответствием идеи посредничества царственной *четы* в передаче живым божественного Света.

Гробница 55 в Долине царей

С этой гробницей связана одна из самых темных страниц в истории египетской археологии. Гробница была обнаружена в 1907 году экспедицией Дэвиса, совсем рядом с гробницей Рамсеса IX и современной гостиницей.

Археологи раскопали коридор, заваленный разнообразными обломками, в том числе очень хрупких позолоченных ковчегов. Потолок был покрыт трещинами. Грунтовые воды попортили позолоченные панно.

К сожалению, раскопки осуществлялись очень некачественно. Несмотря на присутствие квалифицированных египтологов, никто не вел точного и подробного дневника работ. Рассказы людей, посещавших гробницу, противоречивы. Часть находок, как кажется, была разворована. Никто не обратился к специалистам, которые могли бы произвести необходимые реставрационные работы. Перед приходом фотографов в гробнице «навели порядок» – и в результате мы не знаем первоначального расположения предметов.



План царской гробницы в эль-Амарне.

В древности гробница, вероятно, все-таки не была систематическим образом ограблена, так как в ней нашли довольно много золота. Более того, вход в погребальную камеру был замурован каменной стеной, которая осталась нетронутой. Гробница 55 могла бы поведать нам многое о событиях амарнской эпохи, если бы раскопки не велись с такой плачевной небрежностью.

Множество исследований – как общего характера, так и специальных – было посвящено этой таинственной гробнице, в которой содержались любопытные и разнообразные вещи и которая, несомненно, еще в древности неоднократно подвергалась ревизиям и переделкам.

На панно из позолоченного дерева (стенке ковчега) Эхнатон и его мать Тийа изображены в акте поклонения Атону. Фигура царя была намеренно изглажена, остался лишь ее контур. Этот ковчег (с медными гранями) Эхнатон повелел изготовить для похорон своей матери. Четыре помещавшиеся в нем канопы египтологи атрибутировали разным лицам – Тийе, Меритатон, Сменхкара. Дело в том, что на самих канопах нет никаких имен. На оттисках печатей сохранились картуши Тутанхамона. На магических кирпичах – картуши Эхнатона.

В гробнице находился также саркофаг, установленный на ложе, украшенном резными львиными головами. Но ложе сгнило, и саркофаг упал на землю. Имена, некогда надписанные на саркофаге, уже не прочесть. Какой-то вор завладел золотой маской.

Изучение текстов, как кажется, позволяет заключить, что «владельцем» этого погребения следует считать не мужчину, а женщину! А значит, мумия не может принадлежать Эхнатону. И действительно, специалист, работавший с мумией, идентифицировал тело как женское. Вывод напрашивался сам собой: археологи обнаружили последнее пристанище царицы Тийи.

В1907 году Элиот Смит, тоже специалист по мумификации, доказал, что его коллега ошибся. Мумия принадлежит мужчине, который скончался в возрасте около двадцати пяти лет и при жизни страдал гидроцефалией (водянкой мозга). Неизбежный вывод: мы имеем дело с мумией Эхнатона; мы, наконец, получили в свое распоряжение тело, которому свойственны деформации, соответствующие тем, что отражены в амарнском искусстве!

Однако третий специалист, Дерри, после нового тщательного исследования мумии убедительно продемонстрировал, что она не обнаруживает ни малейшего следа гидроцефалии. Умерший, следовательно, не Эхнатон, что подтверждается и его приблизительным возрастом в момент смерти. Ведь основатель Ахетатона определенно прожил не менее тридцати лет.

Правда, в надписях гробницы упоминаются только Эхнатон и Тийа. Поэтому кажется неоспоримым тот факт, что изначально царь готовил гробницу для своей матери. Но была ли она действительно там похоронена? Мы этого не знаем.

Мумия, весьма вероятно, принадлежит соправителю фараона, Сменхкара. «Женский» контекст саркофага не должен нас удивлять, потому что, как мы видели, Сменхкара выступал в роли «мистической супруги» Эхнатона. В этой связи очень показательно ритуальное положение мумии: ее левая рука согнута на груди, правая вытянута вдоль тела – поза, традиционная для цариц Египта!

Открытие мумии Сменхкара подтверждает, что Эхнатон придавал огромное значение символике царской четы; амарнцы, которые хоронили корегента, помнили об этом и выбрали для него особую ритуальную позу, которая, несмотря на все прошедшие века, не оставляет никакого сомнения относительно его символической роли.

Этот саркофаг ныне выставлен в Каирском музее, и совсем недавно мы имели случай еще раз его осмотреть. Он выполнен из позолоченного дерева, с инкрустациями из сердолика и стеклянной пасты. Плеть, которую держит царь, сделана из бусин синего стекла и позолоченного дерева. Процитируем (в переводе) текст, записанный на ступнях антропоморфного саркофага:

Слова, произнесенные… [имя в картуше изглажено]. *Да буду я вдыхать сладостное дыхание, что исходит из твоих уст, да буду я лицезреть красоту твою каждодневно; мое желание – внимать твоему сладкозвучному голосу, сравнимому с (освежающим) ветерком, и чтобы мое обновленное тело пребывало в жизни благодаря любви к тебе. Протягивай ко мне твои руки, несущие твою духовную силу, дабы я мог принимать ее и жить ею. Зови меня моим именем – вечно, всегда!.. Ты еси… живущий вечно,*

подобно солнечному Диску… Царь Верхнего и Нижнего Египта, живущий Правдою, владыка Обеих Земель… тебя, дитя совершенное Атона, что будет жить вечно…

Прощание с Макетатон. Статуя или мумия умершей принцессы стоит в украшенной цветами беседке (слева), в то время как ее родители и сестры в знак траура посыпают головы прахом. Прорись рельефа из царской гробницы в эль-Амарне.

Ни в одной фразе, где было записано имя фараона, оно не сохранилось. Вместо него остались лишь раздражающие нас пустоты. Сам же текст, как мы видим, посвящен проблемам вечности, а не историческим событиям.

Гробница 55, если бы ее должным образом исследовали, могла бы пролить свет на конец амарнской эпохи. Но – увы! – нам приходится довольствоваться немногими разрозненными свидетельствами. По нашему мнению, с уверенностью можно утверждать одно: обнаруженная в гробнице мумия принадлежит Сменхкара, соправителю Эхнатона, который готовил возвращение в Фивы царского двора.

Англичанин Сэйс, описывая раскопки царской гробницы в эль-Амарне, упоминает о найденном там трупе мужчины, который был сожжен уже после мумификации. Официальный археологический отчет об этом умалчивает. Разумеется, ничто не доказывает, что речь идет о мумии Эхнатона. Но даже если бы это было так, совершенное святотатство следует отнести на счет грабителей XIX века, которые имели обыкновение, завершив свою «работу», сжигать мумии и устраивать пожары в гробницах.

Что же касается гробницы 55 в Долине царей, то она изначально предназначалась для царицы Тийи, но позднее была передана Сменхкара. Место его вечного упокоения находится совсем недалеко от гробницы его преемника, Тутанхамона.

Глава XXIX
ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СТОЛИЦЫ

Вопреки тому, что часто писали, смерть Эхнатона не повлекла за собой возвращения к ортодоксии. По одной существенной причине, которую хотелось бы еще раз настойчиво подчеркнуть: в Древнем Египте никогда не было религиозной ортодоксии. Ни один город не считался хранителем абсолютной догмы. Ни одна жреческая коллегия не владела окончательной истиной. Единичность Бога постигалась через множественность культов и храмов: только все вместе они могли создать сколько-нибудь полное представление о Едином.

Со смертью Эхнатона и Нефертити опыт атонизма закончился. Новая столица свое отжила. Существование в Фивах храма фараона-соправителя Сменхкара доказывает, что возвращение царского двора в старую столицу было делом предрешенным.

А между тем в карнакских храмах Атона мастера продолжали работать, и культ этого бога сохранялся. По мнению Редфорда, все храмы Атона действовали в течение трех лет после смерти Эхнатона. Коллегии жрецов по-прежнему служили Солнечному богу. По крайней мере, еще десять лет культ Атона отправлялся в Фивах, в Мемфисе и в Гелиополе – трех крупнейших религиозных центрах Египта.

Конечно, религиозная ситуация изменилась. Атон вновь стал таким же божеством, как и другие. «Имперским» богом опять был Амон. Магическую защиту имени фараона обеспечивал уже не Атон, а Амон: царя теперь звали Тутанхамон. Великая супруга царя также изменила свое имя. Анхесенпаатон, «Живущая для Атона», превратилась в Анхесенамон, «Живущую для Амона».[120]

Следовательно, глубоко ошибаются те, кто утверждает, будто сразу после кончины Эхнатона стала искореняться память о солнечной чете, и начались преследования приверженцев Атона. Не существовало никакой «секты атонистов», маргинальной по отношению к египетскому обществу, или «религиозного меньшинства», поклоняющегося этому богу. Египетская религия – это не совокупность «конфессий», отношения между которыми строятся на применении силы. Атон был вдохновителем одного царствования, а не выражением истины, явленной однажды и на все времена.

Если храмы Атона были закрыты через несколько лет после смерти царственных супругов, то лишь потому, что исчерпали

свою функцию. Атон, Эхнатон и Нефертити образовывали божественную триаду, которая приняла на себя роль традиционного сообщества древних богов. Однако, когда триада распалась, все другие культы в полной мере возобновили свою активность.

Хоремхеба часто обвиняли в том, что он разрушил Ахетатон и предал своего прежнего повелителя Эхнатона, объявив его еретиком и неправедным царем. Действительность была совершенно иной, чем эта воображаемая версия событий.

Взойдя на трон (примерно через десять лет после смерти Эхнатона), Хоремхеб, как и любой фараон XVIII династии, только что пришедший к власти, начал выполнять свою функцию «начальника (строительных) работ». Он предпринял в Карнаке целый ряд крупномасштабных работ, в том числе строительство девятого пилона. Следуя традиции, он использовал элементы архитектурных сооружений своих предшественников для создания собственных памятников. Такими «элементами» и стали камни карнакских храмов Атона.

Храмы, некогда сооруженные в Фивах Эхнатоном, демонтировались и разбирались на блоки – очень аккуратно и методично. Речь идет не о варварском разрушении, осуществленном фанатиками и подстрекателями, но именно о ритуальном демонтаже, который производился с большим тщанием. Эти блоки, или талататы (которые мы часто упоминали), складывались рядами внутри второго и девятого пилонов, образуя эффективное заполнение их внутренних полостей.

Археологи, которые обнаружили эти блоки, к сожалению, не сразу поняли, с чем имеют дело. Иначе они бы заметили, что египтяне укладывали камни в порядке, обратном порядку демонтажа. Тогда они не разбирали бы блоки «как бог на душу положит», но следовали бы логике системы и могли бы легко реконструировать стены, которые некогда были из них сложены. Увы! Некоторые камни были выставлены под открытое небо, потом их перемещали, потом по-разному складывали. Короче говоря, сегодня специалисты вынуждены складывать из разрозненных кусков гигантскую головоломку. Если бы первооткрыватели талататов проявили чуть больше внимания и ума, можно было бы избежать титанической работы, которая закончится очень не скоро – не говоря уже о том, что все попытки реконструировать те или иные сцены неизбежно наталкиваются на критику.

Имя Хоремхеба содержит имя Хора, его божественного покровителя. После коронации царь жил так же часто в Мемфисе

(где соорудил свою первую гробницу, еще будучи генералом), как и в Фивах. Он не начинал никаких гонений на приверженцев Эхнатона или Атона, а просто проводил архитектурную «политику», соответствовавшую традиции фараонов.

Что стало с Ахетатоном, столицей солнечной четы? Вначале правления Тутанхамона город еще был обитаем, хотя его активность резко снизилась. Переезд «министерств» и других учреждений, очевидно, растянулся на много месяцев. Как считает Редфорд, город был окончательно покинут жителями не ранее чем через три года после смерти Эхнатона.

Вейгал, основываясь на находках скелетов собак в царской псарне и останков животных на фермах, предположил, что Ахетатон был оставлен «в одночасье». Почти все гробницы остались незаконченными. Среди них мало было таких (а может, и ни одной), где находились мумии.

Однако все это не доказывает, что имел место массовый и поспешный исход населения. Вельможи и высшие чиновники, вероятно, уехали первыми. Ремесленники и люди неквалифицированного труда – последними. Еще при Тутанхамоне в городе продолжали работать мастера по изготовлению фаянса. Что же касается сановников, то они успели позаботиться о том, чтобы замуровать входы в свои роскошные жилища.

А потом наступил последний день, в последний раз Солнце взошло над умирающим городом, который, наконец, покидали и те, кто оставался в нем до самого конца. Отъезжающие поднимались на палубы барок, часть которых направлялась на север, к Мемфису, а другая – на юг, к Фивам.

Одна из страниц египетской истории бесповоротно отошла в прошлое.

Мириам Лихтхайм, специалист по египетской литературе, предложила убедительное объяснение опыта атонизма и неизбежного конца Ахетатона, города божественного Солнца. Для того чтобы обрести вечную жизнь, напоминает она, египтянин должен был знать богов и их учение – прежде всего учение Осириса. Однако в Ахетатоне традиционных богов не было. У кого же человек мог вымолить себе бессмертие? Только у царской семьи. Лишь она могла даровать своим подданным жизнь в вечности. Считалось, что *ка* каждого человека продолжает жить благодаря своему единению с царской семьей, которая поклоняется Атону.

Когда Эхнатон умер, его столица, Ахетатон, тоже умерла. Ведь она была сущностно связана с царем, неотделима от его естества. Атон, город и фараон составляли единое целое.

После исчезновения царской семьи священный город Атона, ее конкретная манифестация, не мог более существовать. Необходимость возврата к другим формам божества и к другим формам существования стала осознаваться как неизбежность.

Преследовалась ли память об Эхнатоне?

Некоторые авторы полагают, что мощное течение, направленное против Эхнатона, зародилось примерно через пятьдесят лет после смерти этого царя. Эхнатон вдруг стал «врагом», «преступником». Его имя было вычеркнуто из официальных документов, изглажено на всех памятниках, где прежде присутствовало. Именно тогда город Солнца полностью снесли с лица земли.

Внимательный анализ документации вносит важные коррективы в эту картину. Действительно, два знаменитых фараона XIX династии, Сети I и Рамсес II, несут ответственность за то, что исторический опыт атонизма был предан забвению. Однако заметим, что речь в данном случае идет именно о позиции фараона, а не о народном выступлении или массовых «антиатоновых манифестациях».

Термины «враг» и «преступник» могут ввести нас в заблуждение. На самом деле Эхнатон именуется в документах «павшим *(херу)* из Ахетатона» – иначе говоря, «тем, кто перестал существовать». Термин *херу* не содержит в себе идеи враждебности или тем более вины.

Ситуация кажется странной еще и потому, что имя Рамсеса II включает в себя имя солнечного бога *par excellence,* Ра. Этот фараон (как до него Хоремхеб) исключил из царских анналов все упоминания Эхнатона, Тутанхамона и Эйе – создав, таким образом, впечатление, что непосредственным преемником Аменхотепа III был Хоремхеб. Но ведь Хоремхеб – одна из самых заметных фигур эпохи атонизма.

Затмить одну форму солнечного бога (Атона), чтобы отдать первенствующую роль более древней манифестации того же бога – Ра? Быть может, в этом и состояла главная цель Рамсеса II.

Следует также отметить, что имя Эхнатона изглаживалось не на всех памятниках. Камни храмов эль-Амарны были вторично использованы (а значит, и приобрели сакральный статус) при строительстве пилона храма Рамсеса II в Гелиополе. Другие архитектурные фрагменты эпохи Эхнатона сохранились в храме того же Рамсеса в Антиное; на некоторых из них даже имеются изображения культа Атона.

Рамсес II поступал точно так же, как Хоремхеб. Он демонтировал памятники атонизма, не разрушая их, чтобы использовать каменные блоки при сооружении собственных монументов. Однако на этот раз отряды мастеров разбирали храмы в самой эль-Амарне, уже в течение многих лет необитаемой. Большинство блоков переправляли в Гермополь, на другой берег Нила. Однако часть из них использовали на строительстве других рамессидских храмов – в Карнаке и даже в Абидосе. Все храмы Атона, по всему Египту, разделили одну и ту же участь. Здесь уместно говорить не о разрушении, но о ритуальном систематическом демонтаже, который осуществлялся, как полагает Редфорд, в соответствии с точным планом.

«Профанные» здания Ахетатона были снесены до фундамента. Если какие-то руины и оставались, их использовали как каменоломни. Город, покинутый жителями, не имело смысла жалеть.

Рождение города Солнца было окрашено в теологические тона – равно как и его кончина. Однако «исчезновение», с точки зрения египтянина, есть не что иное, как трансформация старых элементов, их включение в новую конструкцию. Поэтому действия Рамессидов следует расценивать не как проявление ненависти к «проклятому» Эхнатону, а как нормальную символическую акцию, вполне соответствующую традиции фараонов.

Кстати говоря, многие амарнские формулировки встречаются и в рамессидских текстах. Новые служители культа охотно прибегали к образам и символам атонизма. Рамессидские гимны (Тоту, Осирису и Птаху) близки по своей фразеологии к амарнским.

Исторический Эхнатон и его столица (как материальный город) перестали существовать. Однако учение о божественном Солнце продолжало развиваться. А это значит, что – с точки зрения египтянина – суть атонизма сохранилась.

Глава XXX
ПРОДОЛЖЕНИЕ В БИБЛИИ?

Духовный опыт Эхнатона и тексты амарнской эпохи не раз поражали ученых-христиан, занимавшихся этим периодом. Можно ли считать, что вера Эхнатона была – в какой-то степени – предвосхищением христианства, глубоким прозрением божественного единства, которое по необходимости вылилось в монотеизм?

Атон, действительно, предстает перед нами как чисто духовная сила, порождающая жизнь. Дэниэл-Ропс, пораженный глубиной образа Атона, ставит вопрос: «Не есть ли это то самое божество, которое, как нам кажется, постигаем мы; не есть ли это наш Бог?»

Если признать, что приверженцы древних религий, и особенно религий Ближнего Востока, неосознанно готовили пришествие Христа, то, конечно, бог Эхнатона обнаруживает особенно разительное сходство с Богом первых христиан. Однако такая точка зрения основывается исключительно на эволюционистском подходе к истории, который мы не разделяем.

Поэтому попробуем взглянуть на эту проблему в иной перспективе.

Атонизм мог оказать влияние на зарождающееся христианство, так сказать, «издалека» – путем распространения идей и символов. Такое предположение вполне правдоподобно.

В одном оксиринхском папирусе записаны следующие слова Христа:

> *Вы спрашиваете, кто приведет нас к Царству? Вы спрашиваете, расположено ли Царство на небесах? Птицы в воздухе и все звери, которые под землей и на земле, а также рыбы в море – вот те, кто вас приведет; что же касается Царства Небесного, то оно находится в вас самих.*

Любопытный отзвук амарнских текстов, не правда ли?

Христос, произнося эти слова, вовсе не впадает в сентиментальный натурализм, но дает понять своим ученикам, что божественные тайны запечатлены в природе. Наблюдая ее, общаясь с ней, человек рано или поздно обнаруживает, что секрет жизни сокрыт в его собственном сердце. Все учение Эхнатона вмещается в это внезапное озарение.

Можно было бы процитировать и другие христианские

тексты, источником вдохновения для которых послужили – более или менее непосредственным образом – идеи Эхнатона. Мы ограничимся тем, что напомним читателю самый знаменитый из них – 104-й псалом,[121] отдельные части которого представляют собой переводы из Большого гимна Атону. Псалмопевец начинает с того, что испрашивает благословения Яхве, обращаясь к нему так: «Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер». Этот сияющий Бог «шествует на крыльях ветра»; он «поставил землю на твердых основах: не поколеблется она во веки и веки». Он, подобно богу-творцу Древнего Египта, устанавливает гармонию во вселенной. Яхве, как и Атон, «положил предел» своему творению – чтобы природные силы стали компонентами созданного им шедевра красоты и порядка. А далее следуют стихи, которые не удивят тех, кто знаком с Большим гимном Атону:

> *Ты послал источники в долины: между горами текут,*
> *Поят всех полевых зверей; дикие ослы утоляют жажду свою.*
> *При них обитают птицы небесные, из среды ветвей издают голос.*
> *Ты напояешь горы с высот твоих, плодами дел твоих насыщается земля.*
> *Ты произращаешь траву для скота, и зелень на пользу человека,*
> *чтобы произвесть из земли пищу […]*
> *Он [Яхве] сотворил луну для указания времен; солнце знает свой запад.*
> *Ты простираешь тьму, и бывает ночь: во время ее бродят все лесные звери;*
> *Львы рыкают о добыче и просят у Бога пищу себе.*
> *Восходит солнце, и они собираются и ложатся в свои логовища.*
> *Выходит человек на дело свое и на работу свою до вечера.*
> *Как многочисленны дела Твои, Господи! Все сделал Ты премудро;*
> *земля полна произведений Твоих…*
> *Сокроешь лице Твое – мятутся; отнимешь дух их – умирают,*
> *и в персть свою возвращаются.*
> *Пошлешь дух Твой – созидаются, и Ты обновляешь лице земли.*

Автор этого псалма был прекрасно знаком с амарнской

духовностью и счел ее идеалы достойными того, чтобы выразить их в тексте, прославляющем Яхве. В результате, через посредство Библии, мысль Эхнатона обрела бессмертие.

Еврейские писцы наверняка переводили многие египетские тексты, прежде всего «поучения», и таким образом нередко сохраняли для потомков их религиозный смысл.

Кто не знает, хотя бы в общих чертах, историю Моисея, величайшего религиозного лидера, который в возрасте восьмидесяти лет осмелился вступить в борьбу с фараоном, поработившим его братьев-евреев? Этот конфликт между главой сынов Израиля и египетским царем, выразившийся в мощных магических акциях Моисея, закончился Исходом: евреи покинули Египет и отправились на поиски Земли Обетованной. Моисею удалось убедить евреев, чье социальное положение вовсе не было таким ужасным, как утверждает полемически заостренный библейский текст, вернуться к состоянию номадизма.

Моисею пришлось употребить весь свой авторитет, чтобы уговорить соплеменников оставить пределы Обеих Земель и пуститься в опасную авантюру; он испытал много горьких разочарований – между прочим и потому, что к еврейскому клану присоединились некоторые сомнительные личности и кое-кто из людей, находившихся вне закона.

Когда именно произошли эти события? После долгих колебаний большинство нынешних исследователей приняли гипотезу, согласно которой Исход имел место около 1220 года до н. э., то есть в правление фараона Мернептаха, сына и преемника Рамсеса II. Единственная другая возможная дата – 1290 год до н. э. Как бы то ни было, все сходятся на том, что Моисей совершил свои деяния в Египте эпохи Рамессидов – «ликвидаторов» амарнского опыта.

Моисея часто сопоставляли с Эхнатоном, представляя дело таким образом, что первый будто бы воспринял некоторые элементы духовного наследия второго.

Моисей, как рассказывается в Библии, владел всей мудростью египтян. Эта мудрость не была «суетной», поскольку касалась тайн неба и земли, законов Творения и священных наук, которым обучали в сокровенном уединении храмов. Моисей, носивший египетское имя,[122] вероятно, получил образование при дворе фараона; согласно легенде, его спасла из воды и законным образом усыновила египетская принцесса. Заметим в скобках, что в соответствии с египетской символикой «спасенный из воды» – это тот, кто достиг бессмертия.

Еврейская традиция представляет Моисея пророком, пробудившим сознание евреев, но, с точки зрения египтян, он был

просто мудрым человеком, обязанным своими знаниями египетской науке. Два рамессидских папируса упоминают некоего человека по имени Месу: он обладал столь большим влиянием, что имел право наказывать провинившихся чиновников и – невероятная деталь – даже смещать визиря! Если признать, что Моисей и Месу – одно лицо, сам собой возникает вопрос: а не был ли будущий герой Исхода «правой рукой» фараона?

Другой текст, в котором трудно отделить фольклорный элемент от исторического, сообщает о том, что Моисей участвовал в победоносной кампании против эфиопов. Именно он подавил мятеж, и восторженные рассказы о его заслугах принесли ему великую честь. Успех Моисея вылился в настоящий триумф, что и побудило фараона приобщить его к власти, назначив своим соправителем!

Еврейская эзотерическая традиция, кажется, подтверждает эти сведения – по крайней мере, в плане символики. Ее приверженцы иногда считали Моисея одновременно богом и царем (то есть, иными словами, настоящим фараоном). «Когда Бог сделал его царем, Моисей получил священное имя; он был коронован светом и облачен в одежды из света. Взойдя на небесный трон, он принял в свою длань скипетр из божественного пламени». Согласитесь, что трудно более адекватно выразить сущность символической коронации фараона.

Из всего сказанного мы должны сделать следующий вывод: Моисей, военачальник и предводитель народов, был очень многим обязан цивилизации и мысли Древнего Египта. Близко общаясь с первыми сановниками государства, он знал египетскую административную систему изнутри – и сумел использовать свою компетентность и влияние, чтобы вывести евреев за пределы Египта.

Какие же точки соприкосновения усматривали между Эхнатоном и Моисеем?

Оба будто бы были инициаторами социальной революции. Однако мы видели, что в отношении Эхнатона подобная оценка не выдерживает критики.

Оба вступали в прямой контакт с Богом. К Моисею Бог обращался непосредственно, высказывая свою волю с полной ясностью. Во Второзаконии говорится: «И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей, которого Господь знал лицем к лицу» (Вт 34:10). Ту же привилегию бог Атон даровал царю Эхнатону. Фараон получил прямое божественное откровение, на основе которого и создал свою религию.

Моисей, первый из пророков, сам проповедовал слово, воспринятое им от Бога. Будучи истинным духовным

наставником, Моисей сначала поделился полученным Откровением с Ааароном, двумя своими сыновьями и старейшинами. Только после этого он обратился к народу, чтобы сообщить ему законы мудрости. Что касается Эхнатона, то мы видели, сколь большое значение придавал он своей роли духовного наставника, как много времени тратил, чтобы лично обучать людей из своего окружения новым истинам.

Эхнатон и Моисей находились в одинаковых отношениях с божеством и одинаковым образом доносили до других то Откровение, которое было им даровано.

И все же такое сравнение искусственно – поскольку *любой* фараон поддерживал непосредственный контакт с божественной силой, которую представлял на земле, и одновременно являлся духовным наставником всего Египта.

Аналогии находили и между доктринами Моисея и Эхнатона. Бог обратился к Моисею, чтобы тот открыл миру точную истину: «Нет подобного Богу Израилеву, который по небесам принесся на помощь тебе, и во славе Своей на облаках» (Вт 33:26).

С точки зрения Андрэ Нейера, путь Моисея состоял в «познании Бога, отличного от всех других, – Бога единого, творца и владыки земли и неба, чья ясная воля совпадает с идеалом справедливости и праведности». Нейер, который не любит египетскую цивилизацию, тем не менее, вынужден признать, что жизнь Эхнатона также была «страстным поиском единства: единства добра и истины, единства противоречивых сил природы в едином солнечном Диске, единства жизни и смерти в созидательной энергии того же Диска». Однако вся эта теория основывается на представлении об Эхнатоне как о творце монотеизма. Мы же имели возможность убедиться, что такое представление неверно. Идея Единого Бога, которую евреи довели до логического завершения, существовала в египетской религиозной мысли с самого начала.

Господь поведал Моисею, что Он является Богом всех народов, но лишь с Израилем заключил завет, дабы народ израильский привлек к нему другие народы. В этом откровении усматривали продолжение великого «универсалистского» проекта Эхнатона. Разве Атон не должен был стать «Богом всех народов»? Разве Моисей, пророк еврейского Бога, не возродил тот же идеал, но на иных религиозных основаниях? Ответ на оба вопроса – отрицательный. Мы видели, что Эхнатон не разрабатывал проектов универсалистского типа – хотя бы уже потому, что не собирался никого обращать в свою веру.

Но, может быть, Моисей все-таки черпал вдохновение в личности Эхнатона или в его учении? Доказательств в пользу

такого предположения нет. Однако сегодня уже вполне очевидно, что мы не поймем истоков христианства, не обратившись к египетской духовности.[123]

Заключение
СОЛНЦЕ И ВЕЧНОСТЬ

Эхнатон не был ни гуманистом-просветителем, ни харизматическим лидером, ни исполненным человеколюбия романтиком, ни далеким от жизни мистиком. Он не воевал с собственным народом, а последний не восставал против своего повелителя. Ни Эхнатон, ни Нефертити ничем не напоминали фанатичных проповедников сектантского вероучения. Они не объявляли «священной войны» против жречества Амона. «Солнечная чета» царствовала в мире, и ей привычно повиновались все – жрецы, армия, полиция, различные звенья административного аппарата.

Эхнатон, прошедший обучение у лучших наставников и сведущий в древней символике, был, прежде всего, фараоном, то есть наследником всей египетской мудрости. Он ничего не менял ни в функционировании и статусе монархии фараонов, этого земного отражения божественного миропорядка, ни в природе сакрализованного государства, ни в характере египетского общества, в котором решающую роль играли храмы и «дома жизни» – центры знания. Как и другие фараоны, Эхнатон посвящал все свои силы лишь одной проблеме – проблеме обеспечения контакта с источником жизни. В зеркале амарнского искусства «царственность» предстает как сверхъестественная сила, к которой не приложимы человеческие нормы и которая воплощается в таинственных формах, не постижимых для рационального мышления.

«Образ Эхнатона, мало-помалу вырисовывающийся в исследованиях последних лет, – пишет Клод Траунекер, – это образ ответственного и энергичного правителя, мужественного и умного царя, который (в чем, быть может, и состояла его ошибка) довел свою мысль до полного логического завершения; образ царя, пожелавшего восстановить божественную власть в форме, близкой к той, что существовала в начале истории Египта».

Мы должны признать, как справедливо указывает Б. Дж. Триггер, что Эхнатон никогда не стремился утвердить монотеистическую доктрину, что, выдвигая на первый план культ Атона, он не ставил перед собой никаких политических задач, что он ни в коей мере не страдал психопатологией и был вполне способен выполнять возложенные на него функции.

В политическом плане Эхнатон проявил себя как сильный правитель. То, что он, в некотором смысле, нарушал традицию,

назначая «новых людей» на высшие административные посты, – факт несомненный, но для Египта не исключительный. Эхнатон пользовался властью фараона во всем ее реальном объеме и, подобно своим предшественникам, возглавлял армию.

Однако этим дело не ограничивается: Эхнатон более действенным образом, чем другие фараоны его эпохи, исполнял свою роль царя-бога, ибо «возродил» и присвоил себе символические прерогативы владык Древнего царства. Он еще более возвеличил власть фараона, акцентировав ее значимость как земного отражения божественного мироустройства. Солнечный Диск стал символом духовного созидательного процесса – а также гарантом способности царя придавать всему существующему сакральный характер.

Процитируем великолепную молитву за Эхнатона, которая была записана в одной из гробниц эль-Амарны:

> *О ты, божественное Солнце, дозволь Эхнатону вечно жить рядом с тобой, согласно желанию твоего сердца, и лицезреть совершенство твое. Даруй ему жизнь, радость, изобилие. Пусть все, что ты обходишь, свершая свой круг, пребывает под стопами его, он же пусть приносит жертвенные дары твоему ка – он, сын твой, рожденный тобою. Юг и Север, Восток и Запад, а также острова в середине моря издают ликующие возгласы, завидев твое ка. Южная граница [владений Эхнатона] находится в самом дальнем месте, куда достигает дыхание ветра; северная граница – в самом дальнем месте, куда проникают солнечные лучи. Все их [чужеземных стран] князья повержены и бессильны по причине твоего могущества – совершенного жизнетворного могущества, которое погружает Обе Земли в (состояние) праздника и создает потребное для земли всей. Пусть царь всегда пребывает рядом с тобой, ибо он любит созерцать тебя. Даруй ему многочисленные хеб-седы [праздники обновления] и годы мира. Дозволь ему совершать деяния, желанные сердцу твоему, – и чтобы их было так много, как песка на побережьях, как чешуек у речных рыб и как шерстинок у скота. Дозволь, чтобы он оставался здесь [на земле]: доколе лебедь не станет черным, а ворон – белым; доколе горы не сдвинутся с места, а вода не потечет вспять, к своим истокам. Я же пусть буду продолжать служить совершенному богу [то есть царю], доколе он не пожалует мне гробницу.*

Нефертити и Эхнатон – солнечная чета, воспринимавшаяся

как символ божества, – были посредниками между первичной силой Света и египетским народом. Каждый день царь и царица совершали в храме ритуалы в честь Атона, и весь Египет был сопричастен их действиям. С точки зрения египтянина, каждому человеку подобает соприкасаться душой со всем живым: переживать, как собственные ощущения, рождение цветка, ритмическое движение воды, инстинктивную радость животного – и повсюду узнавать творение Бога.

Царственные супруги, рожденные от божественного Солнца и каждодневно возрождаемые им, справляют праздничный обряд своей любви. Манифестируя эту любовь (которая соединяет их в духовном аспекте), царь и царица тем самым продолжают процесс созидания мира посредством света – процесс, начавшийся в первый день Творения.

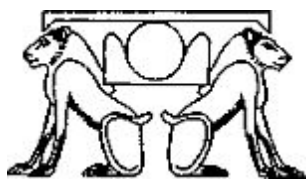
В основе реального опыта атонизма лежит идея *четы.* Великая супруга царя, Нефертити, была не пассивным партнером Эхнатона, а его постоянной вдохновительницей, «гением» его царствования. О ней говорили, что, когда слышится ее голос, люди издают ликующие крики. Слова, которые она произносит, радуют сердца всех живых. Ее прекрасные руки на изображениях свершают ритуальные жесты, ублажающие Бога. Ее сравнивали со сверкающей звездой. Но с наибольшей живостью образ Нефертити воссоздан, как нам кажется, в тексте одной из пограничных стел:

Ясная ликом,
Увенчанная, к вящей радости, двойным пером,
Владычица благополучия,
Наделенная всеми добродетелями,
Обладающая голосом, который радует людей,
Очаровательная госпожа, великая любовью,
Чьи чувства радуют
Владыку Обеих Земель…
Наследная принцесса,
Великая милостью,
Госпожа благополучия,
Сияющая своими двумя перьями,
Радующая своим голосом всех, кто ее слышит,
Пленяющая им сердце царя,
Умиротворенная всем, что (ей) говорят,
Великая и зело любимая супруга царя,
Госпожа Обеих Земель,
«Совершенно совершенство Атона» (или: «Прекрасна благость Атона»),

«Прекрасная пришла» (да живет она вечно!).

(Солнечный) свет неразрывно связан с вечностью: так можно выразить главную динамическую идею религии атонизма, которая, по нашему мнению, прекрасно вписывается в рамки египетской духовной традиции.

Дозволь мне, – просит Эйе у царя (которого называет «подобием Атона»), – *всегда насыщаться лицезрением тебя.* В культе Атона присутствует аспект такого рода медитации. Созерцать Солнце (сознавая, что видишь внешнюю форму проявления божественной силы) – это значит совершать сакральный акт. Если мы хотим попытаться понять суть «амарнской авантюры», нам тоже, в определенном смысле, необходимо научиться подобной медитации – медитации о Свете, который, по ту сторону истории, существует как явление вечного порядка.



Два льва, олицетворяющие собой циклическую вечность-нехех (вечность повторяющихся явлений природы) и неизменную вечность-джет (вечность завершенных явлений, царства мертвых, пирамид и пр.), охраняют солнечный горизонт. Они отождествлялись также с Шу и Тефнут, Жизнью и Правдой. Миниатюра из папируса писца Ани с записью «Книги Мертвых». Собрание Британского музея, Лондон.

ХРОНОЛОГИЯ

Даты, которые приводятся ниже, приблизительны.
Новое царство: 1552—1070
XVIII династия: 1552-1306
Яхмос: 1552-1527
Аменхотеп I: 1527—1506
Тутмос I: 1505-1494
Тутмос И: 1493-1490
Хатшепсут: 1490—1468
Тутмос III: 1490-1436
Аменхотеп II: 1438—1412
Тутмос IV: 1412-1402
Аменхотеп III: 1402—1364
Аменхотеп IV/Эхнатон: 1364–1347
Сменхкара: 1350—1347
Тутанхамон: 1347—1338
Эйе: 1337-1333
Хоремхеб: 1333-1306
XIX династия: 1306-1186
Рамсес I: 1306–1304
Сети I: 1304–1290
Рамсес II: 1290-1224

БИБЛИОГРАФИЯ

«Амарнские» исследования по причине своей многочисленности и разнообразия рассматриваемых тем превратились в самостоятельную отрасль египтологии – чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть материалы египтологического конгресса в Гренобле 1973 г., опубликованные C.N.R.S..[124] Г. А. Шлёгль издал подробный библиографический указатель по амарнскому периоду (Schlфgl H. A. *Echnaton-Tutancha-mun),* хорошим дополнением к которому могут служить библиографические обзоры Э. К. Вернера (Werner E. K. *The Amarna Period of Eighteenth Dynasty),* публиковавшиеся в нескольких номерах (95, 97/98, 101/102, ПО, 114, 120, 126) информационного бюллетеня Американского исследовательского центра в Египте *{Newsletter* of the American Research Center in Egypt).

В настоящей книге, в постраничных примечаниях, мы ссылались на некоторые другие работы.

Поэтому в нижеследующий список литературы мы сочли целесообразным включить только монографии обобщающего характера и такие статьи, которые были заметными вехами в истории изучения амарнского опыта.

Aid red C. *Akhénaton, le pharaon mystique.* Paris, 1973 (новое английское издание: 1988, Thames and Hudson).

Assmann J. «Die «Нвresie» des Echnaton. Aspekte der Amarna-Religion» // *Saeculum* 23, 1972, S. 109–126.

Assmann J. «Die «Loyalistische Lehre» Echnatons». *SAK* 8, 1980, S. 1-32.

Badawy A. «Le symbolisme de l'architecture a1 Amarna» // *l'Йgyptolo-gie en 1979* (colloques du C.N.R.S.), 2, pp. 187–194.

Behrens P., Nofretete. *Lexikon derBgyptologie* IV. Sp. 519–524.

Bouriant U., Legrain G. et Jequier G. *Monuments pour servir a' l'étude du culte d'Atonou,*\. Institut fransaise d'archéologie orientale. Le Caire, 1903.

Cooney J.D. *Amarna Reliefs from Hermopolis.* Brooklyn Museum, 1965.

Davis N., de Garis. *The Rock Tombs of El-Amarna.* 6 volumes (1903–1908). The Egypt Exploration Fund, London.

Doresse M. et J. «Le culte d'Aton sous la XVIIIe dynastie avant le schisme amarnien» // *Journal asiatique,* 1945.

Engelbach R.E. *Material for a Revision of the History of the Heresy Period of the XVIIIth Dynasty.* Annales du service des Antiquités égyptiennes, tome XL. Le Caire, pp. 133 sq.

Giles F.J. *Ikhnaton,Legend and History.* London, 1970.

Gunn B. «Notes on the Aten and his Names» // *Journal of Egyptian Archaeology* IX, pp. 168–176.

Hanke R. *Amarna-Reliefs aus Hermopolis.* Hildesheim, 1978.

Hornung E. *Echnaton. Die Religion des Lichtes.* Miinchen, 1995.

Kemp B.J., et al. *Amarna Reports* I. London, 1984.

Kemp B.J. *Ancient Egypt, Anatomy of a Civilization.* London and New York, 1989, pp. 261 sq. («Egypt in microcosm: the city of el-Amarna»).

Kemp B. J. «Tell el-Amarna» // *Lexikon derAgyptologie* VI, Sp. 309–319.

Krauss R. *Das Ende der Amamaieit.* Hildesheim, 1978.

Lettres dEl-Amarna (les). Correspondance diplomatique du pharaon.

Trad. W.L. Moran, avec la collaboration de V. Haas et G. Wilhelm. Paris, 1987.

Manniche L. «A la cour d'Akhénaton et de Néfertiti» // *Dossiers de l'archéologie.* № 142, 1989, pp. 24–31.

Martin G.T. *The Royal Tomb of El-Amarna.* Egypt Exploration Society, London.

Peet T.E., Wooley CL., Frankfort H., Pendlebury W.M.F. et al. *The City of Akhenaton.* part I–III (1923–1951), Egypt Exploration Society.

Pendlebury W.M.F., *les Fouilles de Tell el-Amarna et l'époque amarnienne,* Paris, 1936. <

Pétrie W.M.F. *Tell el-Amarna.* 1894, reprint 1974, Warminster.

Redford D.B. *Akhenaton, The Heretic King.* Princeton University Press, New Jersey, 1984.

Rugne (le) du soleil, Akhénaton et Néfertiti, exposition tenue a' Bruxelles, 1975.

Reeves C.N. «A Reappraisal of Tomb 55 in the Valley of the Kings» // *Journal of Egyptian Archaeology* 67, 1981, pp. 48–55.

Roeder G. *Amama-Reliefs aus Hermopolis.* Hildesheim, 1969.

Samson J. *Amarna, City of Akhenaten and Néfertiti: Néfertiti as Pharaoh.* Warminster, 1978.

Néfertiti and Cleopatra. London, 1985.

Sandman M. *Texts from the Time of Akhenaten.* Bruxelles, 1938.

Schafer H. *Amarna in Religion und Kunst.* Leipzig, 1931.

Traunecker C. «Akhénaton et salégende» // *Egypte* (Paris, Bordas) 1984, pp. 159–187.

Traunecker C. «Aménophis IV et Néfertiti: le couple royal d'apre's les talatates du IXe pylфne de Karnak» // *Bulletin de la société franɜaise d'égyptologie* 107, 1986, pp. 17–44.

Trigger B.G. «Akhenaton and Durkheim» // *Bulletin du centenaire de l'I.F.A.0.,* pp. 165–184.

Trigger B.G., Kemp B.J., O'Connor D., Lloyd A.B. *Ancient Egypt. A Social History*. Cambridge University Press, 1983.

Vandersleyen C. *L'Egypte et la Vallée du Nil.* Tome 2, Paris, 1995, pp. 409–465.

Wenig S. «Aménophis IV» // *Lexikon der Agyptologie* I, Sp. 210–219.

notes

Примечания

1

Хоремхеб – генерал, влиятельный сановник при дворе Эхнатона; стал фараоном после смерти Эйе.

2

Эхнатон, «Действенный дух Атона», – имя, принятое фараоном Аменхотепом IV в шестой год правления.

3

Жак К. Египет великих фараонов: История и легенда. М., 1992.

4

Тутанхамон – в Ахетатоне он носил имя Тутанхатон; стал преемником Эхнатона и его соправителя Сменхкара под именем Тутанхамон и правил в Фивах.

5

Ахетатон, «Страна Света Атона», – древнеегипетское название столицы, построенной Эхнатоном в Среднем Египте.

6

См.: Ассман Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М., 1999,с.330.

7

См.: Ассман Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М., 1999, с. 336.

8

Эйе – один из самых влиятельных сановников при дворе Эхнатона; стал фараоном после смерти Тутанхамона.

9

Перепелкин Ю. Я. Жрец царя во главе государства // Вестник древней истории. 1989. № 3, с. 26. В русской литературе используются разные транскрипции имен, написание Амен-хотп (вместо Аменхотеп) передает структуру египетского имени-фразы («Амон доволен»).

10

Аменхотеп III– фараон, отец Эхнатона и супруг Тийи.

11

Луксор – современное название места в восточной части Фив, где Аменхотеп III построил храм, в котором ежегодно совершалось таинство нового рождения царя богом Амоном.

12

См.: Bell L. Luxor temple and the cult of the royal ka// Journal of Near Eastern Studies. Chicago, 1985. v. 44, № 4, pp. 251—294

13

См.: Johnson W. R. Amenhotep III and Amarna: Some new considerations // Journal of Egyptian Archaeology. 1996, № 82, pp. 65–82.

14

Об этом см.: Ockinga B. Zum Fortleben des «Amarna-Loyalismus» in der Ramessidenzeit // Die Welt des Orients. Stuttgart, 1983. Bd 14, S. 207–215.

15

Опубликован в: Amin A.M.A. Amer. Tutankhamun's decree for the chief treasurer Maya// Revue d'йgyptologie. Paris, 1985, v. 36, pp. 17–20, pi. 1.

16

Поскольку, по египетским представлениям, Бог мог вселиться в любой образ, а каждый египетский город обязательно должен был иметь своего бога-покровителя, египтяне после покорения Нубии «создавали» новых богов для всех построенных ими на бывшей вражеской территории новых крепостей. Делалось это очень просто. Строился храм со статуями и изображениями бога, а имя для бога выбиралось по стандартной схеме: имя какого-то почитаемого египетского божества + название крепости или местности. Так и появились целая вереница новых Хоров, Хнум, владыка области первых порогов, несколько разных ипостасей богинь Сатет и Анукет и пр.

17

Государство в Северной Сирии со смешанным семитским и хурритским населением (хурриты – народ, родственный по языку урартам, древним жителям Армянского нагорья); существовало в 16–14 вв. до н. э.

18

См.: 2ivie A. P. Aper-el et ses voisins: considйrations sur les tombes rupestres de la XVIlIe dynastie a Saqqarah // Memphis et ses nйcropoles au Nouvel Empire. Paris, 1988, pp. 103–112.

19

См.: Martin G. T. The Memphite tomb of Horemheb. London, 1989.

20

Хеттское государство сложилось в Малой Азии в 18 в. до н. э. и просуществовало до начала 12 в. до н. э. С воцарения Суппилулиумы в начале 14 в. до н. э. начинается период Новохеттского царства – период хеттской империи. Ее столицей был город Хаттуса (совр. Богазкёй).

21

Туту посвящена статья, которую мы цитировали выше: Перепелкин Ю. Я. Жрец царя во главе государства.

Liverani M. Aziru, servitore di due padroni // Studi orientali in ricor-do di Franco Pintore. Pavia, 1983, pp. 93—121.

23

См.: Klengel H. Einige Bemerkungen zur Syrienpolitik des Amenophis IV/Echnaton. Altertum, 1965, Bd 11, Hft 3. S. 135.

В более популярной форме его результаты изложены в книге: Перепелкин Ю. Я. Тайна золотого гроба. М., 1968; 2-е изд. М., 1969.

25

Меритатон – старшая дочь Эхнатона и Нефертити.

26

Кийа – «второстепенная» супруга Эхнатона.

27

Сменхкара – соправитель Эхнатоца; их совместное правление продолжалось около трех лет.

28

Фивы – в эпоху Нового царства столица Египта. Карнак и Луксор были частью Фив и располагались на восточном берегу Нила; западный берег был застроен другими храмами и гробницами.

29

Ю. Я. Перепелкин употребляет иные, чем это принято в русском языке, написания имен, передающие подлинное звучание египетской речи (которое можно восстановить только для некоторых слов). Арабскими цифрами обозначены строки надписи. В квадратные скобки помещаются реконструированные части текста.

Они опубликованы в книге: Коростовцев М.А. Повесть о Петеисе III.Древнеегипетская проза. М., 1978.

31

Helck W. Die Erzвhlung vom verwunschenen Prinzen // Form und Mass, Beitrвge zur Literatur, Sprache und Kunst des alten Agypten. Festschrift fur Gerhard Fecht,Wiesbaden, 1987,S.218–225.

32

Ахетатон – древнеегипетское название города; эль-Амарна – его нынешнее, арабское название, которое часто неправильно передают как «Телль эль-Амарна» или, сокращенно, «Амарна». Отсюда – такие выражения, как «амарнский период», «амарнское искусство», «амарнская религия».

(эль-)Амарна – арабское название Ахетатона.

34

Гермополь – священный город бога Тота; располагался на западном берегу Нила, почти напротив Ахетатона.

35

Карнак – современное название места в восточной части Фив, где располагается большой храм Амона-Ра.

Мы здесь не будем обсуждать вопрос о том, что сей ученый муж, видимо, просто не привык к лучам божественного светила; вспомним лучше, что в Древнем Египте были известны солнечные зонты и балдахины – они, кстати, изображены и в сценах из гробниц эль-Амарны.

См. ниже, глава IX, с. 73.

38

Малъката – дворец Аменхотепа III в Фивах (на западном берегу Нила), где родился Эхнатон.

39

Язык семитского населения Древней Месопотамии. Во 2 тыс. до н. э. стал языком международного общения в Восточном Средиземноморье.

То есть, например, посылал отцу невесты брачные дары.

41

Египтяне стали поклоняться воинственным азиатским богиням Астарте и Кудшу, так как у них самих похожих культов не было; и, наоборот, в иконографии азиатских богинь отразились черты египетской богини Хатхор.

42

Мемфис, «Весы Обеих Земель», – священный город бога Птаха; располагался на территории южной части современного Каира.

43

Гелиополь – древнейший священный город Египта, посвященный божественному Солнцу. Он находился недалеко от современного Каира; ныне почти полностью разрушен.

44

Тийа – «великая супруга» Аменхотепа Шг мать Эхнатона.

Следует также отметить, что в Нубии, далеко от великих религиозных центров Египта, бог-сокол Хорахти почитался наравне с богом Амоном. Интересно, что Эхнатон в первые годы своего правления будет превозносить именно Хорахти – подготавливая таким образом почву для введения культа Атона.

Повесть Синухе. Пер. О.В. Томашевич: Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1997, с. 33.

Сути – уменьшительно-ласкательная форма от имени Сет.

48

Два овала, которые использовались на письме только для выделения тронного и личного имен фараона.

49

Плеть, знак власти царя.

Согласно другой гипотезе, «андрогинные» статуи являются просто незаконченными работами: скульптор не успел приделать к ним накладные набедренные повязки и передники. Однако это не объясняет, почему телу были намеренно приданы женственные черты. А в том, что дело обстояло именно так, сомневаться не приходится: слишком уж явно акцентированы бедра и форма таза.

51

Обычно первый хеб-сед праздновался на тридцатом году правления, а последующие – с промежутком в один-два года.

52

Одним из традиционных способов легитимизации власти фараона была его женитьба на дочери царя и царицы (часто – его собственной сестре), которая считалась законной наследницей престола.

53

Египетские фараоны имели по многу законных жен – отчасти именно потому, что заключали дипломатические браки. До нас дошло, например, изображение царского гарема в Ахетатоне.

54

По поводу атрибуции бюста скульптору Тхутмосе см.: R. Krauss, *Jahrbuch Preussischer Kulturbesitz*. Berlin 20, 1983, pp.119–132.

55

Об этой прическе см.: E.K.Werner, *Acta Orientalia* 48, pp.324–331.

56

Изображение двух кобр.

57

Систр – священный музыкальный инструмент, род погремушки.

См.: Acta Orientalia 38, 1977, pp.5—10.

59

Египетский год делился на три сезона по четыре месяца каждый: *ахет* («Половодье»), *перет* («Сев», зима) и *шему* («Жатва», лето). В каждом месяце было по тридцать дней. В начале или конце года добавлялись пять «дополнительных» дней.

То есть две богини, покровительствующие Верхнему и Нижнему Египту.

61

Это выражение можно перевести и по-другому: «Совершенны трансформации Ра».

Собственно, имя фараона следовало бы писать «Ахнатон», но мы здесь следуем укоренившейся в русском языке традиции.

63

Сплав золота и серебра.

См.: Murnane W.J., Newsletter ARCE 128, 1984, pp.40–52.

65

Макетатон – вторая дочь Эхнатона и Нефертити; умерла в четырнадцатом году правления.

66

Твердый, трудный для обработки камень.

Глаза, ожерелья, украшения на головных уборах.

Другой возможный перевод – «Амон впереди». То есть Ра.

То есть Ра.

Здесь: эпитет бога Птаха.

Kadry A. Officers and Officials in the New Kingdom. Budapest, 1982. 90

Каждый египетский храм считался воплощением космоса, «образом неба на земле». Ахетатон же весь был городом-храмом, священной резиденцией Солнечного Диска.

73

Центральная зала была выше окружавших ее помещений, и окна прорубали под потолком. Они были маленькими и зарешеченными.

В эпоху империи (Новое царство) фараон часто именовался «владыкой всего, что обходит в своем круговом движении Солнечный Диск». Эта формула подразумевает упорядоченный, то есть живущий в соответствии с законом Маат (в политическом плане – в соответствии с волей фараона) мир, за пределами которого царит хаос.

75

Далее текст приводится в переводе М.А.Коростовцева (см.: Коростовцев М.А., *Повесть о Петеисе III.* М., 1978. С.251–255), но – в соответствии с замыслом К.Жака – с разбивкой на строфы и строки.

76

Перевод этой строки у К.Жака: «Хотя тебя видят, пути твои остаются незримыми». Или: «Твое движение [по небу] остается непознанным». Эхнатон хочет сказать, что сущности Бога люди не знают – несмотря на то, что он являет себя самым доступным для восприятия образом, в солнечном свете.

77

«Смерть», наступающая после захода Солнца, есть не полное прекращение существования, но состояние, обусловленное временной утратой энергии. В этот период готовится возрождение живого организма, которое обязательно произойдет на рассвете.

78

В египетском тексте – Ка («двойник» человека или бога; его изображение, то есть овеществленная память о нем, которая продолжает существовать и после смерти; бессмертная жизненная сила, являющаяся частью личности).

В переводе К.Жака (видимо, более правильном): «Ты созидаешь эмбрион в женщине».

В переводе К.Жака: «характеры».

81

В переводе К.Жака: «который трудится для них».

В переводе К.Жака: «И они напоят их поля и их города».

83

По представлению Эхнатона, есть два Нила: один находится на небе и, проливаясь в виде дождя на землю, дарует жизнь чужеземным странам; другой вытекает из «преисподней» и поддерживает жизнь Египта. Слово «преисподняя» не совсем удачно: речь идет о «нижнем мире», который считался хранилищем потенциальных созидательных энергий.

К.Жак переводит это трудное место, которое М.А.Коростовцев предпочел оставить без перевода, так: «…жару, чтобы люди в полной мере оценили тебя».

85

Пер. К.Жака: «Ибо ты – диск дневного солнца над землей». Далее следует несколько поврежденных строк, которые К.Жак восстанавливает следующим образом: «[Когда ты удаляешься,// Ни одно из твоих созданий не может существовать,// Так как не видит тебя]».

Пер. К.Жака (более правильный): «…они живут тобой».

87

Пер. К.Жака: «…то велишь каждой вещи произрастать для царя»; пер. М. Лихтхайм (Lichtheim M. *Ancient Egyptian Literature.* Vol. II. Berkeley– Los Angeles – London, 1976,p.99): «…то побуждаешь [всех] двигаться ради царя».

88

Имеется в виду территория древней Нубии, располагавшейся между первыми и четвертыми порогами Нила.

89

Бек – скульптор, начальник Скульпторов Ахетатона.

Davis. *The Rock Tombs of El-Amarna,* IV, XXXI.

91

Помимо перечисленных городов, следы строительной активности Эхнатона были обнаружены в Атрибисе, Иллахуне, Ассиуте, Тоде, Медамуде, Арманте, Амаде, Сесеби, Седеинге (последние три города находятся в Нубии. – *Прим. пер.)*.

Богине Хатхор.

93

Приношение любой жертвы (хлеба, вина, мяса, благовоний и т. д.) традиционно считалось приношением Маат.

Иными словами, означало, что люди усвоили этот закон и действуют в соответствии с ним.

См.: Davis, op. cit., V, 2 et VI, 25.

96

Анхесенпаатон – третья дочь Эхнатона и Нефертити, супруга Тутанхамона.

См.: Helck W.MDAIK40, 1984, pp.159–167.

Г.В. Мюллер обратил внимание на сакральный характер «прогулок», представленных на рельефах Древнего царства. «Прогуливающийся» в действительности вступает в контакт с обожествленной природой, чтобы «порадовать свое сердце» и достичь «места вечности». Та же символика, несмотря на изменившуюся внешнюю атрибутику, была связана и с амарнскими «прогулками».

Такие конусы изготавливались из плотного жира, пропитанного ароматными веществами: медленно тая, жир стекал на одежду, и вокруг человека распространялось облако благовоний. Рассматривая египетские фрески, мы можем увидеть на белых одеждах пирующих желтоватые подтеки этого жира.

100

В эпоху Нового царства общее количество праздничных дней за год иногда доходило до ста двадцати.

101

Египтяне получали за свой труд не деньги, которых почти до конца египетской истории в стране не было, а натуральные выдачи (продукты, одежду и т. д.). Эти выдачи распределялись в централизованном порядке.

102

Молельни представляли собой небольшие постройки, располагавшиеся в приусадебных садах. Именно там находились рельефы с изображениями царской семьи или статуэтки божеств, о которых рассказывалось выше.

103

«Совершенным (или младшим) богом» в Египте называли фараона.

Сирии и Нубии.

105

Вероятно, Крит и другие греческие острова.

106

Кирпичики и кольца – употребительные в Египте формы золотых слитков; на многих изображениях можно видеть, как их взвешивают на весах.

107

Африканская страна, расположенная южнее Нубии; по одной из гипотез – побережье Сомали.

108

«Сени Ра» существовали в заупокойных фиванских храмах: это были платформы, на которых устанавливали алтари.

См.: Traunecker C. *JSSEA* 14, 1984, pp.60–69.

См.: HelckW.Jm *«Feldzug» unter Amenophis IVgegen Nubien,* SAK 8, 1980, pp. 117–126; Schulman A. R. The Nubian war of Akhetaton. – in: *I'Egyptologie in 1979* (CNRS), 1982, 2, pp.299–316.

111

Царь Иерусалима.

Или: «Тот, кого упрочило *ка* Ра».

113

Обо всех этих проблемах см.: Krauss R. *Das Ende der Amarnazeit.* Hildesheim, 1978.

Davis, *op. cit.,* 2, pis.43 sq.Однако Джулия Сэмсон отрицает наличие каких-либо доказательств, подтверждающих, что Меритатон приняла на себя роль фараона и состояла в браке с юным Сменхкара.

115

См.: Schulman A. R. *JARCE* 15,pp.43–48; Spalinger *A. J. Egyptian-Hittite Relations at the Close of the Amarna Period and Some Notes on Hittite Military Strategy in North Syria.* BES 1, pp. 55–89.

116

Крупный город в Северной Сирии, резиденция хеттского наместника.

117

Перевод Ю.Я.Перепелкина, см.: *Хрестоматия по истории Древнего Востока,* с. 56.

118

Тутанхамон умер в возрасте восемнадцати лет.

119

Египтяне называли «Черной землей» Египет (имея в виду его плодородие), а «Красной землей» – все пустыни и чужеземные страны.

120

См.: Hari R. *La «Damnation memoriae» amarnienne.* Мйlanges Gutbub, 1984, pp. 95-102.

121

В русском синодальном переводе Библии – 103-й псалом.

122

Имя Моисей происходит от египетского слова *месу,* которое можно интерпретировать как «ребенок» или как уменьшительную форму от имен типа Рамесу, «Ра рожден», Птахмесу, «Птах рожден» и т. д.

123

О Моисее и его связях с Египтом и Эхнатоном см.: J. Lehman, *Moses – Der Mann aus Bgypten, Religionstifter, Gesetzgeber, Staatsgriinder,* Hambourg, 1983.

Французским Национальным центром научных исследований.